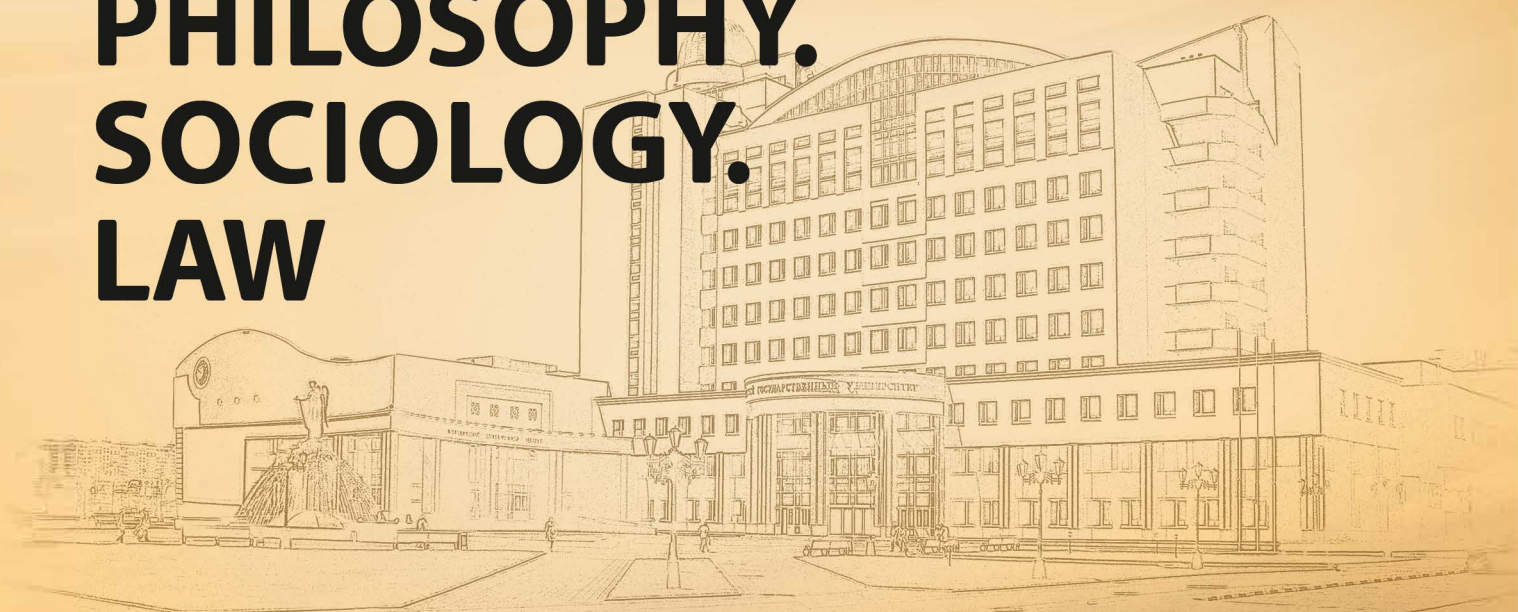

НОМОТНЕТІКА: ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ПРАВО

NOMOTHETIKA: PHILOSOPHY. SOCIOLOGY. LAW

Том 46, № 4

НОМОТНЕТИКА:
Философия. Социология. Право
2021. Том 46, № 4

До 2020 г. журнал издавался под названием «Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право».

Основан в 1995 г.

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых рекомендуется публикация основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет».

Издатель: НИУ «БелГУ», Издательский дом «БелГУ». Адрес редакции, издателя: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор

Римский В.П., доктор философских наук, профессор
 Белгородского государственного института искусств
 и культуры

Заместители главного редактора:

Бабинцев В.П., доктор философских наук, профессор
 (НИУ «БелГУ»)

Тонков Е.Е., доктор юридических наук, профессор
 (НИУ «БелГУ»)

Ведущий редактор

Почепцов С.С., кандидат философских наук, доцент
 (НИУ «БелГУ»)

Ответственные секретари:

Новикова А.Е.

кандидат юридических наук, доцент
 (НИУ «БелГУ»)

Вангородская С.А.

кандидат социологических наук, доцент
 (НИУ «БелГУ»)

Члены редколлегии:

Беляева Г.С., доктор юридических наук, профессор
 (НИУ «БелГУ»)

Борисов С.Н., доктор философских наук, профессор
 (НИУ «БелГУ»)

Петар Боянич, доктор философии, профессор
 (Белградский университет, Сербия)

Быкова М.Ф., доктор философских наук, профессор
 (Университет Северной Каролины, США)

Барков С.А., доктор социологических наук, профессор
 (МГУ)

Габов А.В., доктор юридических наук, член-корреспондент
 РАН (Институт государства и права РАН)

Драч Г.В., доктор философских наук, профессор
 (Южный федеральный университет)

Зубок Ю.А., доктор социологических наук, профессор
 (Институт социально-политических исследований РАН)

Власенко Н.А., доктор юридических наук, профессор
 (Российский университет дружбы народов)

Калинина Г.Н., доктор философских наук, профессор
 (Белгородский государственный институт искусств
 и культуры)

Климова С.М., доктор философских наук, профессор
 (НИУ «Высшая школа экономики»)

Майданский А.Д., доктор философских наук, профессор
 (НИУ «БелГУ»)

Мареева Е.Н., доктор философских наук, профессор
 Московского государственного института культуры
 (Москва, Россия)

Малько А.В., доктор юридических наук, профессор
 Поволжского института (филиала) Всероссийского
 государственного университета правосудия, профессор
 (Саратов, Россия)

Назаров В.Н., доктор философских наук, профессор
 (Тульский государственный педагогический университет
 им. Л.Н. Толстого)

Никольский С.А., доктор философских наук, профессор
 (Институт философии РАН)

Проказина Н.В., доктор социологических наук, профессор
 (Российская академия народного хозяйства и
 государственной службы при Президенте РФ)

Сивков Ц.Г., доктор юридических наук, профессор
 (Софийский университет имени Св. Климента Охридского,
 Болгария)

Стариков Ю.Н., доктор юридических наук, профессор
 (Воронежский государственный университет)

Туралин В.Ю., доктор юридических наук, профессор
 (НИУ «БелГУ»)

Шнопер Дариуш, доктор юридических наук, профессор
 (Поморская академия, Польша)

Куксин И.Н., доктор юридических наук, профессор
 (Московский городской педагогический университет)

Таболин В.В., доктор юридических наук, профессор
 (Государственный университет управления)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ № ФС 77-77840 от 31.01.2020. Выходит 4 раза в год.

Выпускающий редактор Л.П. Котенко. Корректурa, компьютерная верстка и оригинал-макет О.Г. Томусяк. E-mail: Rimskiy@bsu.edu.ru; rosheptsov@bsu.edu.ru. Гарнитуры Times New Roman, Arial, Impact. Уч.-изд. л. 19,7. Дата выхода 30.12.2021. Оригинал-макет подготовлен отделом объединенной редакции научных журналов НИУ «БелГУ». Адрес: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

- 619 Поздняков С.Н. Пифагореизм и индийские истоки платоновской эсхатологии

ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

- 630 Финогентов В.Н. Один аспект гносеологической скромности

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

- 640 Зотов В.В., Алексеенко А.И. Перспективы заключения общественного договора о цифровизации публичного управления
652 Лукашук В.И. Генезис спорта: обзор основных теорий

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

- 662 Дунаев Р.А., Кузнецов А.В. Глобальная сетевая коммуникация и человек «рациональный»
668 Хашаева С.В., Ковальчук О.В., Дагаев Р.Р. Политическая активность региональной молодежи
679 Чеснокова Л.В. Свобода и автономия личности: к вопросу о приватном пространстве

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

- 689 Волохова Е. В., Попов Е. С. Воденко К.В. Конфессиональный фактор в развитии экологической культуры в современном обществе
700 Борисовский А.В., Резник С.В. Литературно-мифологические архетипы насилия, мира и милосердия в доисламской поэзии и прозе

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

- 709 Дизер О.А. Проблемы реализации конституционного права трудящихся-мигрантов в Российской Федерации на охрану здоровья и медицинскую помощь в связи с пандемией COVID-19
715 Кравец К.В. Е.Н. Трубецкой о соотношении права и нравственности
722 Пенская Т.М., Туралин В.Ю., Пенской А.В. Двудекий Янус: о природе русского средневекового и раннемодерного права
736 Плотникова Е.С. Правовые позиции высших судов в сфере обеспечения и защиты конституционного права на охрану здоровья и репродуктивных прав
742 Стульнова Т.В., Холманский В.И. Несовершенство закона о мелком хулиганстве как условие антиобщественного поведения в общественных местах и в сфере семейно-бытовых отношений
752 Таболин В.В. Юридическая урбанонология: междисциплинарное направление юридической науки
757 Хабиева З.Д., Ярычев Н.У. Природа и сущность правоприменительного юридического процесса: постановка проблемы
767 Шерстнев В.Н. Генезис конституционного регулирования судостроительства в России

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ И КОММУНИКАЦИИ

- 775 Анисимов Н.О., Римская О.Н., Олещенко Е.О. Городские сообщества и субкультурные протесты в сетях гражданского общества современной России
782 Кистенев В.В., Посохова Я.В. История благотворительности в г. Белгороде как форма социально-правовой конъюнкции
785 Кожемякин Е.А. Цифровые топосы: локализация практик консолидации горожан
790 Серкина Я.И. Дигитализация образовательного пространства вуза: дизъюнкция вместо интеграции
794 Слатинов В.Б. Выбор модели управления городом как фактор консолидации городских сообществ (на примере административных центров регионов Черноземья)
799 Хрипкина Д.В. Ценностные основания гражданской активности: социологический анализ

NOMOTHETIKA:

Philosophy. Sociology. Law

2021. Volume 46, No. 4

Until 2020, the magazine was published with the name "Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Law series".

Founded in 1995

The Journal is included into the list of the leading peer-reviewed journals and publications coming out in the Russian Federation that are recommended for publishing key results of the theses for Doktor and Kandidat degree-seekers.

Founder: Federal state autonomous educational establishment of higher education «Belgorod National Research University».

Publisher: Belgorod National Research University «BelSU» Publishing House. Address of editorial office, publisher: 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia.

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL

Chief Editor

Rimskiy, V.P., Doctor of philosophy, professor (Belgorod state institute of arts and culture)

Deputies of chief editor

Babintsev, V.P., Doctor of philosophy, Professor (Belgorod National Research University)

Tonkov, E.E., Doctor of law, Professor (Belgorod National Research University)

Commissioning Editor

Pocheptsov, S.S., Candidate of philosophy (Belgorod National Research University)

Responsible Secretary

Novikova, A.E., Candidate of law (Belgorod National Research University)

Vangorodskaya, S.A., Candidate of sociology (Belgorod National Research University)

Members of editorial board:

Belyaeva, G.S., Doctor of law, Professor (Belgorod National Research University)

Borisov, S.N., Doctor of philosophy, Professor (Belgorod National Research)

Petar Bojanic, Doctor of philosophy, Professor (Belgrade University, Serbia)

Bykova, M.F., Doctor of philosophy, Professor (North Carolina State University, USA)

Vlasenko, N.A., Doctor of law, Professor (Peoples' Friendship University of Russia)

Barkov, S.A., Doctor of sociology, Professor (Moscow State University)

Gabov, A.V., doctor of law, corresponding member of the RAS, honored lawyer of the Russian Federation, chief researcher of the Institute of state and law of the RAS

Drach, G.V., Doctor of philosophy, Professor (Southern Federal University)

Zubok, Y.A., Doctor of sociology, Professor (Institute of Social and Political Research, Russian Academy of Science)

Kalinina, G.N., Doctor of philosophy, Professor (Belgorod State Institute of Arts and Culture)

Klimova, S.M., Doctor of philosophy, Professor (Higher School of Economics)

Maydanskiy, A.D., Doctor of philosophy, Professor (Belgorod National Research University)

Mareeva E. N., Doctor of Philosophy, Professor of the Moscow State Institute of Culture (Moscow, Russia)

Malko A.V., Doctor of Law, Professor of the Volga Institute (branch) All-Russian State University of Justice, Professor (Saratov, Russia)

Nazarov, V.N., Doctor of philosophy, Professor (Tolstoy Tula State Pedagogical University)

Nikolskiy, S.A., Doctor of philosophy, Professor (Institute of Philosophy, Russian Academy of Science)

Prokazina, N.V., Doctor of sociology, Professor (Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration)

Sivkov, C.G., Doctor of law, Professor (University of Sofia "St. Kliment Ohridski", Bulgaria)

Starilov, Y.N., Doctor of law, Professor (Voronezh State University)

Turanin, V.Yu., Doctor of law, Professor (Belgorod National Research University)

Dariusz Shpoper, Doctor of law, Professor (Akademia Pomorska, Poland)

Kuksin, I.N., Doctor of law, Professor (Moscow City University)

Tabolin, V.V., Doctor of law, Professor (The State University of Management)

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications information technology and mass media (Roskomnadzor). Mass media registration certificate ЭЛ № ФС 77-77840 dd 31.01.2020. Publication frequency: 4 /year

Commissioning Editor L.P. Kotenko. Pag Proofreading, computer imposition O.G. Tomusyak. E-mail: Rimskiy@bsu.edu.ru; pocheptsov@bsu.edu.ru. Typefaces Times New Roman, Arial, Impact. Publisher's signature 19,7. Date of publishing 30.12.2021. The layout was prepared by the Department of the joint editorial Board of scientific journals of NRU "BelSU". Address: 85, Pobedy St, Belgorod, Russia, 308015.

CONTENTS

HISTORY OF PHILOSOPHY, SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

- 619 Pozdnyakov S.N. Pythagoreanism and Indian Origins of Plato's Eschatology

LOGIC, METHODOLOGY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE

- 630 Finogentov V.N. One Aspect of Epistemological Modesty

SOCIOLOGY AND SOCIAL TECHNOLOGIES

- 640 Zotov V.V., Alekseenko A.I. Prospects for Concluding a Social Contract on the Digitalization of Public Governance
652 Lukashchuk V.I. Sport Genesis: Review of the Main Theories

HUMAN BEING. CULTURE. SOCIETY

- 662 Dunaev R.A., Kuznetsov A.V., Chernyakov A.N. Global Network Communication and the Rational Person
668 Hashaeva S.V., Kovalchuk O.V., Dagaev R.R. Political Activity of Regional Youth
679 Chesnokova L.V. Liberty and Individual Autonomy: To the Question of Private Space

RELIGION STUDIES AND SOCIOLOGY OF CULTURE

- 689 Volokhova E.V., Popov E.S. Vodenko K.V. Confessional Factor in the Development of Ecological Culture in Modern Society
700 Borisovskiy A.V., Reznik S.V. Literary and Mythological Plot Archetypes of Violence, Peace and Mercy in Pre-Islamic Poetry and Prose

ACTUAL PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

- 709 Dizer O.A. Problems of Realization of the Constitutional Right of Migrant Workers in the Russian Federation to Health Protection and Medical Care in Connection with the COVID-19 Pandemic
715 Kravets K.V. E.N. Trubetskoy on the Relationship of Law and Morality
722 Penskaya T.M., Turanin V.Yu., Penskoy A.V. Two-faced Janus: On the nature of Russian Medieval and early Modern law
736 Plotnikova E.S. Legal Positions of the Highest Courts in the Field of Ensuring and Protecting the Constitutional Right to Health and Reproductive Rights
742 Stulinova T.V., Holmanskij V.I. Imperfection of the Law on Petty Hooliganism as a Condition of Antisocial Behavior in Public Places and in the Sphere of Family and Household Relations
752 Tabolin V.V. Legal Urbanology: Interdisciplinary Direction of the Legal Science
757 Khabieva Z.D., Yarychev N.U. The Nature and Essence of the Law Enforcement Legal Process: Problem Statement
767 Sherstnev V.N. The Genesis of the Constitutional Regulation of the Judicial System in Russia

SCIENTIFIC LIFE AND COMMUNICATIONS

- 775 Anisimov N.O., Rimskaya O.N., Oleshchenko E.O. Urban Communities and Subcultural Protests in Networks Civil Society of Modern Russia
782 Kistenev V.V., Posohova Ya.V. The History of Charity in Belgorod as a Form of Social and Legal Conjunction
785 Kozhemyakin E.A. Digital Topoi: Localizing the Consolidation Practices of Citizens
790 Serkina Ya.I. Digitalization of the University's Educational Space: Disjunction Instead of Integration
794 Slatinov V.B. The Choice of a City Management Model as a Factor of Consolidation of Urban Communities (on the Example of the Administrative Centers of the Chernozyem Regions)
799 Khripkova D.V. The Value Bases of Civic Activity: A Sociological Analysis

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК HISTORY OF PHILOSOPHY, SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

УДК 141.131

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-4-619-629

Пифагореизм и индийские истоки платоновской эсхатологии

Поздняков С.Н.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (Брянский филиал)
Россия, 241050, г. Брянск, ул. Горького, 18
E-mail: missan75@mail.ru

Аннотация. Автором рассмотрен вопрос влияния пифагореизма на платоновское учение о бессмертии души в контексте кросс-культурного взаимодействия древнеиндийской мифо-религиозной традиции и древнегреческой философии. Установлены объективные трудности в определении характера и степени влияния пифагореизма на эсхатологию Платона. Актуализирована проблема содержания и механизмов межкультурной коммуникации древних цивилизаций в сфере религиозной мудрости. Особое внимание уделено вопросу происхождения и развития древнегреческой доктрины метемпсихоза и возможного влияния на этот процесс религиозной культуры Древней Индии. Предложены к рассмотрению альтернативные источники возникновения учения о метемпсихозе, подтверждающие оригинальность религиозно-философской мысли Древней Греции.

Ключевые слова: Платон, пифагореизм, учение о бессмертии души, метемпсихоз, древнеиндийская мифо-религиозная традиция, межкультурная коммуникация.

Для цитирования: Поздняков С.Н. 2021. Пифагореизм и индийские истоки платоновской эсхатологии. *НОМОТНЕТІКА: Філасофія. Соцыялогія. Права*, 46(4): 619–629. DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-4-619-629

Pythagoreanism and Indian Origins of Plato's Eschatology

Sergey N. Pozdnyakov

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
18 Gorky St, Bryansk 241050, Russian Federation
E-mail: missan75@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of the influence of Pythagoreanism on Plato's doctrine of the immortality of the soul in the context of the issue of intercultural communication of ancient India and Greece in the field of religion and philosophy. The study of this issue is carried out within the framework of the comparative methodology. At the beginning of the article, the most obvious traces of the influence of the Pythagorean tradition in the eschatological doctrine of Plato are given. Further, the reasons that create objective difficulties in determining the degree and nature of the influence of Pythagoreanism on the Platonic doctrine of the immortality of the soul are indicated. We are talking about the special nature

of the representation of the Pythagoreans in Plato's dialogues, about the lack of historical information about the personality of Pythagoras, about the influence of various mythological and religious traditions on him, about the close connection between Pythagoreanism and Orphism. Special attention is paid to the characterization of the Greco-Indian relations and the forms of cultural contacts from the 6th century BC. The special conditions of these contacts are noted, which made the exchange of religious ideas and eschatological teachings between countries unlikely. Alternative sources of the doctrine of metempsychosis in Ancient Greece are considered, among which the internal transformation of the Greek religion and changes in the traditional ideas of the ancient Greeks about human and his spiritual basis are of primary importance.

Keywords: Plato, Pythagoreanism, the doctrine of the immortality of the soul, metempsychosis, ancient Indian mythological and religious tradition, intercultural communication.

For citation: Pozdnyakov S.N. 2021. Pythagoreanism and Indian Origins of Plato's Eschatology. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series, 46(4): 619–629 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-4-619-629

Введение

Индивидуальная эсхатология является одной из системообразующих доктрин платоновской философии. Поэтому представляется очень важным определить источники этого учения, характер его развития, а также степень влияния различных культурных и религиозно-философских традиций. По мнению В. Буркерта [Burkert, 1972, p. 83], тенденция искать конкретные исторические отношения, источники определенных вдохновений или цель конкретных намеков у Платона отошла на задний план. Действительно, определить все источники Платона, исходя только из изучения его философии, невозможно. Образно говоря, инородный материал вливается, синтезируется и застывает монолитом в платоновской структуре философии в качественно ином состоянии. В отношении связи пифагореизма с платоновским учением о бессмертии души в контексте проблемы восточных влияний это наиболее показательно.

Принято указывать на многочисленные пифагорейские мотивы в платоновских диалогах [Huffman, 2012]. При этом существует целый ряд причин, которые создают объективные трудности в определении характера и степени влияния пифагореизма на платоновскую философию. Платон крайне редко упоминает имена представителей пифагорейской традиции, даже если использует их идеи. Имя Пифагора, например, упоминается в «Государстве» всего один раз (600a-b) в контексте противопоставления пифагорейского образа жизни гомеровскому и критики Платоном последнего. В VII книге этого же диалога (530d-531a) Платон прямо ссылается на пифагорейцев, критикуя их за то, что при изучении астрономии и музыки они слишком большое значение придают данным чувственного опыта [Платон, 1994, с. 314]. При этом Платон часто обращается к персонажам, которых традиция считала пифагорейцами, но которые самим Платоном так не представляются¹. Так, например, в «Федоне» упоминаются Филолай (61d), хотя Платон не называет его пифагорейцем.

Пифагор и орфизм

Пифагор был первым, по свидетельству Дикеарха, кто начал учить метемпсихозу в Греции [Диоген Лаэртский, 2011, с. 416]. Однако очень близкое учение было в орфизме, в вакхических обрядах и у Эмпедокла [Burkert, 1985, p. 294]. Поэтому упоминаемые в «За-

¹ Бриссон [Brisson, 2003] в этой связи упоминают Филолая, Феодора Киренского, Архита Тарентского, Тимея Локрийского. В биографиях этих деятелей, по его мнению, содержится много противоречивых сведений, не позволяющих определить их безусловную принадлежность к пифагорейской традиции.

конах» (870d-e) священные таинства могут быть орфическими или вакхическими практиками [Платон, 1994, с. 327]. Отсутствие прямого указания на Пифагора в тех местах, где Платон ссылается на блуждающих мудрецов, жрецов, прорицателей и т.п., привело к возникновению теории [Bernabe, pp. 118-144], согласно которой следует относить эти ссылки к орфизму, а не пифагореизму. Так, например, в «Кратиле» (400c) тело определяется как «сома» (σώμα) и сравнивается с «могильной плитой» (σῆμα), под которой погребена душа [Платон, 1990, с. 634]. Эту оппозицию традиционно относят к орфическим представлениям. В то же время в «Горгии» (493a), где Платон, ссылаясь на «одного мудрого человека»¹, воспроизводится аналогичная пифагорейская идея [Платон, 1990, с. 533]. Подобная путаница связана с тем, что орфики и пифагорейцы использовали одинаковые термины, но с разными значениями. Например, понятие цикла (κύκλος) трансмиграции душ для пифагорейцев не имеет отрицательного значения, в то время как для орфиков это понятие имеет негативный оттенок и связывается с наказанием.

Другая проблема – недостаток исторической информации о личности Пифагора. Речь идет о «расширении традиции», о чем писал Целлер [1996]. Даже свидетельства Аристотеля, которые можно было бы рассматривать как одни из самых ранних имеющих реальное историко-философское значение, зачастую используются для контраргументации со всеми вытекающими отсюда последствиями для объективности [Cherniss, 1994, p. 291]. Вместе с тем традиция, идущая от Аристотеля («Метафизика» 987a 29-31) и продолженная средними платониками, видит в Пифагоре главного вдохновителя Платона, хотя сам Аристотель говорит не Пифагоре, а о пифагорейцах² [Аристотель, 1976, с. 79].

Сам Пифагор, вероятно, находился в поле влияния различных мифо-религиозных традиций. Одним из таких факторов влияния, судя по всему, является орфизм. О том, что орфизм как более древнее и масштабное движение предшествовал Пифагору и оказал на него влияние, писали Роде, Целлер, Ратман, Гатри, Нильссон, Керн, Йегер, Блюк и другие³. Между тем, по мнению Буркерта [Burkert, 1972, p. 142], в самых ранних источниках доктринальные отличия пифагореизма от орфизма не подтверждаются. Ни один древний источник не связывает напрямую метемпсихоз с орфизмом. Чаще всего речь идет о предсуществовании души – идет ли речь о заключении души в тело как в тюрьму или о перенесении души в тело ветром.

Впрочем, аналогичные критические замечания делались и в отношении пифагореизма. Так, Л. Бриссон утверждает, но приводит мало убедительных доказательств, что все свидетельства того, что пифагорейцы учили переселению душ, не имеют определяющего значения и могут указывать на доктрину предсуществования души [Brisson, 2003, pp. 21–46]. Однако это позволяет предположить, что внутри различных слоев пифагорейской традиции концепция бессмертия существенно отличалась и единого пифагорейского учения о бессмертии души не существовало.

Как бы там ни было, но именно доктрина переселения душ была и остается главным аргументом сторонников влияния на Пифагора инородных религиозных идей. Здесь на первый план выступает проблема влияния индийской мифо-религиозной и философской традиции.

¹ Климент Александрийский, видел в этом мудреце Филолая, у которого Платон покупал пифагорейские книги и к которому ездил в Италию [Лосев, 2005].

² Хоффман [Huffman, 2008, pp. 284-304], исходя из контекста фрагмента, однако усматривает в них не пифагорейцев, а досократиков.

³ Начиная с Роде [Rohde, 1925], также считалось несомненным, что Пифагор получил учение о метемпсихозе из орфизма.

Пифагор и Индия

Вопрос об интеллектуальных связях Индии и Греции был источником для целого ряда¹ противоречивых, лишенных критического подхода исследований². Показательна в этом отношении статья Л.Ю. Шредера «Пифагор и индийцы», в которой была предпринята попытка доказать факт заимствования Пифагором учения о метемпсихозе из Индии [Шредер, 1888]. Работа Шредера подверглась критике [Keith, 1909], а его попытка вывести пифагорейское учение о переселении душ из индийского учения была признана неудачной [Целлер, 1996]. Шредер оставил открытым вопрос о механизме передачи и способах усвоения индийской религиозной мудрости, а также вопрос о том, каким образом Пифагор пришел в Индию. Без этого поиск доктринальных параллелей не имеет особого значения, равно как вероятность пребывания философа в Индии не отвечает на вопрос о способах усвоения им чужеземного знания, какой бы характер оно не носило. Любая форма влияния с одним из конечных результатов, таких как полное заимствование идей, развитие собственной системы вследствие вдохновения, простая симпатия или критика всегда требует непосредственного контакта. До тех пор, пока мы не найдем факты контактов, демонстрирующие четкую, конкретную и безальтернативную зависимость, мы не сможем доказать наличия влияния на одном лишь сходстве идей. В противном случае мы вынуждены говорить об общем культурном фоне, Традиции, индоевропейском наследии, параллельном развитии или влиянии, например, через изобразительные формы [Burkert, 1997].

В греко-индийских отношениях принято особо выделять два периода: первый – до индийского похода Александра Великого, второй – после него. Свидетельств о прямых контактах между странами в первый период практически нет. Возможные контакты в этот период, вероятно, можно рассматривать в более широком контексте проблемы влияния Индии на весь древневосточный мир. Определено о первых контактах индийцев и греков можно говорить в контексте образования в середине VI века до н.э. державы Ахеменидов. Персы объединили под своей властью территорию от Малой Азии до границ Индии. Греки занимались торговлей, строительством, служили чиновниками или наемниками в различных провинциях³. Непреднамеренная персидская политика по смешиванию различных национальностей создавала возможность для греко-индийских контактов. Однако большинство таких контактов носили бытовой характер. Маловероятно, что в персидских городах можно было встретить аутентичных носителей индийского религиозно-философского мировоззрения. У жрецов-брахманов, истинных носителей религиозной мудрости, не было особых оснований раскрывать тайное содержание своих священных текстов млечхам, то есть чужакам. При этом ортодоксальным браминам было запрещено пересекать море из-за «загрязнения» под угрозой исключения из касты. Косвенное подтверждение этому есть у Диона Хрисостома в «Речи в Келенах во Фригии» [Таронян, 2007, с. 154]. В греческих источниках нет сведений и о существовании индийцев среди греков⁴.

¹ Традиция усматривать в индийской культуре источник религиозной мудрости, оказавший влияние на формирование древнегреческой философии, содержит имена таких ученых: Шлегель, А. Рихтер, Л. Шредер, Р. Гарбе, Л. Мабильо, А. Гладиш, Т. Кольбрук, У. Джонс и др.

² См., например, Jacolliot L. 1870. *The Bible in India*. Carleton, New York, 325.

³ Показателен пример Ктесия из малоазийского города Книда, который был личным врачом царя Артаксеркса.

⁴ Вызывает возражение традиция о странствующем индийском мудреце, с которым религиозно-философские идеи могли проникнуть в Грецию. Речь идет о сообщении Аристоксена о беседе в Афинах Сократа с индийским мудрецом [Таронян, 2007, с. 275]. Стиль и содержание беседы, в которой философский подход Сократа к исследованию человеческой жизни подвергается критике со стороны индийского мудреца, явно соответствует более позднему времени.

Начиная с похода Александра, у греков проявляется отчетливый интерес к иностранной мудрости. Участники похода оставили сочинения, положившие начало непосредственному взаимодействию культур. О «нагих философах» оставил повествование участник похода Аристокрит. В Таксиле Онесикрит, капитан флагманского суда, ученик Диогена, вел беседы с «гимнософистами» [Страбон, 1964, с. 664]. Следует заметить, что в истории Онесикрита ярко выражена проблема языкового барьера. Манданий, старейший и мудрейший из индийских «софистов», с которым разговаривал Онесикрит, вел беседу через трех переводчиков. Манданий сетовал, что в своем понимании, кроме языка, они стоят не выше толпы и не в состоянии донести Онесикриту суть его учения. «Это ведь все равно, что требовать, чтобы чистая вода текла через грязь» [Страбон, 1964, с. 665]. С другой стороны, Онесикрита интересовали не столько оригинальное содержание философии индийских «софистов», сколько отражение в ней изначальной мудрости человечества, которой для Онесикрита была его собственная киническая философия¹.

Из Греции до Индии теоретически можно было добраться двумя способами. Первый – по воде: Эгейское море, Средиземное море, затем по суше до Красного моря или Персидского залива, Аравийское море. Второй – по суше: через Иранское плато, долины месопотамских рек и через различные ответвления к берегу Средиземного моря. По любому из маршрутов путь был очень долг и опасен. Опасность таких путешествий подтверждает более позднее свидетельство миссии Пандиона к императору Августу, в письме которому говорилось, что отправилось в путешествие в Рим много людей, но пережили дорогу только трое [Sedlar, 1980, р. 26]. Совершить в середине VI века до н.э. такое путешествие в одиночку в далекую неизвестную Индию, само название которой было мало известно, за исключением необычайных обстоятельств, было делом практически невозможным [Rawlinson, 1916, р. 157]. Все эти факты свидетельствуют о том, какие преграды могли встретить Пифагора в Индии, если его поездка туда имела место².

Вопреки мнению Шредера, видевшего в метемпсихозе доказательство индийского влияния на Пифагора, можно предположить, что это учение было известно грекам до Пифагора, что делает поездку в Индию лишённым смысла. Особенно если учесть, что в самой Индии эта доктрина была относительно новой. Самое раннее упоминание о метемпсихозе встречается в «Брихадараньяка-упанишаде», которая датируется VII–VI вв. до н. э.³ После смерти, подобно тому как гусеница, переползая с одного стебля травы на другой, или как золотых дел мастер, взяв новый кусок золота, придает ему более прекрасный образ, атман, стряхивая незнание, отбрасывает старое тело и приближается к новому [Упанишады, 1992, с. 125]. Первоначально индийский метемпсихоз не был связан с вопросами этики и формировался, вероятно, с ростом монистических тенденций в религии [Sedlar, 1980, р. 180]. Идея переселения душ связывала все земные существа подобно тому, как все боги ведийских гимнов стали проявлением Брахмана. Анализ индийских текстов показывает, что облаченная в мифо-символическую форму концепция метемпсихоза относительно близка соответствующему пифагорейскому учению. Вместе с тем различимы отличия;

¹ Похожий случай с преломлением нового знания через фильтр личностных убеждений находим в свидетельствах Мегасфена, селевкидского посла при дворе маурийского царя Чандрагупты. Рассказывая о брахманах, он приводит ряд параллелей в греческой мифологии, сообщая, что брахманы «вплетают в свои рассказы подобно Платону мифы о бессмертии души о суде в Аиде и другие в таком же роде» [Страбон, 1964, с. 663].

² Буркерт, несмотря на это, пишет: «Нет ничего невозможного в том, что ионянин, живший в VI в. до н.э., мог перенять элементы вавилонской математики, иранской религии и даже индийского учения о переселении душ» [Burkert, 1985, р. 299].

³ Смутные намеки на эту доктрину можно обнаружить в «Ригведе» (X.16.5; X.16.13-14; X.14.8) и «Шатапатха-брахмане» (х. 3. 8. 8).

не только в деталях, но и в общем контексте традиций. Например, в индийских текстах раннего периода сложно найти следы учения о припоминании прошлых жизней, которое было частью учения Пифагора и одним из свидетельств о его жизни. С другой стороны, индийская доктрина знания, приводящего к освобождению, сильно отличается от пифагорейской теории очищения. Запрет на употребление бобов, ритуалы поклонения солнцу, встречающийся в пифагореизме и индийских текстах, являются примерами общих табу, которые носят, вероятно, этнический характер, что является спорным фактом заимствования. Сомнительным доказательством является и строгое вегетарианство Пифагора. С одной стороны, не доказано, что вегетарианство у Пифагора связано с метемпсихозом, с другой – по свидетельству некоторых авторов V века до н.э. Пифагор не придерживался строгого вегетарианства [Жмудь, 2012, с. 205]. К тому же в самой Индии в VI веке до н.э. не было полного запрета на употребление мяса коров [Chattopadhyay, 2008]. Ведийский мудрец Яджнавалкья, который считается автором «Брихадараньяка-упанишад», по некоторым сведениям, был убежденным мясоедом [Keith, 1925, p. 604].

Другие элементы пифагорейской системы, такие как математическая теорема, понятия об иррациональных величинах, учение о пяти элементах и тройственности вселенной, теория чисел и т.д., и сам, по словам Шредера, «фантастически-мистически-символический характер» пифагорейского мировоззрения [Шредер, 1888, с. 70] также нельзя однозначно связать с Индией. Таким образом, сложно найти что-то действительно уникальное, что могло бы быть безусловным доказательством связи Пифагора с Индией. Конечно, нельзя полностью исключать наличие какой-либо связи, однако такая гипотеза будет одной из многих, предполагающих другие страны и возможности, которые выглядят намного вероятнее и убедительнее в силу географических, исторических, культурных и религиозных факторов. Например, существует устойчивая традиция, восходящая к Аристотелю, согласно которой Пифагор проходил обучение у персидских магов ¹.

Пифагор и греческий мир

Возникновение доктрины метемпсихоза в Греции может быть объяснимо исходя из внутренней трансформации греческой религии и изменений традиционных представлений о человеке. Существует несколько упрощенный взгляд, что пифагорейский метемпсихоз является радикальным разрывом с гомеровским взглядом на душу как на тень, обреченную на мрачную жизнь среди теней Аида [Bremmer, 1983]. Очевидно, что это учение не было изобретением Пифагора, хотя он придал ему новую форму и сделал широко известным. Предпосылки для трансформации греческих представлений о бессмертии в метемпсихоз следует искать в традиционной мифологии, культе героев и изменениях в понимании человеческой личности.

В самом общем виде учение о метемпсихозе предполагает наличие как минимум трех основных положений: способность души существовать отдельно от тела; способность души существовать в теле, отличном от человеческого; сообщение душой каждому живому существу личностных свойств. Первое положение существовало в элементарной форме уже в гомеровском эпосе. История о гневе Ахиллеса («Илиада», I. 3-4) показывает отделимость души от тела [Гомер, 2008, с. 5]. То же самое можно найти в «Одиссее», например, в разговоре Одиссея с Антиклеей или в истории о Кирке и спутниках Одиссея [Гомер, 2000, с. 125]. Многочисленные следы фетишизма на Балканах свидетельствуют о наличии веры, что жизнь может присутствовать в различных одушевленных формах. Показателен в этом отношении эпизод «Илиады» (XIX, 350–354) с превращением Афины в сокола для спасения оплакивающего Патрокла Ахиллеса от голодной смерти [Гомер, 2008, с. 281]. И, наконец, третье положение. В традиционной гомеровской мифологии су-

¹ Гатри, который детально исследовал традицию о связи Пифагора с персами и Зороастром, говорит о ее неисторичности [Гатри, 2015, с. 441].

ществовала пропасть между бессмертными богами и человеческим смертным родом, представителей которого после смерти ждало призрачное существование. В оформлении культа героев проявляется человеческое стремление отвоевать у богов их права на бессмертие. Возвращение Сизифа из Аида – мифологический пример борьбы за бессмертие. Можно предположить, что мифологические мотивы, в которых герои претерпевают различные метаморфозы и трансформации, являются намеком на мобильность индивидуальной сущности, что в конечном итоге разовьется в миграцию души. Следует также упомянуть и палингенезию, греческое представление о периодическом возвращении усопших к новой жизни, проникшее во множество местных культов и мистерий. Эта идея имела свою мифологическую основу в виде божественного (дионисийского) начала, которое при своем сотворении получает человеческий род. С этим же связаны идеи очищения и искупления. Палингенезию можно рассматривать как естественное верование развитого дельфийского культа, которым, вероятно, и объясняются многие религиозные особенности пифагорейства [Трубецкой, 2003 с. 167].

Другим возможным источником пифагорейского учения о переселении может быть Крит, где сохранились религиозные традиции, уходящие корнями к минойской цивилизации¹. Речь здесь идет об Эпимениде Критском, харизматическом чудотворце, прорицателе, целителе, которого пифагорейская традиция связывает с Пифагором. Согласно этой традиции, Эпименид совершил сошествие в ад вместе с Пифагором и посвятил последнего в Идейской пещере в таинства. С именем Эпименида связывали многочисленные сочинения мифо-религиозного содержания, важнейшим из которых была «Теогония» (около 600 года до н.э.), которая содержит элементы учения о перевоплощении. Здесь рассказывалось о перевоплощении души убитого Гераклом Немейского льва сначала в Эака, сына Зевса, царя острова Эгина, а затем, через предполагаемые промежуточные инкарнации, в Эпименида. Существует гипотеза, что именно «Теогония» Эпименида была источником орфико-пифагорейского учения о бессмертии и перевоплощении души [Лебедев, 2015, с. 550-584]. Истоки этого учения, которое передавалось устно в традиции жреческого рода Эпименида, вероятно, лежат в позднеминойской эпохе. При этом явных доказательств присутствия веры в метемпсихоз в критской религии нет. Хотя высказывались предположения, что минойцы придерживались учения о переселении душ еще в III тыс. до н.э. и связано оно было с культом предков [Андреев, 2002, с. 406].

Ряд фактов указывает, что другим возможным источником метемпсихоза могла быть Фракия. Римский географ Помпоний Мела сообщал, что вера в переселение душ была у некоторых фракийских племен. Сообщение относится хоть и к позднему периоду (около 43 г. н.э.), но очевидно, что вера возникла в более ранний период [Помпоний Мела, 2017, с. 165]. Через историю о Салмоксисе, учившем, по словам Геродота, («История», IV, 95) о бессмертии, с Фракией связан Пифагор [Геродот, 1972, с. 211]. Эрвин Роде, опираясь на это свидетельство Геродота, а также на эпизод в «Гекубе» Еврипида, в котором Полиместор предрекает Гекубе будущее воплощение в образе огнеокой собаки [Еврипид, 1998, с. 382], предположил, что у фракийцев V века до н.э. вера в метемпсихоз была хорошо известна [Rohde, 1925, p. 263]. Во Фракии доктрина переселения могла развиваться в связи с верой во временное воплощение божественного в животную форму, что нашло воплощение в дионисийских обрядах.

Среди возможных источников пифагорейского учения следует назвать и родину Пифагора. Во второй половине VI века до н.э. Самос был центром силы и культуры Ионии, которая играла не последнюю роль в ближневосточных контактах [Лаптева, 2009, с. 432]. В Ионии прошли, судя по всему, годы интеллектуального становления Пифагора и имен-

¹ С Критом также связаны мистерияльные «орфические» обряды. На эту связь указывает фрагмент «Критян» Еврипида, в котором содержится сжатая «программа» орфической инициации, связанной с Идейской пещерой [Walker, 1920], а также тексты на золотых пластинках из Элевтерны.

но здесь он мог познакомиться с верой в бессмертие и переселение души. Объясняется это не столько тем, что ионийцы активно контактировали с восточными народами, сколько шаманизмом, который рассматривается как вероятный источник ионийских верований, связанных с душой.

Гипотеза «греческих шаманов» была подвергнута сомнению многими исследователями и на сегодняшний день сторонников почти не имеет [Жмудь, 2012, с. 42]. Действительно, нам ничего неизвестно о вере скифов в переселение бессмертной души, а свидетельство Геродота о скифском царе Скиле («История», IV, 78) является примером греческого влияния на скифов, а не наоборот. Вместе с тем представляет интерес гипотеза, что шаманизм может быть общим источником для доктрин метемпсихоза и в Индии, и в Греции. Так, например, Д. Бернит [Burnet, 2005, р. 86] в связи с этим предположил, что эти религиозные идеи пришли в Индию с севера, из так называемого скифского источника. Об этом говорит, по его мнению, вера в переселение галльских друидов. Все это наглядно показывает необходимость рассматривать проблему происхождения пифагорейского учения о переселении души в более широком контексте развития древнегреческой религии.

Заключение

Вполне объективный факт, что человеческая мысль способна порождать в удаленных друг от друга частях мира близкие во многих отношениях идеи и концепции, отличающиеся при этом как формой своего воплощения, так и областью практической реализации. Можем ли мы при этом сомневаться, что порожденная единым человеческим духом идея нереальности мира чувственного опыта могла проявиться и в Индии, и в Греции? В первом случае она оформляется в концепцию Брахмана как единственной реальности, во втором – нашла выражение в платоновской метафоре пещеры. Этически мотивированная доктрина метемпсихоза могла появиться в разных местах примерно в одно и то же время в результате естественного развития собственных религиозных представлений. Если допустить, что разум греков и индусов, принадлежащих к двум тесно связанным ветвям индоевропейской расы, не сильно отличается, тогда можно допустить, что и результат решения проблемы человеческого существования будет примерно одинаков. Поэтому естественно предположить, что Пифагор, размышляя над традиционными греческими представлениями о душе, формулирует свою доктрину метемпсихоза. Имеет смысл признать, что результаты решения проблемы человеческого существования, так же как и природы человеческого разума, по сути одинаковы в различных культурах. Значение имеют не только теоретические результаты, но и методология практической философии. В этом отношении различия между «Упанишадами» и платоновским учением о бессмертии души таковы, что мы можем понять и увидеть не только уникальность, но и сравнительную ценность идей, лежащих в основании двух доктрин.

Что касается Платона, то очевидно, что его творческая фантазия не имела границ. Платоновский синтез источников из различных традиций особенно показателен в случае доктрины метемпсихоза. Платон заимствует идею о том, что душа совершает серию перерождений, вспоминая затем вещи, с которыми сталкивалась в мире Идей, находясь в развоплощенном состоянии. Иными словами, анамнезис прививается к религиозной идее метемпсихоза. Теория воспоминания как эпистемологическая доктрина к пифагореизму отношения не имеет: Пифагор, как известно, помнил свои только предыдущие физические воплощения.

Список источников

1. Аристотель. 1976. Сочинения в четырех томах. Т. 1. Ред. В.Ф. Асмус. М., Мысль, 550 с.
2. Геродот. 1972. История: в 9-ти книгах. Пер. Г.А. Стратановского. Л., Наука, 600 с.
3. Гомер. 2000. Одиссея. Пер. В.А. Жуковского, М., Наука, 482 с.
4. Гомер. 2008. Илиада. Пер. Н. И. Гнедича. СПб., Наука, 572 с.

5. Диоген Лаэртский. 2011. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. Пер. М.Л. Гаспарова. М., АСТ: Астрель, 570 с.
6. Еврипид. 1998 Трагедии. В 2-х т. Т. 1. Перев. с древнегреч. Ин. Анненского. М., Ладомир, Наука, 644 с.
7. Платон. 1990–1994. Собрание сочинений в 4 томах. Общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи. М., Мысль.
8. Помпоний Мела. 2017. Хорография. Под общей редакцией А.В. Подосинова. М., Русский фонд содействия образованию и науке, 509 с.
9. Упанишады. 1992. В 3-х книгах. Книга 1. Брихадараньяка Упанишада. Перевод, предисловие и комментарии А.Я. Сыркина. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 243 с.

Список литературы

1. Андреев Ю.В. 2002. От Евразии к Европе. Крит и Эгейский мир в эпоху бронзы и раннего железа. СПб., Дмитрий Буланов, 862 с.
2. Жмудь Л.Я. 2012. Пифагор и ранние пифагорейцы. М., Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 445 с.
3. Лаптева М. Ю. 2009. У истоков древнегреческой цивилизации: Иония XI–VI вв. до н.э. СПб., ИЦ Гуманитарная Академия, 512 с.
4. Лебедев А.В. 2015. «Теогония» Эпименида Критского и происхождение орфико-пифагорейского учения о реинкарнации. В кн.: Индоевропейское языкознание и классическая филология – XIX. Чтения памяти И.М. Тронского. Материалы международной конференции, проходившей 22–24 июня 2015 г. СПб., Наука: 550–584.
5. Лосев А.Ф. 2005. Комментарии к диалогам Платона. Компиляция из четырехтомного издания диалогов Платона. Электронная книга. URL: <http://psylib.org.ua/books/losew06/index.htm> (дата обращения: 25 августа 2020)
6. Страбон. 1964. География. В 17 книгах. Перевод, статья и комментарии Г.А. Стратановского. М., Наука, 944 с.
7. Таронян Г.А. 2007. Древний Восток в античной и раннехристианской традиции (Индия, Китай, Юго-Восточная Азия). М., Ладомир, 642 с.
8. Трубецкой С.Н. 2003. Метафизика Древней Греции. М., Наука, 455 с.
9. Целлер Э. 1996. Очерк истории греческой философии. СПб., Алетейя, 294 с.
10. Шредер Л.Ю. 1888. Пифагор и индийцы. Журнал Министерства народного просвещения, 10–11, октябрь-ноябрь: 1–48, 49–73.
11. Эберт Т. 2005. Сократ как пифагореец и анамнезис в диалоге Платона «Федон». СПб., изд. СПбГУ, 114 с.
12. Chattopadhyay A. 1968. Ancient Indian Dietary in the light of Caraka-Samhita. *Indo-Asian Culture* 17: 57–78.
13. Cherniss H.F. 1964. Aristotle's Criticism of Presocratic Philosophy. New York, Octagon Books, 418 p.
14. Brisson L. 2003. Platon, Pythagore et les Pythagoriciens, dans Platon, source des Présocratiques. exploration, éd. par M. Dixsaut et A. Brancacci, *Histoire de la philosophie*. Paris (Vrin): 21–46.
15. Bernabé A. 2013. Orphics and Pythagoreans: the Greek perspective. In: *On Pythagoreanism*. Edited by Gabriele Cornelli, Richard McKirahan, and Constantinos Macris. Berlin. De Gruyter: 117–152.
16. Bremmer J. 1983. The Early Greek Concept of the Soul. Princeton, NJ, Princeton University Press, 169 p.
17. Burkert W. 1972. Lore and Science in Ancient Pythagoreanism. Cambridge, Harvard University Press, 535 p.
18. Burkert W. 1985. Greek Religion. Cambridge, Harvard University Press, 493 p.
19. Burkert W. 1997. The Orientalizing revolution. Near Eastern Influence on Greek Culture in the Early Archaic Age. Cambridge, Harvard University Press, 226 p.
20. Huffman C. 2012. Pythagoreans. In: *The continuum companion to Plato*. Edited by Gerald A. Press. NY. London: 24–26.

21. Huffman C. 2008. Two Problems in Pythagoreanism. In: Patricia Curd and Daniel W. Graham (eds), Oxford, The Oxford Handbook of Presocratic Philosophy: 284–304.
22. Keith A.B. 1909. Pythagoras and the Doctrine of Transmigration. *Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland*, 41: 569–606.
23. Keith A.B. 1925. *The Religion and Philosophy of the Veda and Upanishads*. Vol. 2. London, Humphrey Milford Oxford University Press, 683 p.
24. Rawlinson H.G. 1916. *Intercourse between India and the Western World from the Earliest Times to the Fall of Rome*. Cambridge, University Press, 196 p.
25. Rohde E. 1925. *Psyche. The Cult of souls and Belief in immortality among the Greeks*. London. Kegan Paul, Trench Trubner & Co., Ltd, 626 p.
26. Sedlar J.W. 1980. *India and the Greek World: A Study in the Transmission of Culture*. Totowa, New Jersey, Rowman and Littlefield, 381 p.
27. Jacolliot L. 1870. *The Bible in India*. Carleton, New York, 325 p.
28. Walker R.J. 1920. *Euripidean fragments*. London, Buens Gates & Washboukne Ltd, 66 p.

References

1. Andreev Yu.V. 2002. *Ot Evrazii k Evrope. Krit i Egeyskiy mir v epokhu bronzy i rannego zheleza* [From Eurasia to Europe. Crete and the Aegean World in the Bronze Age and Early Iron Age]. Saint-Petersburg, Publ. Dmitriy Bulanov, 862 p.
2. Zhmud' L.Ya. 2012. *Pifagor i rannie pifagoreytsy* [Pythagoras and the early Pythagoreans]. Moscow, Publ. Russkiy Fond Sodeystviya Obrazovaniyu i Nauke, 445 p.
3. Lapteva M. Yu. 2009. *U istokov drevnegrecheskoy tsivilizatsii: Ioniya XI–VI vv. do n.e.* [At the origins of ancient Greek civilization: Ionia XI–VI centuries. BC]. Saint-Petersburg, Publ. ITs Gumanitarnaya Akademiya, 512 p.
4. Lebedev A.V. 2015. «Teogoniya» Epimenida Kritskogo i proiskhozhdenie orfiko-pifagoreyskogo ucheniya o reinkarnatsii ["Theogony" of Epimenides of Crete and the origin of the Orphic-Pythagorean doctrine of reincarnation]. In: *Indoevropeyskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya–XIX. Chteniya pamyati I.M. Tronskogo. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii, prokhodivshey 22–24 iyunya 2015* [Indo-European Linguistics and Classical Philology–XIX. Readings in memory of I.M. Tronsky. Materials of the international conference held on June 22–24, 2015]. SPb., Nauka: 550–584.
5. Losev A.F. 2005. *Kommentarii k dialogam Platona. Kompilyatsiya iz chetyrekhtomnogo izdaniya dialogov Platona* [Comments on Plato's dialogues. Compilation from the four-volume edition of Plato's dialogues]. E-book. Available at: <http://psylib.org.ua/books/losev06/index.htm> (accessed: 25 august 2020).
6. Strabon. 1964. *Geografiya. V 17 knigakh, Perevod, stat'ya i kommentarii G.A. Stratanovskogo* [Geography. In 17 books, Translation, article and commentary by G.A. Stratanovsky]. Moscow, Publ. Nauka, 944.
7. Taronyan G.A. 2007. *Drevniy Vostok v antichnoy i rannekhristsianskoy traditsii (Indiya, Kitay, Yugo-Vostochnaya Aziya)* [Ancient East in ancient and early Christian traditions (India, China, Southeast Asia)]. Moscow, Publ. Ladomir, 642 p.
8. Trubetskoy S.N. 2003. *Metafizika Drevney Gretsii* [Metaphysics of Ancient Greece]. Moscow, Publ. Nauka, 455 p.
9. Tseller E. 1996. *Ocherk istorii grecheskoy filosofii* [Essay on the history of Greek philosophy]. Saint-Petersburg, Publ. Aleteyya, 294 p.
10. Shreder L.Yu. 1888 *Pifagor i indiytsy. Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*, 10–11: 1–48, 49–73.
11. Ebert T. 2005. *Sokrat kak pifagoreets i anamnezis v dialoge Platona «Fedon»* [Socrates as a Pythagorean and anamnesis in Plato's dialogue "Phaedo"]. Saint-Petersburg, Publ. SPBGU, 114 p.
12. Chattopadhyay A. 1968. *Ancient Indian Dietary in the light of Caraka-Samhita*. *Indo-Asian Culture* 17: 57–78 (in English)
13. Cherniss H.F. 1964. *Aristotle's Criticism of Presocratic Philosophy*. New York, Octagon Books, 418 p. (in English)

14. Brisson L. 2003. Platon, Pythagore et les Pythagoriciens, dans Platon, source des Présocratiques [Plato, Pythagoras and the Pythagoreans, in Plato, the source of the Presocrats]. Éd. par M. Dixsaut et A. Brancacci Histoire de la philosophie, Paris (Vrin): 21–46 (in French).
15. Bernabé A. 2013. Orphics and Pythagoreans: the Greek perspective. In: On Pythagoreanism. Edited by Gabriele Cornelli, Richard McKirahan, and Constantinos Macris. Berlin. De Gruyter: 117–152.
16. Bremmer J. 1983. The Early Greek Concept of the Soul. Princeton, NJ, Princeton University Press, 169 p.
17. Burkert W. 1972. Lore and Science in Ancient Pythagoreanism. Cambridge, Harvard University Press, 535 p.
18. Burkert W. 1985. Greek Religion. Cambridge, Harvard University Press, 493 p.
19. Burkert W. 1997. The Orientalizing revolution. Near Eastern Influence on Greek Culture in the Early Archaic Age. Cambridge, Harvard University Press, 226 p.
20. Huffman C. 2012. Pythagoreans. In: The continuum companion to Plato. Edited by Gerald A. Press. NY. London: 24–26.
21. Huffman C. 2008. Two Problems in Pythagoreanism. In: Patricia Curd and Daniel W. Graham (eds), Oxford, The Oxford Handbook of Presocratic Philosophy: 284–304.
22. Keith A.B. 1909. Pythagoras and the Doctrine of Transmigration. Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland, 41: 569–606.
23. Keith A.B. 1925. The Religion and Philosophy of the Veda and Upanishads. Vol. 2. London, Humphrey Milford Oxford University Press, 683 p.
24. Rawlinson H.G. 1916. Intercourse between India and the Western World from the Earliest Times to the Fall of Rome. Cambridge, University Press, 196 p.
25. Rohde E. 1925. Psyche. The Cult of souls and Belief in immortality among the Greeks. London. Kegan Paul, Trench Trubner & Co., Ltd, 626 p.
26. Sedlar J.W. 1980. India and the Greek World: A Study in the Transmission of Culture. Totowa, New Jersey, Rowman and Littlefield, 381 p.
27. Jacolliot L. 1870. The Bible in India. Carleton, New York, 325 p.
28. Walker R.J. 1920. Euripidean fragments. London, Buens Gates & Washboukne Ltd, 66 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Поздняков Сергей Николаевич, кандидат философских наук, ведущий специалист кафедры правового обеспечения государственного управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Брянский филиал), г. Брянск, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey N. Pozdnyakov, PhD, Leading Specialist of the Department of Legal Support of Public Administration, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Bryansk branch), Bryansk, Russia

ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ LOGIC, METHODOLOGY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE

УДК 165

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-4-630-639

Один аспект гносеологической скромности

Финогентов В.Н.

Орловский государственный аграрный университет имени Н.В. Парахина,
Россия, 302019, г. Орел, ул. Генерала Родина, 69
E-mail: v_fin@mail.ru

Аннотация. Автор демонстрирует, что претензия человечества на обладание всеобщими и необходимыми знаниями, выражаемыми соответствующими всеобщими и необходимыми суждениями, является необоснованной. Критический анализ априоризма И. Канта, панлогизма Г. Гегеля, рационалистической версии христианского теизма, диалектического материализма и позиции тех представителей фундаментальной науки, которые надеялись на получение всеобщего знания на пути осуществления беспредельной экстраполяции уже имеющихся научных знаний, показывает, что их попытки обоснования возможности достижения человечеством всеобщих знаний основаны на постулативном (бездоказательном) накладывании очень жестких ограничений на действительность. Отказ от столь жестких и необоснованных онтологических ограничений равносильен переходу на позиции гносеологической скромности и отказу от надежд на обретение всеобщего и необходимого знания.

Ключевые слова: всеобщее знание, многообразно бесконечный (неисчерпаемый) универсум, априоризм И. Канта, панлогизм Г. Гегеля, диалектический материализм, беспредельная экстраполяция.

Для цитирования: Финогентов В.Н. 2021. Один аспект гносеологической скромности. НОМОТНЕТІКА: Філософія. Соціологія. Право, 46(4): 630–639. DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-4-630-639

One Aspect of Epistemological Modesty

Valeriy N. Finogentov

N.V. Parahin Orel State Agrarian University
69 Generala Rodina St, Orel 302019, Russian Federation
E-mail: v_fin@mail.ru

Abstract. The article discusses one, but very significant, aspect of the position of epistemological modesty. Namely, it is demonstrated that the claim of humanity to possess universal and necessary knowledge, expressed by the corresponding universal and necessary judgments, is, in fact, unfounded. This is achieved through a critical analysis of the positions of those philosophers and representatives of fundamental science who are convinced of the achievability of such – universal – knowledge. The implementation of the corresponding analysis of the a prioriism of I. Kant, panlogism of G. Hegel, the rationalistic version of Christian theism, dialectical materialism and the position of those representatives of fundamental science who hoped for universal knowledge on the way of unlimited extrapolation of existing scientific knowledge, shows that their attempts to justify the possibility of achieving universal knowledge by humanity are based on postulative (unsubstantiated) imposing very strict restrictions on reality. The rejection of such rigid and unjustified ontological restrictions is tantamount to a transition to

the position of epistemological modesty and the rejection of hopes for the acquisition of universal and necessary knowledge.

Keywords: universal knowledge, a manifold infinite (inexhaustible) universe, I. Kant's apriorism, G. Hegel's panlogism, dialectical materialism, boundless extrapolation.

For citation: Finogentov V.N. 2021. One Aspect of Epistemological Modesty. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 46 (4): 630–639 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-4-630-639

Введение

Ранее я уже довольно подробно писал о гносеологической скромности [Финогентов, 2018; 2020]. Сама позиция гносеологической скромности выражается достаточно просто: человечество при всех его нынешних и будущих великих успехах в познании действительности всегда будет знать только конечную область многообразно бесконечного, неисчерпаемого универсума. Причем даже эту – расширяющуюся по мере прогресса познания, но всегда конечную – область неисчерпаемого универсума человечество будет знать только в определенных отношениях и с исторически определенной степенью глубины и детализации. Таким образом, на любом этапе эволюции человечества непознанной им останется многообразно бесконечная область неисчерпаемого универсума. И, следовательно, надежды многих и многих мыслителей о полном и окончательном познании действительности, об асимптотическом приближении к абсолютной истине и т.п. несбыточны.

В этой статье я обсуждаю лишь один, но весьма существенный аспект позиции гносеологической скромности. А именно: ниже я демонстрирую, что претензия человека на обладание всеобщими и необходимыми знаниями, выражаемыми соответствующими всеобщими и необходимыми суждениями, является, по сути, необоснованной.

Поскольку очевидно, что конечный универсум в результате прогресса познавательной деятельности человечества в принципе может быть весь охвачен теми или иными формами знания, постольку, несомненно, в таком универсуме человечество может обрести некоторое всеобщее знание. Следовательно, вопрос о возможности или невозможности достижения человечеством каких-либо форм всеобщего (и необходимого) знания достоин обсуждения только в том случае, если мы предполагаем многообразную бесконечность (неисчерпаемость) универсума. Именно из этого предположения я и буду исходить далее.

Как возможны всеобщие и необходимые суждения?

На первый взгляд необоснованность только что указанной претензии кажется очевидной. Однако и в прошлом и в наши дни весомо представлена точка зрения, согласно которой и фундаментальная наука и, тем более, философия по природе своей могут и должны давать именно такое – всеобщее (и необходимое) – знание.

Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить, что кантовская «Критика чистого разума» в значительной мере посвящена обсуждению вопроса: как возможны всеобщие и необходимые суждения? Сам И. Кант, как хорошо известно, был убежден, что о существовании таких суждений надежно свидетельствует современная ему фундаментальная наука в лице классической механики и евклидовой геометрии. Дело здесь в том, что, как представляется, именно такие суждения выражают основные законы и теоремы этих наук. К примеру, «(все) тела притягиваются друг к другу с силой, прямо пропорциональной произведению их масс...»; «в (каждом) прямоугольном треугольнике сумма квадратов катетов равна квадрату гипотенузы» и т.д.

При этом И. Кант совершенно ясно осознавал, что знания, полученные на основе опыта, могут быть «лишь сравнительной степени общности», что такие знания в принципе не могут быть всеобщими. Действительно, наш – человеческий – опыт по природе своей

всегда ограничен, конечен, поэтому на его основе может быть сформировано знание о таких классах, которые включают в себя лишь конечное число объектов. Например, очевидно, что И. Ньютон и его последователи проверили справедливость закона тяготения только для конечного числа тел. С другой стороны, не менее очевидно, что всеобщие суждения, выражающие всеобщие знания, явно или неявно фиксируют нечто, относящееся к неопределенно большому (или бесконечному) числу объектов определенного класса. Так, И. Ньютон и продолжатели его дела (в том числе, несомненно, и сам И. Кант) были уверены, что упомянутый закон справедлив по отношению ко всем телам бесконечной Вселенной. Показательно в этом плане то, что этот закон называется законом *всемирного* тяготения.

Это осознание привело И. Канта к убеждению, согласно которому всеобщее знание, выражаемое всеобщими суждениями, проистекает не из опыта, а зиждется на особенностях нашей (человеческой) познавательной способности. Речь идет о наличии в нашей познавательной способности априорных форм чувственности и априорных категорий рассудка. Именно наличие этих форм и является, по Канту, основанием возможности формулировки всеобщих и необходимых суждений и, соответственно, основанием формулировки всеобщих законов и достижения человеком всеобщих (и необходимых) знаний. «Если, – подчеркивал в связи с этим И. Кант, – какое-нибудь суждение мыслится как строго всеобщее, т.е. так, что не допускается возможность исключения, то оно не выведено из опыта, а есть безусловно априорное суждение» [Кант, 1994, с. 33].

По всей видимости, априоризм, с помощью которого И. Кант попытался обосновать возможность достижения человеком всеобщего (и необходимого) знания, следует рассматривать как чрезвычайно остроумную и весьма эвристичную, но в целом весьма неубедительную гипотезу. Действительно, развитие науки уже вскоре после кончины И. Канта не оставило никаких сомнений в том, что его глубокая убежденность в очевидной единственности и истинности евклидовой геометрии и не менее глубокая его убежденность в очевидной единственности и истинности классической механики ошибочны. Я имею здесь в виду, с одной стороны, открытие множества неевклидовых геометрий (К. Гауссом, Н.И. Лобачевским, Я. Бойяи, Б. Риманом) и, с другой стороны, создание релятивистской механики (А. Эйнштейном), а затем и квантовой механики (М. Планком и многочисленными продолжателями его дела). Построение и обоснование только что названных научных теорий однозначно показало, что евклидова геометрия и классическая механика имеют строго определенные и ограниченные области применимости. Иными словами, вопреки убеждению И. Канта, теоремы и законы названных теорий отнюдь не являются всеобщими, поскольку они «не работают» за пределами областей применимости этих теорий. Поэтому признание Кантом наличия в современной ему науке всеобщих знаний является, очевидно, ошибочным. (В качестве некоторого оправдания И. Канта добавлю, что вера в беспредельную истинность ньютоновской механики и евклидовой геометрии была свойственна не только ему, но и, по сути, всем просвещенным людям его эпохи.) Соответственно, некорректными являются и кантовская постановка вопроса «как возможны всеобщие и необходимые суждения», и его вариант ответа на этот вопрос (априоризм).

Разумеется, кантовский априоризм не был единственной попыткой обосновать возможность достижения человеком всеобщего знания.

Другую, достаточно серьезную, попытку сделать это мы находим в философии Г. Гегеля. Причем подход Гегеля к этой проблеме в некотором смысле противоположен кантовскому подходу к ней. Дело в том, что И. Кант полагал, что мы не знаем и никогда не узнаем какова действительность сама по себе, каковы «вещи сами по себе». Однако он был убежден в том, что действительность, воспринятая сквозь призму нашей познавательной способности, всегда определенным образом сформирована, структурирована. А именно: она структурирована априорными формами, свойственными этой способности. Как уже сказано, в этом и состоит для И. Канта основа возможности достижения человеком всеобщего (и необходимого) знания.

Позиция Гегеля в этом плане совершенно иная. В отличие от Канта, глубоко убежденного в том, что мы не знаем (и не узнаем), какова действительность сама по себе, Гегель, так сказать, изначально (в некотором смысле априорно) накладывает на действительность чрезвычайно жесткие ограничения. И именно эти – очень жесткие – ограничения, постулативно (бездоказательно) накладываемые Гегелем на действительность, в конечном счете выступают у Гегеля основанием возможности достижения человеком всеобщего знания о действительности. Конкретнее – основанием всеобщего знания, выражаемого всеобщими суждениями, является у него панлогизм, то есть (изначальная, постулативная) убежденность Гегеля в том, что «все действительное разумно». Для великого немецкого философа действительность («все») есть «сам себя познающий разум». Для него «логические мысли представляют собой в-себе-и-для-себя-сущую основу всего». Соответственно, логика для Гегеля – это не только наука о законах и формах человеческого мышления. Такая – субъективная – логика для него существует лишь на основе объективной логики, свойственной самой действительности. Поэтому логика в философии Гегеля есть учение о бытии. Логика, пишет он в связи с этим, «занимает место онтологии – той части метафизики, которая должна исследовать природу *ens* [сущего] вообще» [Гегель, 1998, с. 47]. Так что для Гегеля каждая «другая философская наука», в частности «философия природы» и «философия духа», является «как бы прикладной логикой» [Гегель, 1974, с. 124]. В соответствии с таким подходом специальные науки (физику, химию, биологию и др.) следует рассматривать как варианты еще более прикладной (еще более специальной, частной) логики.

Таким образом, Гегель убежден, что человеку вполне доступно всеобщее знание, которое фиксируется соответствующими всеобщими (логическими) суждениями. Основанием такой доступности для Гегеля является объективная логическая (рациональная) структура самой действительности. Иными словами, по Гегелю объективная логика (рациональность) пронизывает и организует всю действительность. Соответственно, посредством науки логики (рациональности) человек, приобщаясь к этой – пронизывающей и организующей всю действительность – объективной логике, может достигнуть всеобщее и необходимое знание.

Можно сказать также, что объективная логика (рациональность) у Гегеля «вездесуща и всемогуща». Несомненно, что кратко представленный выше гегелевский панлогизм весьма близок по своей сути к определенной (рационалистической) версии теизма. Кстати, это обстоятельство отчетливо зафиксировал и сам Гегель, писавший, что наука логики есть «изображение Бога, каков он в своей вечной сущности до сотворения природы и какого бы то ни было конечного духа» [Гегель, 1998, с. 31].

Любопытное подтверждение только что указанной близости гегелевского панлогизма к рационалистической версии теизма мы находим в работе В. Репперта [2014]. В этой работе, написанной с позиций христианского теизма, буквально по-гегелевски подчеркивается, что «фундамент действительности составляет умопостижимое и рациональное» [Репперт В., 2014, с. 411]. Иначе говоря, сторонники этого варианта христианского теизма так же, как Гегель, изначально накладывают на действительность очень жесткие ограничения. Поэтому авторы указанной книги не сомневаются в том, что люди располагают знаниями «вечных и необходимых истин» [Репперт В., 2014, с. 421], такими знаниями, которые истинны во всех возможных мирах [Репперт В., 2014, с. 454]. Более того, обладание такого рода знаниями рассматривается этим автором в качестве доказательства бытия Бога [Репперт В., 2014, с. 411–466].

Совсем иначе аргументируют свою позицию сторонники диалектического материализма, также, как известно, признающие возможность достижения всеобщего (и необходимого) знания, в частности в форме «всеобщих» законов и принципов диалектики. Понятно, что они, будучи атеистами, не могут уповать в этом деле на Бога-Творца, якобы сотворившего мир в соответствии с «мерой и числом». Не могут они, являясь материали-

стами, исходить также из того, что «все действительное разумно». Они (Ф. Энгельс, В.И. Ленин и их многочисленные последователи) обосновывают возможность достижения человечеством всеобщего знания, указывая на принцип единства мира, на принцип всеобщей связи, на «всеобщие» законы действительности, на идею «единого закономерного мирового процесса» и т.п.

Так, один из наиболее глубоких и творческих авторов диалектико-материалистической ориентации Э.В. Ильенков в энциклопедической статье «Всеобщее» следующим образом разъяснял природу всеобщего. Всеобщее, писал он, следует понимать «как закон существования, изменения и развития особенных и единичных явлений в их связи, взаимодействии и единстве. Всеобщее в этом значении выступает как синоним "единства в многообразии" и осуществляется в действительности в виде закона, связывающего многообразие явлений в единое целое, в систему» [Ильенков, 1960, с. 301].

Известный специалист по материалистической диалектике Е.Ф. Солопов убежден в том, что философия нацелена на познание всеобщего, прежде всего – на познание всеобщих законов. Такие законы, утверждает он, «являются не чем иным, как выражением единства мира, его сущности и свойств именно как единого целого». То есть речь у него идет о законах, которые «только и могут претендовать на действительную, ничем не ограниченную всеобщность» [Солопов, 2001, с. 37].

Аналогичные по сути формулировки мы находим также у других авторов, работающих в русле диалектического материализма (см., в частности [Орлов, 2012], [Алексеев, Панин, 2003]).

Понятно, однако, что убежденность сторонников диалектического материализма в достижимости всеобщего знания о действительности зиждется на положениях (на указанных выше «всеобщих» принципах, идеях и законах), которые невозможно подтвердить ни эмпирически, ни теоретически. В самом деле, с одной стороны, их невозможно подтвердить, обобщая соответствующие эмпирические данные. Ибо такие данные, как известно, по крайней мере, со времен Д. Юма и И. Канта, никогда не охватывают всю действительность. С другой стороны, их теоретическое подтверждение требовало бы обращения к неким другим, сравнительно с перечисленными выше «всеобщими» принципами и законами, всеобщим принципам и законам. Теоретическое подтверждение этих – «других» – «всеобщих» принципов и законов потребовало бы совершения аналогичной процедуры. Иначе говоря, этот путь ведет либо к логическому кругу, либо к регрессу в бесконечность. И то и другое, очевидно, неприемлемо (см. об этом подробнее [Альберт, 2003, с. 38–42]). Таким образом, можно констатировать, что принятие сторонниками диалектического материализма перечисленных положений, претендующих на всеобщность, является постулативным, то есть по сути бездоказательным.

Как видим, и Гегель, и представители рационалистической версии тезиса, и сторонники диалектического материализма сходятся в одном существенном отношении: они полагают, что весь (бесконечный) мир пронизан неким конституирующим, организующим началом. В качестве такого начала у них выступают соответственно: разумность, божественный план, фундаментальные («всеобщие») законы действительности. Общим для всех указанных философских концепций является также то, что наличие указанных конституирующих, организующих весь бесконечный мир начал авторами этих концепций, по сути, не обосновывается, а постулируется.

«Экстраполируйте смелее»

В связи с этим следует сказать также, что некоторые выдающиеся представители научного и философского познания, отстаивая убеждение в возможности достижения человечеством всеобщих знаний, исходят из эксплицитно сформулированного, а чаще подразумеваемого предположения о правомерности распространения (экстраполяции) харак-

теристик и законов, установленных для известной конечной части Вселенной, на всю бесконечную Вселенную. Как пишет в связи с этим современный американский космолог М. Тегмарк: «Экстраполируйте смелее» [Тегмарк, 2017, с. 76].

В принципе экстраполяция – это мощный и зачастую чрезвычайно эффективный метод рационального освоения действительности. В некотором смысле весь процесс научного и философского познания действительности можно представить как последовательность совершаемых исследователями «шагов экстраполяции».

Так, например, процесс развития эмпирических наук, как правило, осуществляется следующим образом. Основываясь на уже установленных эмпирических характеристиках изучаемой предметной области и на соответствующих теоретических обобщениях (законах, теориях и т.д.), исследователи экстраполируют эти характеристики и соответствующие теоретические обобщения на эмпирически еще не освоенные части данной области до тех пор, пока новые эмпирические данные не засвидетельствуют некорректности такой экстраполяции. Это, так сказать, первый «шаг экстраполяции». Спустя некоторое время в данном секторе научного познания начинается новый «шаг экстраполяции». Опираясь на вновь полученные эмпирические данные, исследователи формируют новые теоретические обобщения и выводы, которые, естественно, более или менее отличаются от прежних теоретических обобщений и выводов. После этого исследователи экстраполируют эти новые эмпирические данные и теоретические обобщения на эмпирически еще не освоенные части интересующей их предметной области до тех пор, пока новые эмпирические данные не продемонстрируют некорректности такой экстраполяции. Спустя некоторое время исследователями, работающими в этом секторе научного познания, совершается следующий «шаг экстраполяции» и т.д. Подобные «шаги экстраполяции» можно усмотреть и в развитии философского познания.

Понятно, что каждый такой «шаг экстраполяции» знаменует переход от менее общего знания к более общему знанию, от знания об определенном регионе действительности к знанию о более широком ее регионе. Так, например, законы классической механики, установленные сначала для описания и объяснения движения и взаимодействия земных тел и близко расположенных к нашей планете небесных тел, позже были в целом успешно применены для описания и объяснения движения и взаимодействия тел, весьма удаленных от Земли: звезд, звездных скоплений, галактик. И, на первый взгляд, кажется, что, продвигаясь по этому пути, мы рано или поздно достигнем сначала знания очень высокой степени общности, а затем и знания, охватывающего всю действительность, достигнем знания всеобщего. Однако такая – прямолинейная – логика в данном случае, очевидно, ведет нас в тупик.

Действительно, многовековой опыт развития эмпирических наук и философии убедительно показывает, что, по сути, каждый «шаг экстраполяции» включает в себя не только стадию успешной экстраполяции (известных характеристик и законов и т.п.) на еще не изученные регионы действительности, но и стадию, демонстрирующую некорректность дальнейшей экстраполяции такого рода. Другими словами, этот опыт демонстрирует, что в ходе развития науки и философии рано или поздно неизбежно обнаруживаются границы (пределы) успешной экстраполяции уже имеющихся знаний. Так, как отмечалось в начале статьи, на смену стадии «победного шествия» экстраполяции законов ньютоновской механики на все новые регионы действительности пришла такая стадия в развитии науки, на которой было убедительно показано, что классическая механика «дает сбой» при попытках применить ее для описания движения тел со скоростями, близкими к скорости света, а также при попытках применить ее для описания микромира. Правда, сторонники обсуждаемого подхода, согласно которому последовательность «шагов экстраполяции» приведет науку и философию к достижению всеобщего знания, могут возлагать надежды на те научные теории, успешная экстраполяция которых на все новые области действительности продолжается и поныне. Иначе говоря, они могут возлагать надежды на самые современные научные тео-

рии (на теорию великого объединения в физике элементарных частиц, на инфляционную космологию и т.п.) и даже на те научные теории, которые исследователям еще только предстоит построить (например, на будущую теорию суперструн). Они могут полагать, иначе говоря, что какая-либо из современных фундаментальных научных теорий или какая-либо из будущих фундаментальных научных теорий будет иметь неограниченную область применимости и, следовательно, будет содержать существенные элементы всеобщего (см. об этом, например, [Грин, 2008; Виленкин, 2011]).

Можно уверенно утверждать, однако, что и эти надежды на обретение всеобщего знания несбыточны.

Дело здесь в том, что, как показывает история эмпирических наук и история философии, всякая успешная экстраполяция в науке и в философии является распространением уже имеющихся знаний об одной конечной области действительности на другую, более широкую, но обязательно тоже конечную область действительности. А надежда на то, что последовательность «шагов экстраполяции» рано или поздно приведет нас к достижению некоего положительного знания обо всем неисчерпаемом универсуме, к достижению некоего положительного всеобщего знания, предполагает возможность осуществления корректной *беспредельной экстраполяции*. При этом беспредельная экстраполяция понимается здесь как распространение определенных характеристик и законов, справедливых для некоторой конечной предметной области, на весь бесконечный в том или ином отношении (в тех или иных отношениях) универсум.

Обязательное «присутствие бесконечности» в любом варианте беспредельной экстраполяции приводит к чрезвычайно важному и, на мой взгляд, бесспорному следствию. Это приводит к тому, что корректность беспредельной экстраполяции в принципе никогда не может быть обоснована эмпирически.

Она не может быть эмпирически обоснована, ибо эмпирическое подтверждение беспредельной экстраполяции предполагает возможность охватить бесконечную в том или ином смысле Вселенную (мир, универсум) наблюдениями, измерениями и экспериментами. Эта возможность, очевидно, тождественна невозможности, поскольку эмпирическое подтверждение беспредельной экстраполяции было бы ничем иным, как осуществлением пресловутого «чуда сосчитанной бесконечности». Здесь уместно вспомнить также принцип фальсифицируемости, сформулированный в свое время К.Р. Поппером. Этот принцип, как известно, утверждает, что всякая научная теория обязательно является эмпирически опровержимой [Поппер, 2004, с. 423–486]. Таким образом, согласно этому принципу, ни одна научная теория не может быть всеохватывающей, всеобщей.

Как мне представляется, возможность теоретического обоснования корректности беспредельной экстраполяции также весьма проблематична. Действительно, анализ показывает, что теоретическое обоснование корректности беспредельной экстраполяции сводится к постулату о совершенно специфическом характере бесконечности Вселенной (мира, универсума). Речь идет о том, что, согласно этому постулату, бесконечная Вселенная должна быть в некотором смысле однородной. По сути, такая Вселенная (мир, универсум) представляет собой теоретический (идеальный) объект, сконструированный по определенному алгоритму.

Так, например, в современной космологии существенную роль играет так называемый космологический принцип. Этот принцип, как известно, утверждает однородность и изотропность Вселенной (см. об этом, например, [Вайнберг, 2000]). Отвлекаясь от технических деталей, этот принцип можно пояснить следующим образом: в достаточно большом масштабе (в масштабе, значительно превышающем размеры скопления галактик) свойства Вселенной повсюду одинаковы. Названный принцип, иными словами, утверждает, что в каком бы направлении и на какое бы огромное расстояние мы ни перемещались в такой Вселенной, мы всегда будем наблюдать (в указанном – достаточно большом – мас-

штабе) те же самые свойства, которые мы наблюдаем в «нашей» части Вселенной. При этом вполне логичным является предположение, согласно которому такая – однородная и изотропная – Вселенная может быть в частности пространственно бесконечной. Такая бесконечная Вселенная (точнее, теоретическая модель Вселенной), как видим, конструируется вполне определенным образом. А именно: она строится в соответствии с однозначно сформулированным алгоритмом. Данный алгоритм включает в себя два момента. Первый из них фиксирует наличие некоторого исходного (непрерывно конечного) блока Вселенной с более или менее известными современной науке свойствами. Этот блок можно назвать «наблюдаемой Вселенной». Второй момент данного алгоритма состоит в последовательном мысленном присоединении со всех сторон к исходному (конечному) блоку с известными свойствами аналогичных (конечных) блоков. Причем этот процесс, процесс мысленного присоединения все новых и новых конечных блоков может бесконечно продолжаться, порождая, таким образом, бесконечную (однородную и изотропную) Вселенную.

Конечно, в современной космологии представлены и гораздо более сложные модели бесконечной Вселенной, в том числе и модели, в той или иной мере учитывающие в частности определенные аспекты неоднородности и анизотропности «наблюдаемой Вселенной» (см. об этом, например, [Смолин, 2014; Пенроуз, 2020]). Для целей данной статьи важно, однако, то, что любые космологические модели Вселенной, то есть любые попытки космологов говорить о характеристиках и законах, свойственных всей (бесконечной) Вселенной предполагают возможность экстраполяции характеристик и законов, установленных для конечной области Вселенной (для «наблюдаемой Вселенной») на всю бесконечную Вселенную. Другими словами, эти попытки всегда основаны на эксплицитно или имплицитно принятом постулате о некоей однородности бесконечной Вселенной. Принятие такого постулата, как нетрудно убедиться, тождественно обосновываемому предположению о возможности осуществления беспредельной экстраполяции известных характеристик и законов на всю бесконечную Вселенную. Таким образом, обсуждаемое, казалось бы, вполне возможное теоретическое обоснование корректности беспредельной экстраполяции, то есть экстраполяции некоторых характеристик и законов «наблюдаемой Вселенной» на всю бесконечную Вселенную неизбежно содержит в себе логический круг.

Как видим, концепция, согласно которой беспредельная экстраполяция рано или поздно приведет науку к достижению всеобщего и универсального знания, справедлива только по отношению к универсуму, которому свойственна лишь алгоритмизированная бесконечность.

Заклучение

Таким образом, все рассмотренные нами попытки обоснования возможности достижения человечеством всеобщих знаний следует признать неубедительными. Так, позиция И. Канта, основанная на его убежденности в единственности и истинности современных ему научных теорий (евклидовой геометрии и ньютоновской механики), была, по сути, разрушена последующим развитием науки. Позиции Г. Гегеля, рационалистической версии христианского теизма, диалектического материализма и тех представителей фундаментальной науки, которые надеялись на получение всеобщего знания на пути осуществления беспредельной экстраполяции уже имеющихся научных знаний, основаны на постулативном (бездоказательном) накладывании очень жестких ограничений на действительность. Если же не накладывать постулативно на универсум столь жестких онтологических ограничений и предположить, что универсум является многообразно бесконечным (неисчерпаемым), то человечеству следует проявить гносеологическую скромность и попрощаться с надеждами на обретение всеобщего и необходимого знания.

Спісак літаратуры

1. Алексеев П.В., Панин А.В. 2003. Философия. М., Проспект, 608 с.
2. Альберт Х. 2003. Трактат о критическом разуме. М., Едиториал УРСС, 263 с.
3. Вайнберг С. 2000. Первые три минуты: Современный взгляд на происхождение Вселенной. Москва – Ижевск, Издательство РХД, 272 с.
4. Виленкин А. 2011. Мир многих миров: Физики в поисках параллельных вселенных. М., Астрель, Corpus, 303 с.
5. Гегель Г. 1974. Энциклопедия философских наук. Т. 1. М., Мысль, 452 с.
6. Гегель Г. 1998. Наука логики. М., Мысль, 1067 с.
7. Грин Б. 2008. Элегантная Вселенная: Суперструны, скрытые размерности и поиски окончательной теории. М., ЛКИ, 432 с.
8. Ильенков Э.В. 1960. Всеобщее. В кн.: Философская энциклопедия. Т. 1. М., Советская энциклопедия: 301–303.
9. Кант И. 1994. Критика чистого разума. М., Мысль, 591 с.
10. Орлов В.В. 2012. Основы философии. Общая философия. Пермь, Издательство ПГУ, 377 с.
11. Пенроуз Р. 2020. Мода, вера, фантазия и новая физика Вселенной. СПб., Питер, 512 с.
12. Поппер К.Р. 2004. Предположения и опровержения: Рост научного знания. М., ООО «Издательство АСТ», 638 с.
13. Реперт В. 2014. Аргумент от разума. В кн.: Новое естественное богословие. М., Издательство ББИ: 411–466.
14. Смолин Л. 2014. Возвращение времени: от античной космологии к космологии будущего. М., Corpus (ACT), 377 с.
15. Солопов Е.Ф. 2001. Философия. Предмет и логика философии. Истоки диалектики и метафизики. М., Высший институт управления, 111 с.
16. Тегмарк М. 2017. Наша математическая Вселенная. В поисках фундаментальной природы реальности. М., Corpus (ACT), 592 с.
17. Финогентов В.Н. 2018. О гносеологической скромности. Наука. Культура. Искусство, 2 (18): 63–75.
18. Финогентов В.Н. 2020. К онтологии неисчерпаемого универсума. Орёл, Издательство «Картуш», 264 с.

References

1. Alekseyev P.V., Panin A.V. 2003. Filosofiya [Philosophy]. Moscow, Publ. Prospekt, 608 p.
2. Al'bert KH. 2003. Traktat o kriticheskom razume [A Treatise on Critical Mind]. Moscow, Publ. Yeditorial URSS, 263 p.
3. Vaynberg S. 2000. Pervyye tri minuty: Sovremennyy vzglyad na proiskhozhdeniye Vselennoy [The first three minutes: A modern view of the origin of the universe]. Moskva – Izhevsk, Publ. RKHD, 272 p.
4. Vilenkin A. 2011. Mir mnogikh mirov: Fiziki v poiskakh parallel'nykh vseleennykh [The world of many worlds: Physicists in search of parallel universes]. Moscow, Publ. Astrel': Corpus, 303 p.
5. Gegel' G. 1974. Entsiklopediya filosofskikh nauk [Encyclopedia of Philosophical Sciences]. Vol. 1. Moscow, Publ. Mysl', 452 p.
6. Gegel' G. 1998. Nauka logiki [Science of Logic]. Moscow, Publ. Mysl', 1067 p.
7. Grin B. 2008. Elegantnaya Vselennaya: Superstruny, skrytyye razmernosti i poiski okonchatel'noy teorii [The Elegant Universe: Superstrings, Hidden Dimensions and the Quest for the Ultimate Theory]. Moscow, Publ. LKI, 432 p.
8. Il'yenkov E.V. 1960. Vseobshcheye [General]. Filosofskaya entsiklopediya [Philosophical Encyclopedia]. Vol. 1. Moscow, Publ. Sovetskaya entsiklopediya: 301–303.
9. Kant I. 1994. Kritika chistogo razuma [Critique of Pure Reason]. Moscow, Publ. Mysl', 591 p.
10. Orlov V.V. 2012. Osnovy filosofii. Obshchaya filosofiya [Fundamentals of Philosophy. General philosophy]. Perm', Publ. PGU, 377 p.
11. Penrouz R. 2020. Moda, vera, fantaziya i novaya fizika Vselennoy [Fashion, Faith, Fantasy and the New Physics of the Universe]. SPb., Publ. Piter, 512 p.

12. Popper K.R. 2004. Predpolozheniya i oproverzheniya: Rost nauchnogo znaniya [Assumptions and Refutations: The Growth of Scientific Knowledge]. Moscow, Publ. OOO «Izdatel'stvo AST», 638 p.
13. Reppert V. Argument ot razuma [Argument from Reason]. In: Novoye yestestvennoye bogosloviye [New Natural Theology]. Moscow, Publ. BBI, 2014: 411–466.
14. Smolin L. 2014. Vozvrashcheniye vremeni: ot antichnoy kosmologii k kosmologii budushchego [Return of time: from ancient cosmology to cosmology of the future]. Moscow, Publ. Corpus (AST), 377 p.
15. Solopov Ye.F. 2001. Filosofiya. Predmet i logika filosofii. Istoki dialektiki i metafiziki [Philosophy. The subject and logic of philosophy. The origins of dialectics and metaphysics]. Moscow, Publ. Vysshiiy institut upravleniya, 111 p.
16. Tegmark M. 2017. Nasha matematicheskaya Vselennaya. V poiskakh fundamental'noy prirody real'nosti [Our mathematical universe. In search of the fundamental nature of reality]. Moscow, Publ. Corpus (AST), 592 p.
17. Finogentov V.N. 2018. O gnoseologicheskoy skromnosti [On epistemological modesty]. Nauka. Kul'tura. Iskusstvo, 2 (18): 63–75.
18. Finogentov V.N. 2020. K ontologii neischerpayemogo universuma [Towards the ontology of an inexhaustible universe]. Orol, Publ. Kartush, 264 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Финогентов Валерий Николаевич, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин Орловского государственного аграрного университета им. Н.В. Парахина, г. Орел, Россия

Valeriy N. Finogentov, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Humanities, N.V. Parakhina Oryol State Agrarian University, Oryol, Russia

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ SOCIOLOGY AND SOCIAL TECHNOLOGIES

УДК 316.472.45

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-4-640-651

Перспективы заключения общественного договора о цифровизации публичного управления

¹ Зотов В.В., ² Алексеенко А.И.

¹ Московский физико-технический институт
(национальный исследовательский университет),
Россия, 141701, Московская область, г. Долгопрудный, Институтский пер., 9

² Юго-Западный государственный университет,
Россия, 305003, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94
E-mail: om_zotova@mail.ru; alex-2-alex@yandex.ru

Аннотация. Сегодня необходим новый общественный договор, который бы отражал реалии цифрового общества. Авторами рассмотрены перспективы заключения общественного договора в условиях цифровизации публичного управления на основе социологического исследования (экспертного и массового опроса), проведенного в 2020–2021 годах. Полученные данные показывают, что преобладающее мнение экспертов относительно общественного договора – это его представление как механизма регулирования взаимодействия органов власти и граждан в цифровом пространстве, распределение между ними прав и обязанностей. Эксперты и опрошенное население выступают за заключение нового общественного договора, в инициировании которого равную роль должны играть государство и структуры гражданского общества. Авторы приходят к выводу, что в силу своего статуса и функционала, а также своей легитимности в глазах населения интересы гражданского общества могут представлять Общественные палаты РФ и ее субъектов, а их сайты в социально-сетевом пространстве стать площадками для организации диалога между гражданами и властью для обсуждения параметров цифровизации общества и публичного управления.

Ключевые слова: общественный договор, стейкхолдеры, цифровизация, публичное управление, власть, гражданское общество.

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ/РГНФ в рамках гранта № 20-011-31535 «Публичное управление в цифровом обществе: к новому общественному договору».

Для цитирования: Зотов В.В., Алексеенко А.И. 2021. Перспективы заключения общественного договора о цифровизации публичного управления. NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право, 46(4): 640–651. DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-4-640-651

Prospects for Concluding a Social Contract on the Digitalization of Public Governance

¹ Vitaly V. Zotov, ² Aleksandr I. Alekseenko

¹ Moscow Institute of Physics and Technology (National Research University),
9 Institute all., Moscow region, Dolgoprudny 141701, Russian Federation

² Southwest State University
94/50 years of October St, Kursk 305003, Russian Federation
E-mail: om_zotova@mail.ru; alex-2-alex@yandex.ru

Annotation. Today, a new social contract is needed that reflects the realities of digital society. The article considers the prospects for concluding a social contract in the conditions of digitalization of public

administration on the basis of a sociological study (expert and mass survey) conducted in 2020–2021. The findings show that the prevailing opinion of experts regarding a social contract is its representation as a mechanism for regulating the interaction of authorities and citizens in the digital space, the distribution of rights and obligations between them. Experts and interviewed people advocate the conclusion of a new social contract, in the initiation of which the state and civil society structures should play an equal role. The authors conclude that due to its status and functionality, as well as its legitimacy in the public's eyes, the interests of civil society can be represented by the Public Chambers of the Russian Federation and its subjects; and their sites in the socio-network space will become platforms for organizing dialogue between citizens and the authorities to discuss the parameters of digitalization of society and public governance.

Key words: Public contract, stakeholders, digitalization, public governance, power, civil society.

Acknowledgements: The reported study was funded by RFBR and EISR according to the research project No. 20-011-31535 "Public governance in a digital society: towards a new social contract".

For citation: Zotov V.V., Alekseenko A.I. 2021. Prospects for Concluding a Social Contract on the Digitalization of Public Governance. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 46(4): 640–651 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-4-640-651

Введение

В результате пандемии коронавируса в мире вырос запрос на цифровизацию всех сфер общественной жизни, реализация которой выявила определенный дисбаланс интересов государства и общества. В условиях цифровизации общества и очевидного сомнения в прежних устоях организации пространства жизнедеятельности человека, мир стал нуждаться в разработке идейной концепции цифровой среды обитания человека. Если старый общественный договор перестает работать, то возрастает дисбаланс доверия между обществом и властью и в обществе развиваются процессы альтернативной анархической самоорганизации. А это ставит на повестку дня вопрос о целесообразности заключения нового общественного договора. Формирование новой модели общественного договора направлено на снижение непонимания целей развития цифрового общества между органами власти и остальными представителями заинтересованных сторон.

Общество нулевых годов XXI века, когда последний раз активно обсуждалась концепция общественного договора и возможность ее принятия [Аузан, 2005; Явлинский, 2005], нельзя сравнивать с современным обществом. Поиски гармоничного баланса интересов граждан и государства есть вопрос жизненно важный для страны, вступившей в стадию цифровой трансформации, составной частью которой является цифровизация публичного управления.

Это заставляет обратиться к понятию общественного договора как определенному соглашению, достигаемому по вопросам правил и принципов публичного управления. При этом публичное управление понимается достаточно широко в контексте, предложенном в программном документе Организации Объединенных Наций. Публичное управление в данном случае представляет собой комплекс механизмов, процессов, отношений и учреждения, посредством которых граждане государства и их объединения выражают свои интересы, осуществляют права и обязанности и выступают посредниками в урегулировании разногласий¹.

Теория общественного договора, зародившаяся в Новое время, является одной из наиболее влиятельных научных традиций, которая во многом определяет развитие пред-

¹ Reconceptualizing Governance, Discussion Paper 2. The United Nations. – New York: United Nations Development Programme, 1997, 105 p.

ставлений о нормативном измерении публичного управления. Сегодня появились современные интерпретации общественного договора [Brennan, Buchanan, 2008; Nozick, 2008; Habermas; 2001; Rolls, 2010; Southwood, 2010], в том числе отечественных исследователей [Тихонов и др., 2017; Буданов и др., 2019].

Мы исходим из того, что общественный договор является идеологическим концептом, своеобразной моделью параметров взаимодействия гражданского общества (граждан) и государственных структур в той или иной сфере. Интересы заинтересованных сторон отстаиваются через диалог по поводу принимаемых решений. Главной функцией общественного договора становится роль медиатора в организации переговорного процесса между самыми разными группами, представляющими различные, порой диаметрально противоположные общественные интересы. Достижение состояния единства – это процесс движения к консенсусу по целям, задачам, параметрам развития общества, по тем общественно-политическим проектам, которые иницируются и реализуются в обществе.

Его важнейшая отличительная черта – инструментальная направленность, то есть целью его заключения является обоснование легитимности различных политических проектов. На сегодняшний день именно общественный договор является наиболее эффективным средством легитимации проекта построения цифрового общества в целом и цифровизации публичного управления в частности. Именно здесь разворачиваются хотя и виртуальные, но не менее ожесточённые бои установления баланса между частным и публичным, личной и общественной безопасностью, электронным управлением и электронной демократией.

Методология, методы и организация исследования

Подходом, обладающим высоким эвристическим потенциалом для заключения общественного договора о цифровизации публичного управления, может стать стейкхолдерский подход, который активно разрабатывается Э. Фриманом и его последователями [Freeman, 1984; Parmar et al., 2010; Freeman, 2020]. Проведение стейкхолдер-анализа обеспечивает достижение поставленных взаимовыгодных целей сотрудничества, оптимизирует бизнес-процессы и повышает синергический эффект. В связи с этим исследование методических аспектов проведения стейкхолдер-анализа является актуальным направлением в современной науке. Но на сегодняшний день в отечественных и западных исследованиях теория стейкхолдеров применительно к сфере публичного управления должным образом не проработана. Присутствуют несистемные и разрозненные попытки использования потенциала стейкхолдерского подхода к анализу проблем публичного управления [Crane, Matten, Moon, 2004; Heath, Norman, 2004; Bonnafous-Boucher, Porcher, 2010].

Эмпирической базой исследования стали результаты авторского социологического исследования, посвящённого изучению процесса заключения общественного договора в условиях цифровизации публичного управления.

Проведённое исследование включало массовый и экспертный опросы. Основным методом эмпирического исследования было анкетирование экспертов, которое проводилось среди государственных служащих, представителей науки и образования, муниципальных служащих, членов общественных организаций и политических партий в пропорциональных долях. Всего было опрошено 90 экспертов. Результаты были дополнены массовым опросом, который в связи с эпидемиологической ситуацией проводился посредством анкетного опроса комбинированным способом: 1) онлайн-опрос с использованием сервиса Google; 2) полевой опрос с использованием личных интервью. Генеральная совокупность участников исследования – это лица старше 18 лет. Выборочная совокупность в количестве $n = 1000$ респондентов квотировалась по полу и возрасту (до 30 лет, от 30 до 60 лет, старше 60 лет).

Анализ результатов социологических исследований отношения к гражданскому договору и процессу его заключения

Общественный договор не следует понимать буквально, как это делает большинство авторов. Это не соглашение, под которым ставят подпись два или более представителя заинтересованных сторон общества. Каждая эпоха вкладывает свой смысл в понятие гражданского общества. На рис. 1 представлено то, как опрошенные эксперты понимают общественный договор. Значительная часть опрошенных (27 %) считают, что под общественным договором следует понимать «правила» взаимодействия органов власти и населения в цифровом пространстве. Хотя отметим, что это мнение не является доминирующим во всех экспертных группах. Например, около трети опрошенных муниципальных служащих уверены, что общественный договор – это обеспечение легитимности властных институтов со стороны населения, который позволяет государственным органам управлять от имени заинтересованных сторон.

Рис. 1. Распределение ответов респондентов на вопрос: «В контексте цифровизации публичного управления в интересах граждан страны поднимается вопрос о заключении нового Общественного договора. Что в данном случае, по вашему мнению, следует понимать под общественным договором?»

Fig. 1. The distribution of respondents' answers to the question: "In the context of digitalization of public administration in the interests of citizens of the country, the question of concluding a new Public Contract is raised. What in this case, in your opinion, should be understood as a public contract?"

Баланс между свободой и безопасностью в условиях пандемии оказался резко сдвинут в пользу безопасности для значительной части стран мирового сообщества [Ильичёва и др., 2021]. Существенной особенностью государства, обеспечивающего безопасность в условиях роста числа заболеваний и смертей от Covid-19, стало монопольное право решать, что необходимо для жизнедеятельности его граждан. Сегодня все большее отторжение в гражданском обществе вызывает тотальный контроль за гражданами посредством цифровых технологий, который был необходим на остром этапе борьбы с пандемией. Общественное мнение начинает подозревать власти в том, что они могут поддасться соблазну закрепить эти ценности несвободы, сохранить дисбаланс между свободой и безопасностью в пользу последней и после завершения эпидемии. Поэтому не случайно 54 % опрошенных граждан и 60 % экспертов уверены, что требуется заключение нового общественного договора между структурами гражданского общества и органами власти для совместной работы по цифровизации публичного управления в интересах граждан страны. Наиболее в этом уверены представители науки и образования, а также муниципальные служащие: 71 и 60 % соответственно. При этом интересно распределение ответов на данный вопрос государственных служащих: 50 % уверены, что заключение его необходимо, а 50 % затрудняются с ответом. Данные представлены на рис. 2.

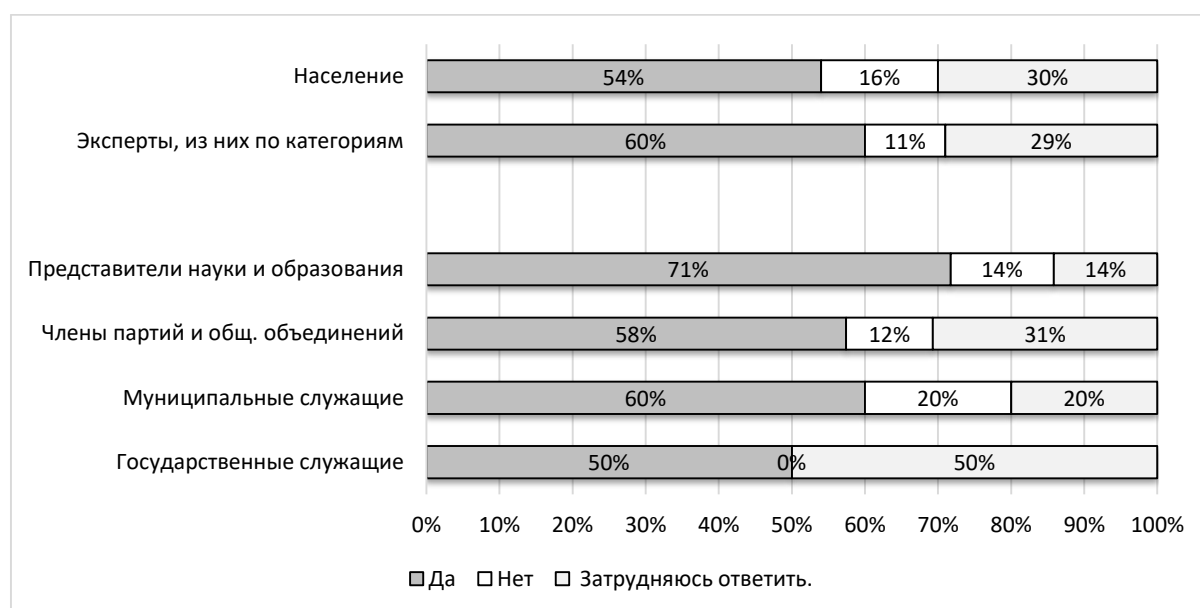

Рис. 2. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как Вы считаете, требуется ли заключение нового общественного договора между структурами гражданского общества и органами власти для совместной работы по цифровизации публичного управления в интересах граждан страны?»

Fig. 2. The distribution of respondents' answers to the question: "Do you think that the conclusion of a new public contract between civil society structures and authorities is required for joint work on digitalization of public administration in the interests of citizens of the country?"

При интерпретации общественного договора как неформальной коалиции заинтересованных сторон достижение целей общественного развития возможно, если принимать во внимание их разнообразные интересы. Обеспечение разумного баланса интересов общества и государства – это актуальная задача в контексте принятия стратегических решений, к которым относится гражданский договор по параметрам цифровизации публичного управления. Представители власти и гражданского общества должны понимать, что нуж-

но не лоббирование тех или иных интересов, а установление их баланса. Отметим, что проведенные опросы показывают понимание необходимости согласования позиций представителей заинтересованных сторон. Так, 58 % опрошенных экспертов считает, что государственные структуры и структуры гражданского общества должны играть одинаковую роль в инициировании нового общественного договора. При этом в наибольшей мере за баланс инициативности выступают представители науки и образования (рис. 3).

Рис. 3. Распределение ответов респондентов на вопрос: «На Ваш взгляд, главную роль в инициировании нового общественного договора должны сыграть государственные структуры или структуры гражданского общества?»

Fig. 3. The distribution of respondents' answers to the question: "In your opinion, the main role in initiating a new social contract should be played by state structures or civil society structures?"

Задача развития общества требует учета, согласования и баланса всего многообразия интересов, что предполагает наличие соответствующей системы и механизмов. Поэтому следующим этапом исследования стала экспертная оценка системы взаимодействия органов власти и представителей заинтересованных сторон в процессе цифровизации публичного управления. Результаты опроса показывают, что большинство опрошенных экспертов считает, что существующая ныне система взаимодействий не эффективна (42 %) или отрицает сам факт существования такой системы (20 %). Наиболее не удовлетворены сложившейся ситуацией муниципальные служащие и представители науки и образования (рис. 4). Одновременно с этим среди членов партий и общественных движений, а также государственных служащих фиксируется более трети опрошенных, которые затруднились с ответом. Последнее возможно свидетельствует о том, что в настоящее время существуют определенные диалого-партнерские площадки, на которых идет взаимодействие власти и гражданского общества (например, общественные палаты и общественные советы всех уровне), но возможность на них решать вопросы цифровизации публичного управления видится затруднительным.

Эксперты почти единогласны в своем желании изменить систему организации взаимодействия между органами власти и представителями заинтересованных сторон для успешного решения задач цифровизации публичного управления в интересах граждан российского государства – 72 % опрошенных экспертов высказались за изменение существующей ситуации в данном вопросе. Но стоит отметить экспертов, представляющих государственных служащих. В данной группе очень велика доля лиц, затруднившихся с ответом (рис. 5).

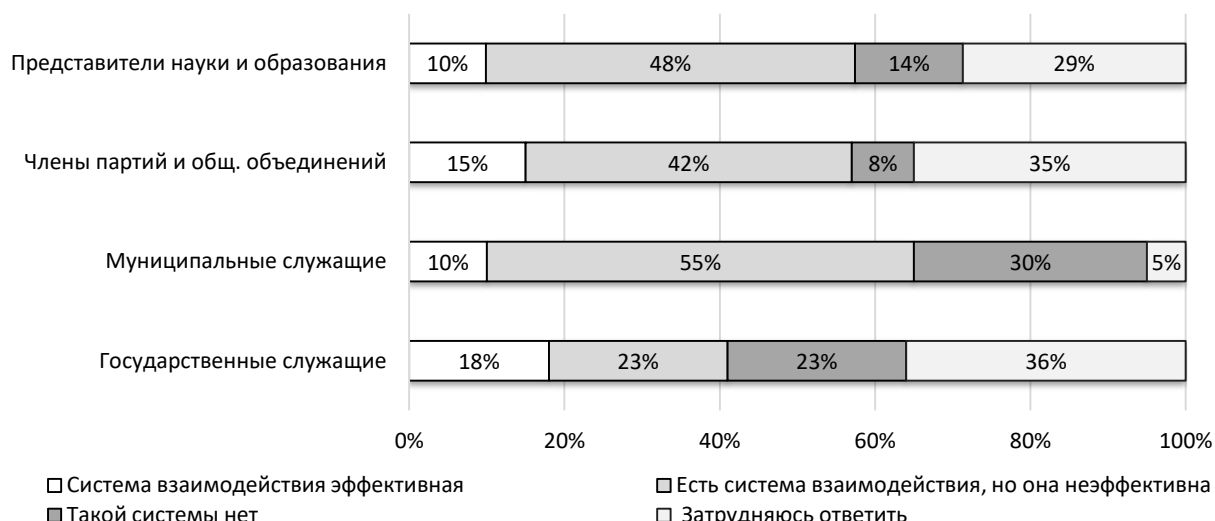

Рис. 4. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как Вы оцените систему взаимодействия органов власти и представителей заинтересованных сторон в процессе цифровизации публичного управления?»

Fig. 4. The distribution of respondents' answers to the question: "How do you evaluate the system of interaction between authorities and representatives of interested parties in the process of digitalization of public administration?"

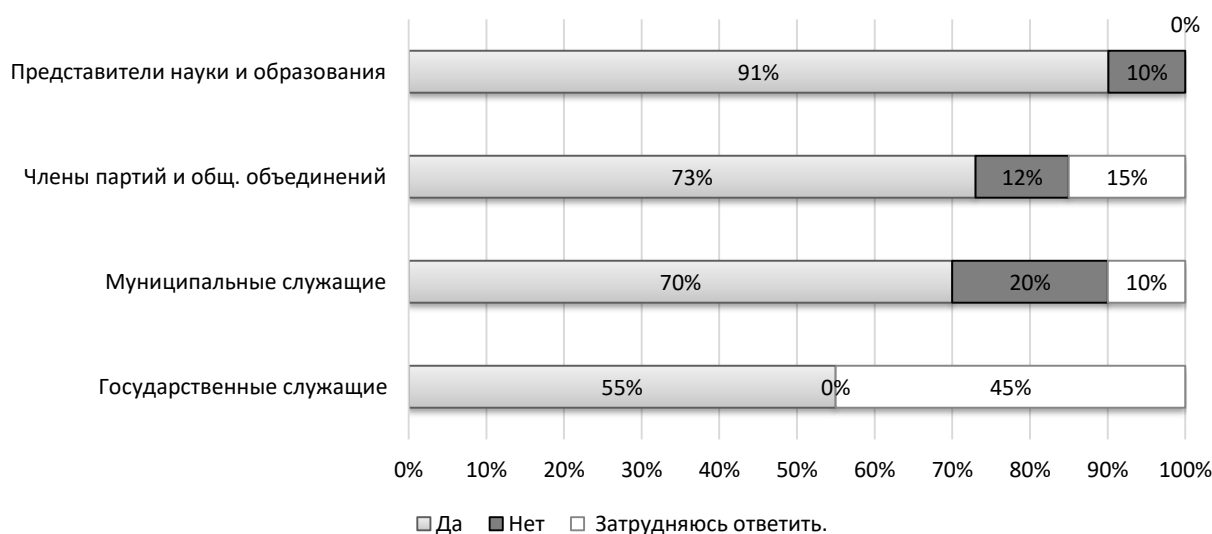

Рис. 5. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Считаете ли Вы, что для успешного решения задач цифровизации публичного управления в интересах граждан страны следует изменить систему организации взаимодействия между органами власти и представителями заинтересованных сторон?»

Fig. 5. The distribution of respondents' answers to the question: "Do you think that in order to successfully solve the problems of digitalization of public administration in the interests of the country's citizens, the system of organizing interaction between government authorities and representatives of interested parties should be changed?"

Выявление заинтересованных сторон и переговоры с ними – это лучший способ обеспечения свободного и добровольного сотрудничества при реализации такого общественно-политического проекта, как цифровизация публичного управления. Для определения заинтересованных сторон, оказывающих влияние на вышеуказанный процесс, был

рассчитан индекс влияния, который учитывал экспрессию оценок экспертов. Безусловно, введение этих индексов носит условный характер, но их сравнение позволяет ранжировать представителей заинтересованных сторон по степени влияния. Участники экспертного опроса отмечают среди структур гражданского общества, способных оказать влияние на процесс цифровизации публичного управления, такие как массмедиа (в том числе электронные), политические партии, социально-сетевые сообщества, общественная палата РФ (рис. 6; индекс влияние (I) рассчитывался по следующей формуле $I = 5 \times N_1 + 4 \times N_2 + 3 \times N_3 - 3 \times N_4$, где N_1, N_2, N_3 – это доля тех, кто оценил степень влияния на процесс цифровизации соответственно как «высокую», «среднюю» и «низкую», а N_4 – это доля считающих, что данная структура не способна влиять на данный процесс).

Рис. 6. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Какое влияние нижеперечисленные структуры гражданского общества способны оказать на то, чтобы процесс цифровизации публичного управления осуществлялся в интересах граждан страны?»

Fig. 6. The distribution of respondents' answers to the question: "What impact can the following civil society structures have on the digitalization of public administration in the interests of the country's citizens?"

Отметим, что, в отличие от иных субъектов гражданского общества, выражающих корпоративные позиции тех или иных профессиональных или социальных групп общества, Общественная палата по статусу должна способствовать созданию действенных инструментов обратной связи государства и общества. В частности в статье 2 соответствующего закона указывается на то, что «общественная палата призвана обеспечить согласование общественно значимых интересов граждан Российской Федерации, общественных

объединений, органов государственной власти и органов местного самоуправления для решения наиболее важных вопросов экономического и социального развития, обеспечения национальной безопасности, защиты прав и свобод граждан Российской Федерации, конституционного строя Российской Федерации и демократических принципов развития гражданского общества»¹.

Следующий не менее важный вопрос – это вопрос о диалого-партнерских площадках, на которых возможно обсуждение параметров гражданского договора по цифровизации публичного управления. Сегодня, когда в РФ доступ к интернету имеет более 80 % населения, а аудитория социальных сетей при этом составляет более 70 миллионов человек, вопрос об организации такой площадки, на наш взгляд, можно вести только в сетевом пространстве, которое становится основой публичных коммуникации.

Проведенный опрос экспертов показал следующий интересный парадокс: представители определенной группы экспертов не состоят в «своих» сетевых сообществах. Так, например, только 50 % региональных государственных служащих состоят в сообществах, созданных органами власти субъекта РФ, 65 % муниципальных служащих – в сообществах, созданных муниципальными органами власти (рис. 7).

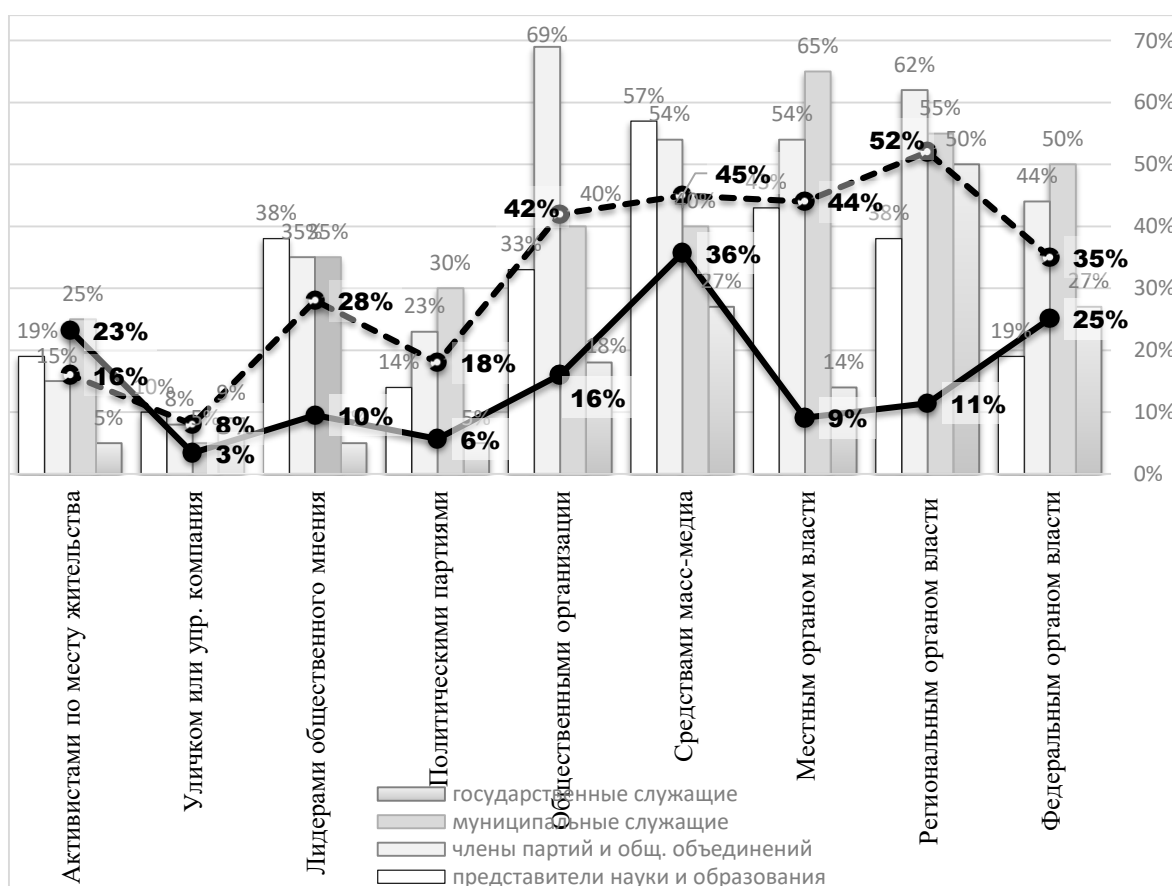

Рис. 7. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Продолжите фразу: Я являюсь членом сетевого сообщества, организованного...»

Fig. 7. The distribution of respondents' answers to the question: "Continue the phrase: I am a member of a network community organized...."

¹ Федеральный закон N 32-ФЗ от 04.04.2005 "Об Общественной палате Российской Федерации" // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52651/

Но несмотря на это наиболее перспективными электронными площадками для организации диалога и партнерства могут стать именно площадки, созданные органами власти, поскольку уже сегодня более половины экспертов (52 %) являются членами сетевых сообществ, созданных органами власти. При этом следует отметить, что население в целом больше представлено в сетевых сообществах, организованных массмедиа (так зарегистрировано 36 % опрошенных), а на втором месте – сетевые сообщества федеральных органов власти (27 %).

Как показывают результаты проведенного опроса, респонденты и эксперты признают наиболее удобной для взаимодействия с органами власти социальную сеть ВКонтакте, которая является самой популярной социальной сетью Рунета. При этом население считает данную сеть и наиболее удобной для обсуждения общественно значимых проблем (Василенко, Зотов, Захарова, 2020).

Заключение

Сегодня человечество нуждается в разработке идейной концепции цифровой среды обитания, которая особенно актуализировалась в условиях пандемии COVID-19, выявившей разрыв между личными интересами и интересами государства, а также огромные пробелы в организации публичного управления цифрового общества. А поскольку такая концепция затрагивает интересы и государства, и гражданского общества, то ее разработка возможна только после принятия общественного договора, который направлен на снижение непонимания целей общественного развития. Результаты опроса показывают, что преобладающим мнением относительно современного общественного договора является представление о нем как об инструменте регулирования взаимодействия органов власти и населения в цифровом пространстве, который указывает на обязательства одних перед другими в цифровом обществе. Эксперты и опрошенное население выступают за заключение нового общественного договора между структурами гражданского общества и органами власти для совместной работы по цифровизации публичного управления в интересах граждан страны. При этом государственные структуры и структуры гражданского общества призваны играть одинаковую роль в процессе выработки параметров общественного договора. Среди структур гражданского общества экспертами отмечается массмедиа (в том числе электронные), политические партии, социально-сетевые сообщества, общественная палата. Именно последняя структура гражданского общества в силу своей легитимности в глазах населения, а также своего статуса и функционала может стать главным «переговорщиком» по общественному договору. Большинство опрошенных экспертов отметили, что существующая система взаимодействия органов власти и представителей заинтересованных сторон по вопросам цифровизации публичного управления не эффективна или указали на то, что такой системы нет. Эксперты почти единогласны в своем желании изменить систему организации взаимодействия между органами власти и представителями заинтересованных сторон для успешного решения задач цифровизации публичного управления в интересах граждан нашего государства. На наш взгляд, выстроить такую систему можно в социально-сетевом пространстве, организованном вокруг аккаунтов общественных палат РФ и ее субъектов.

Список литературы

1. Адамская Л., Ракинцев Д. 2019. Требуется стейкхолдеры. Самоуправление. 1(114): 81–86.
2. Аузан А.А. 2005. Общественный договор и гражданское общество. Мир России. Социология. Этнология. 14 (3): 3–18.
3. Буданов В.Г., Белотелов Н.В., Колесова Л.А., Курдюмов В.С., Олескин А.В. 2019. Социальный договор. Отв. ред. А. В. Щербаков. М., Грифон. 95 с.

4. Василенко Л.А., Зотов В.В., Захарова С.А. 2020. Использование потенциала социальных медиа в становлении участвующего управления. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология, 20 (4): 864–876.
5. Ильичёва Л.Е., Лапин А.В., Кремер П. 2021. Доверие в системе базовых ценностей России и Германии: последствия пандемии. Проблемы национальной стратегии. 1 (64): 97–118.
6. Ролз Дж. 2010. Теория справедливости. М.: URSS, 534 с. (Rawls J. 1999. A Theory of Justice: Revised Edition. Oxford: Oxford University Press. 538 p.)
7. Слепаков С.С. 2016. Четверть века России в новом времени: общественные интересы, глобальная конкуренция и стейкхолдер-менеджмент. Философия хозяйства, 3 (105): 75–83.
8. Тихонов А.В., Акимкин Е.М., Богданов В.С., Бунов Е.Г., Быков К.В., Градосельская Г.В., Гусейнова К.Э., Докука С.В., Жаворонков А.В., Карпов И.А., Королев А.Л., Ленков Р.В., Мерзляков А.А., Присянюк Д.В., Рабинович Е.И., Шилова В.А., Щербина В.В. 2017. Россия: реформирование властно-управленческой вертикали в контексте проблем социокультурной модернизации регионов. Отв. ред. А.В. Тихонов. М., ФНИСЦ РАН, 432 с.
9. Хабермас Ю. 2001. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб: Наука, 312 с. (Habermas J. 2000. The Inclusion of the Other: Studies in Political Theory / Reprint Edition. Cambridge, MA, 338 p.)
10. Явлинский Г.А. 2005. Общественный договор – основа долгосрочной экономической стратегии. Мир России, 14 (4): 3–29.
11. Bonnafous-Boucher M., Porcher S. 2010. Towards a stakeholder society: Stakeholder theory vs theory of civil society. European Management Review, 7 (4): 205–216.
12. Brennan J., Buchanan J. 2005. The reason for the rules. Constitutional political economy. Cambridge: Cambridge University Press, 168 p.
13. Crane A., Matten D., Moon J. 2004. Stakeholders as Citizens? Rethinking Rights, Participation, and Democracy. Journal of Business Ethics, 53(1/2): 107–122.
14. Freeman R. E. 1984. Strategic Management: a Stakeholder Approach, Boston: Pitman. 279 p.
15. Freeman R.E. 2020. The Stakeholder Approach Revisited. In: Beschoner T., Brink A., Hollstein B., Hübscher M.C., Schumann O. (eds) Wirtschafts- und Unternehmensethik. Springer VS, Wiesbaden. Pp. 657–671. https://doi.org/10.1007/978-3-658-16205-4_55
16. Gauthier D. 1997. Political Contractarianism. Journal of Political Philosophy, 5(2): 132–148.
17. Heath J., Norman W. 2004. Stakeholder Theory, Corporate Governance and Public Management: What Can the History of State-Run Enterprises Teach Us in the Post-Enron Era? Journal of Business Ethics, 53 (3): 247–266.
18. Nozick R. 2008. Anarchy, state and utopia. New-York, Basic Books, 400 p.
19. Parmar B.L., Freeman R.E., Harrison J.S., Wicks A.C., Purnell L., Colle S. 2010. Stakeholder Theory: The State of the Art. Academy of Management Annals, 4 (1): 495–581. <https://doi.org/10.5465/19416520.2010.495581>
20. Southwood N. 2010. Contractualism and the Foundations of Morality. Oxford, Oxford University Press, 216 p.

References

1. Adamskaya L., Rakintsev D. 2019. Trebuyutsya stejkkholdery. [Stakeholders are required]. Samoupravlenie. 1(114): 81–86.
2. Auzan A. A. 2005. Obshchestvennyj dogovor i grazhdanskoe obshchestvo. [Social Contract And Civil Society]. Universe of Russia. 14 (3): 3–18.
3. Budanov V.G., Belotelov N.V., Kolesova L.A., Kurdyumov V.S., Oleskin A.V. 2019. Social'nyj dogovor [Social contract]. Ed. A.V. Shcherbakov. M., Gryphon. 95 p.
4. Habermas J. 2000. The Inclusion of the Other: Studies in Political Theory. Reprint Edition. Cambridge, MA, 338 p.
5. Ilyicheva L. E., Lapin A.V., Kremer P. 2021. Doverie v sisteme bazovyh cennostej Rossii i Germanii: posledstviya pandemii [Trust in the system of basic values of Russia and Germany: the consequences of the pandemic]. Problems of the national strategy. 1 (64): 97–118.
6. Rawls J. 1999. A Theory of Justice: Revised Edition. Oxford: Oxford University Press. 538 p.

7. Slepakov S.S. 2016. CHetvert' veka Rossii v novom vremeni: obshchestvennye interesy, global'naya konkurenciya i stejkkholder-menedzhment [A quarter of a Century of Russia in the New Time: Public interests, global competition and stakeholder management]. *Philosophy of Economy*, 3 (105): 75–83.
8. Tikhonov A.V., Akimkin E.M., Bogdanov V.S., Bunov E.G., Bykov K.V., Gra-dosel'skaya G.V., Guseinova K.E., Dokuka S.V., Zhavoronkov A.V., Karpov I.A., Korolev A.L., Len'kov R.V., Merzlyakov A.A., Prosyanyuk D.V., Rabinovich E.I., Shilova V.A., Shcherbina V.V. 2017. Rossiya: reformirovanie vlastno-upravlencheskoj vertikali v kontekste problem sociokul'turnoj modernizacii regionov [Russia: reformation of the power-management vertical in the context of the problems of socio-cultural modernization of the regions]. Ed. A.V. Tikhonov. M., FNISTC RAS, 432 p.
9. Vasilenko L. A., Zotov V. V., Zakharova S. A. 2020. Social media potential for developing participatory governance. *RUDN Journal of Sociology*, 20 (4): 864–876.
10. Yavlinsky G. A. 2005. Obshchestvennyj dogovor - osnova dolgosrochnoj ekonomicheskoi strategii [Social Contract — The Basis of Long-Term Economic Strategy]. *Universe of Russia*, 14 (4): 3–29.
11. Bonnafous-Boucher M., Porcher S. 2010. Towards a stakeholder society: Stakeholder theory vs theory of civil society. *European Management Review*, 7 (4): 205–216.
12. Brennan J., Buchanan J. 2005. The reason for the rules. *Constitutional political economy*. Cambridge: Cambridge University Press, 168 p.
13. Crane A., Matten D., Moon J. 2004. Stakeholders as Citizens? Rethinking Rights, Participation, and Democracy. *Journal of Business Ethics*, 53(1/2): 107–122.
14. Freeman R. E. 1984. *Strategic Management: a Stakeholder Approach*, Boston: Pitman. 279 p.
15. Freeman R.E. 2020. The Stakeholder Approach Revisited. In: Beschorner T., Brink A., Hollstein B., Hübscher M.C., Schumann O. (eds) *Wirtschafts- und Unternehmensethik*. Springer VS, Wiesbaden. Pp. 657–671. https://doi.org/10.1007/978-3-658-16205-4_55
16. Gauthier D. 1997. Political Contractarianism. *Journal of Political Philosophy*, 5(2): 132–148.
17. Heath J., Norman W. 2004. Stakeholder Theory, Corporate Governance and Public Management: What Can the History of State-Run Enterprises Teach Us in the Post-Enron Era? *Journal of Business Ethics*, 53 (3): 247–266.
18. Nozick R. 2008. *Anarchy, state and utopia*. New-York, Basic Books, 400 p.
19. Parmar B.L., Freeman R.E., Harrison J.S., Wicks A.C., Purnell L., Colle S. 2010. Stakeholder Theory: The State of the Art. *Academy of Management Annals*, 4 (1): 495–581. <https://doi.org/10.5465/19416520.2010.495581>
20. Southwood N. 2010. *Contractualism and the Foundations of Morality*. Oxford, Oxford University Press, 216 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексеевко Александр Иванович, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры философии и социологии Юго-Западного государственного университета, г. Курск, Россия

Зотов Виталий Владимирович, доктор социологических наук, профессор, профессор департамента философии учебно-научного центра гуманитарных и социальных наук Московского физико-технического института (национального исследовательского университета), г. Долгопрудный, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Aleksandr I. Alekseenko, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department Philosophy and Sociology, Southwest State University, Kursk, Russia

Vitaly V. Zotov, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor at the Department of Philosophy, Educational and Scientific Center for the Humanities and Social Sciences, Moscow Institute of Physics and Technology (National Research University), Dolgoprudny, Russia

УДК 316.334:796

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-4-652-661

Генезис спорта: обзор основных теорий

Лукашук В.И.

Академия маркетинга и социально-информационных технологий – ИМСИТ,
Россия, 350010, г. Краснодар, ул. Зиповская, 5
E-mail: luka81@list.ru

Аннотация. Рассмотрены основные теоретические подходы к анализу генезиса спорта как социального феномена. Показано, что современные формы существования спортивных практик связаны с эволюцией социально-экономических отношений, складывающихся на том или ином этапе исторического развития общества. Появление в социальной среде новых форм спортивных практик обусловлено формированием специфических общественно значимых потребностей. Проанализированы различные направления эволюции спорта: социально-экономический, религиозный, игровой, культурный, воспитательный, образовательный, технологический. Отмечено, что заметное место при анализе социального аспекта развития спорта занимают работы, в которых рассматриваются детерминанты становления и функционирования его как зрелища. Показано, что в современных условиях зрелищный спорт становится формой профессионально организованного взаимодействия, приобретая черты искусства как специфической формы общественного мнения. При этом изменяется его социальный статус и социальные функции. Согласно законам шоу-бизнеса, современный спорт стремится максимально расширить свою потенциальную аудиторию, диверсифицировать свою структуру, находя все новые и новые виды соревнований.

Ключевые слова: спорт, спорт как социальный феномен, социология спорта, трансформация спорта, спортивные практики, индустрия спорта.

Для цитирования: Лукашук В.И. 2021. Генезис спорта: обзор основных теорий. NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право, 46(4): 652–661. DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-4-652-661

Sport Genesis: Review of the Main Theories

Vitalii I. Lukashchuk

Academy of Marketing and Social Information Technologies,
5 Zipovskaya St, Krasnodar 350010, Russian Federation
E-mail: luka81@list.ru

Abstract. The main theories of sport development as a social phenomenon are considered. Today, sport is under the influence of globalization processes, which have repeatedly strengthened the role and importance of sport as a global phenomenon. It is shown that the modern forms of sport existence are related to the evolution of socio-economic relations that develop at a certain stage of the historical progress of society. The emergence of new forms of sport practices in the social environment is due to the formation of specific socially significant needs. The author analyzes various directions of sport evolution: socio-economic, religious, gaming, cultural, educational, and technological. It is noted that a significant place in the analysis of the social aspect of sport development of is occupied by works that consider the determinants of its formation and functioning as a spectacle. It is shown that in modern conditions, spectator sport becomes a form of professionally organized interaction, acquiring the features of art as a specific form of public opinion. At the same time, its social status and social functions change. According to the laws of show business, modern sport is trying to maximize its potential audience, diversify its structure, finding more and more new types of competitions. The article notes that in the context of globalization, the values of traditional sports are being transformed, which leads to

changes not only in all its components, but also in the moral and spiritual life of not only athletes, but also, to a greater extent, spectators.

Keywords: sport, sport as a social phenomenon, sociology of sport, sport genesis, transformation of sport, sport practices, sport industry.

For citation: Lukashchuk V. I. 2021. Sport Genesis: Review of the Main Theories. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 46 (4): 652–661 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-4-652-661

Введение

На протяжении нескольких десятилетий наблюдается устойчивая тенденция усиления влияния спорта на общественную жизнь и сознание людей. Современный спорт охватывает все слои социума, влияя на основные сферы жизнедеятельности общества: экономику, политику, образование, медицину, фармакологию и др., влияет на национальные отношения и этические ценности; формирует модные тренды образа жизни людей. Сегодня спорт превратился в своего рода индустрию, в которую входят спортивные, оздоровительные, технические, управленческие, образовательные и научные организации, а также спортивная промышленность, средства массовой информации, производство спортивной одежды и оборудования и тому подобное. Эта новая реальность оказалась практически незамеченной социологами, доказательством чего является то, что глубоких монографических работ по поводу выяснения причин такой трансформации, закономерностей функционирования и особенностей управления индустрией спорта в отечественной социологии практически нет.

Некоторые ученые объясняют это тем, что «социолог спорта не интересен социологам, потому что они не интересуются спортом. А спортсмены не интересуются социологией» [Эдельман и др., 2017, с. 282]. Тем не менее в современной отечественной социологической литературе о спорте стали все чаще появляться работы, авторы которых акцентируют внимание на необходимости развития социологии спорта в нашей стране [Лукашук, 2020; Синютин и др., 2020; Быховская, Мильштейн, 2017; Сироткина, 2017]. Особо следует подчеркнуть, что в российской социологии спорта основной анализ делается не столько на вопросах социологического характера, сколько на проблемах самого спорта, развития его отдельных видов; работы преимущественно носят эмпирический характер, что не совпадает с мнением ведущих российских социологов, считающих, что «эмпирическая работа социологов от начала до конца должна сопровождаться работой теоретической» [Романовский, 2019, с. 152]. Такое положение сегодняшнего состояния социологии спорта требует системных исследований в данной области.

Первым этапом такого исследования мне видится социологический анализ генезиса спорта как социокультурного феномена, что позволяет, опираясь на изучение разных теоретических концепций становления и развития спорта, понять природу данного явления, внутреннюю логику его развития, определить тенденции его дальнейшей эволюции.

Генезис спорта как объект социологического исследования

Генезису спорта как социального явления посвящена работа Н. Элиаса [2006], в которой автор прежде всего уточняет, что спорт в широком смысле содержит все соревнования и физические упражнения, которые встречаются в любых обществах; в узком смысле понятие спорт относится только к определенному типу игр, который возник в Англии и оттуда распространялся в другие государства. При этом исследователь предлагает изучать трансформацию форм досуга в спортивные соревнования во взаимосвязи с процессами

становления национальных государств, т.е. как связаны между собой тенденции преобразования общества в современный тип. Историю спорта Н. Элиас исследует посредством сравнительного анализа спортивных игр Древней Греции и современности. При этом автор отмечает, что в любом обществе существует тесная взаимосвязь между всеми жизненными проявлениями, поэтому исследователь должен принять во внимание целостную внутреннюю систему ценностей этого общества.

Цивилизационный подход Н. Элиаса позволяет определить исторический релятивизм спортивных форм, зависимость целей проведения соревнований, правил их проведения и стандартов их оценки от общей социокультурной ситуации, ценностного основания конкретного социума.

По мнению П. Бурдьё, «история спортивных занятий может быть только структурной историей» [Бурдьё, 1994, с. 260]. Предметом истории спорта социолог считает такие преобразования структуры, которые могут быть поняты только на основании знания о том, чем именно была эта структура в конкретный момент времени. Изменения таким образом приобретают познавательный смысл исключительно в мире первобытного знания структуры. Кроме того, важно помнить, что пространство спорта не существует само по себе: оно замкнуто в пространство практик и потребления, которые, в свою очередь, структурированы и конституированы в систему. Поэтому спортивные практики могут восприниматься как модальность между предложением, рассматриваемым как совокупность моделей практик, и спросом как продуктом индивидуального габитуса [Бурдьё, 1994, с. 265].

Многие исследователи для объяснения социальной сущности спорта обращаются к анализу Олимпийских игр Древней Греции, гладиаторских боев Древнего Рима или рыцарских турниров средневековой Европы [Кун, 1982; Столяров, 2005]. Л. Кун, характеризуя общественно-экономические условия Древней Греции, выделил факторы, которые сказались на эволюции всех направлений спорта, основными из которых являются: а) дальнейшее развитие процесса разделения труда; б) расслоение общества по имущественному признаку; в) интенсивное ведение войн; г) формирование государственности и дальнейшее развитие языческой религии; д) появление рабства. Исследователь подчеркивает, что активное ведение войн определило основную форму и содержание воспитательного направления в развитии спорта. Системы воспитания молодежи сформировались в Древней Греции и Древнем Риме (как наиболее показательные из существовавших в то время), несмотря на имеющиеся различия в организации, ориентировались в первую очередь на подготовку физически сильных, закаленных воинов, поскольку успех в бою во многом зависел от их физической подготовки [Кун, 1982]. Это стало важнейшей тенденцией в развитии спорта, потому что сформировало систему воспитания, в которую обязательно включались физические упражнения, используемые в ходе боевых действий. Таким образом, данное направление в развитии спорта приобрело военно-физическую направленность, сохранившуюся и на следующем этапе общественного развития.

Д.Г. Кайл [Kyle, 2014], объясняя многообразие и противоречия современного спорта, ищет его корни в первобытнообщинном обществе. Исследователь считает, что стимулирующими мотивами развития спорта было, во-первых, решение личностных конфликтов путем соревнования в выносливости, ловкости, силе. Аборигены начали использовать игры и соревнования как способ мирного противоборства в отличие от кровопролития. Обряды выбора вождя, завоевания невесты как мирное противоборство появились значительно раньше, чем подготовка к соревнованиям. Во-вторых, необходимость совершенствования ведущей трудовой деятельности – охоты – со временем привело к распространению соревнований по бегу, стрельбе из лука и тому подобное.

Религиозное направление в развитии спорта

Некоторые ученые выделяют религиозное направление в развитии спорта [Grano, 2017; Alpert, 2015]. Иногда само возникновение спорта связывают с религиозными ритуалами, важной частью которых были различного рода спортивные соревнования. Д. Грано [Grano, 2017] считает, что в современном обществе спорт сформировался как подобие религии с собственными ритуалами и обрядами, отличными от прежних форм массовых действий. По мнению автора, произошло это потому, что в XIX–XX веках произошло существенное ослабление институтов религии, а потребность в формах и действиях, выполняемых ими, осталась, поэтому спорт принял на себя данные функции и создал новый культ со своими поклонниками и сторонниками, кумирами и служителями. Он сформировал собственные ритуалы и обряды, отличные от прежних формы массовой действия.

Б. Джей [Jeu, 1992], указывая на ритуальное становление спортивных практик, акцентирует внимание на ценностно-эстетическом потенциале спорта, на особенностях его отражения в искусстве, рассматривает спорт как источник вдохновения для писателей, поэтов, художников. О. Групе [Grupe, 2000] также фокусирует взгляд на спорте как культурном феномене и отмечает, что с ним связано множество культурных ценностей. Ученые сходятся во мнении, что возникновение спортивных игр было обусловлено проведением главных религиозных праздников в честь богов. Это исторически обусловленная, главная социальная потребность на многие годы определила их общественную значимость и привела к их систематическому воспроизведению.

Рассматривая вопрос влияния религии на развитие спорта, Г. Люшен задается вопросом: можно ли современный спорт рассматривать как феномен протестантской культуры [Люшен, 1974]. В основе его рассуждений лежит идея М. Вебера о связи протестантской этики с духом капитализма [Вебер, 1990]. По М. Веберу, людей, придерживающихся протестантской веры, всегда отличает стремление к образованию, занятиям торговлей и промышленностью. Г. Люшен обращает внимание на то, что и в сфере спорта заметно преобладают ценности аскетизма и достижения цели. Веря в то, что успех – знак божественной благодати, протестанты делают культом достижение цели, и спорт предоставляет для этого большие возможности. Поэтому даже пуритане, которые обычно враждебно относились к праздному времяпрепровождению, одобряли занятия спортом как разновидность физической деятельности, которая укрепляет здоровье.

Анализируя влияние религии на развитие спорта в Древней Греции, ученые [Belsky, 2016; Goldblatt, 2016; Alpert R., 2015] отмечают, что в те времена доминирующее значение в обществе имела религия. Спортивные же соревнования, проводившиеся в рамках религиозных праздников, были лишь своеобразной формой ритуальных поклонений богам. Исходя из этого, подвергаются критике взгляды ученых, которые считают, что миротворческая функция Олимпийских игр была главной и с самого начала им принадлежала [Belsky, 2016; Лукашук, 2011b]. По мнению Г. Бельского [Belsky, 2016] войны прекращались не потому, что проводились Олимпийские игры, а прежде всего потому, что в это время происходили религиозные празднества, имеющие общегосударственное значение, потому что на них съезжались руководители всех греческих государств для заключения мирных договоров, налаживания торговых и культурных связей. Именно поэтому во время религиозных праздников прекращались войны, а в рамках культовых обрядов устраивались олимпийские агоны во славу богам.

Значение игрового компонента в генезисе спорта

Среди работ, освещающих значение игрового компонента в генезисе спорта, наиболее значимыми являются работы испанского ученого Х. Ортеги-и-Гассета и нидерландского культуролога Й. Хейзинги.

По мнению Х. Ортеги-и-Гассета [1991], спорт возник под воздействием «свободной игры жизненных сил», которая порождает инстинктивное, избыточное, т.е. антиэкономическое усилие. Стремительное распространение современного спорта Х. Ортега-и-Гассет связывает с тем фактом, что в XIX в. приоритетом в обществе была работа, а в XX в. таковым становится игра с присущим ей карнавально-праздничным пониманием жизни. Еще одной причиной распространения различных спортивных практик ученый видит в утверждении философии бодицетризма, согласно которой одной из основных культурных установок является культ тела, его желания, потребности и инстинкты, то есть тело становится своего рода контролером души. По мнению ученого, спорт является фактором как духовного закрепощения личности, так и инфантилизации современной культуры. «За короткое время мы увидели, насколько поднялась на страницах газет волна спортивных игр, потопив почти все корабли серьезности... Торжество спорта означает победу юношеских ценностей над ценностями старости... Европа вступает в эпоху ребячества», – утверждает ученый [Ортега-и-Гассет, 1991, с. 257]. Безусловно, положения Х. Ортеги-и-Гассета о становлении и ценностях современного спорта являются дискуссионными, но все же с некоторыми из них можно согласиться.

Й. Хейзинга оспаривает спортивно-игровую теорию Х. Ортеги-и-Гассета и обращает внимание на тот факт, что, начиная с XIX века, к спортивным играм относятся все серьезнее, детализируются и становятся более строгими правила соревнований, растут результаты. Все это приводит к профессионализации спорта, постепенно вытесняя из него спонтанность, раскрепощенность и легкость, то есть игровой компонент. Для профессионального спортсмена спорт становится работой, а не игрой. Тем не менее Й. Хейзинга ставит спорт в современной социальной жизни на обочину истинного культурного процесса, поскольку он лишен прежней одухотворенности, оторван от духовной культуры общества и даже при поддержке государства не имеет органической связи со структурой общества, он выражает, скорее, инстинкты. «Несмотря на все свое значение для участников и зрителей, он остается бесплодной функцией, в которой давний игровой фактор по большей части уже успел отмереть» [Хейзинга, 1997, с. 223]. В данном контексте Й. Хейзинга снова оспаривает выводы Х. Ортеги-и-Гассета, необоснованно поставившего спорт выше культуры. Указывая на социальные функции спорта, Й. Хейзинга отмечает, что его значение как основной игровой формы современности постоянно увеличивается и связано со структурой социальной жизни общества. Именно потребностями общества объясняет он создание спортивных организаций.

Идеи Й. Хейзинги о том, что игра находится за пределами реального, дали основание его последователям сформулировать тезис о том, что игра, а вместе с ней спорт и физическое воспитание представляют возможность ухода, бегства от реальной жизни. Характерным для Й. Хейзинги является отождествление игры с порядком. При этом она выступает как важный социальный инструмент поддержания дисциплины в коллективе и обществе. Отождествление игры с ритуалом с одной стороны и порядком с другой представляет собой важное для социологической науки и практики спорта положение, поскольку оно дает основание рассматривать спорт и физическое воспитание как важные инструменты социального порядка и контроля. Значение исследования Й. Хейзинги для социологии спорта велико и в настоящее время. Теория Й. Хейзинги продолжает оказывать влияние на научное мировоззрение социологов спорта, досуга, рекреации, специалистов физического воспитания.

Влияние национальных систем образования на развитие спорта

На становление и функционирование современного спорта значительно повлияли процессы формирования национальных систем образования, в рамках которых создавались свои системы физического воспитания [Schwartz, 2021]. По мнению Р. Кречмара с

соавторами [Kretchmar et al., 2017] развитию современных спортивных практик содействовали школы гуманизма, так называемые филантропины, которые возникли в XVIII веке в Германии. Педагогов-филантропистов И. Гутс-Мутса и Г. Фита по праву считают основателями немецкой системы гимнастики, дальнейшему развитию которой посвятил свои силы Ф. Ян и А. Шпис. С именем П. Линга связано становление национальной системы гимнастики Швеции, а чешский педагог М. Тырш известен как создатель сокольской гимнастической системы. Во второй половине XIX и начале XX веков формировались оригинальные системы физического воспитания во многих странах: во Франции – система Ж. Демени, основанная на ведущем значении ритма и гармонии движений, на ритмичном чередовании расслабления и напряжения мышц; в Дании – система Н. Бук, которая представляла собой модернизированный вариант шведской гимнастики, в Великобритании – спортивно-игровой метод и другие. Они сыграли важную роль в привлечении широких слоев населения к ценностям спорта.

По мнению П. Крэйга [Craig, 2016], современные формы существования спортивных практик (физическое воспитание, спорт, физическая рекреация и т.д.) являются следствием их исторической эволюции, развитие этих форм неразрывно связано с трансформацией социально-экономических отношений, складывающихся на том или ином этапе исторического развития общества. Появление в социальной среде новых форм спортивных практик обусловлено формированием специфических общественно значимых потребностей.

Роль научно-технических новаций в развитии современного спорта

Некоторые ученые исследуют роль научно-технических новаций в развитии современного спорта [Лукашук, 2011a; Schmidt, 2020]. С.Л. Шмидт, например, считает, что научно-техническая революция обеспечила значительный рост потенциальных потребителей спортивных услуг, а В.И. Лукашук отмечает, что внедрение современных технологий меняет образ спорта, способствует развитию его новых видов, облегчает подготовку и восстановление спортсменов. Ради достижения все новых и новых рекордов внедряются новейшие научные разработки: костюмы и спортивный инвентарь изготавливаются из сверхпрочных и сверхлегких материалов, над планированием инновационных систем тренировки и особого питания работают ученые, для спортсменов выпускают эксклюзивные медицинские препараты. Наконец, спортсмены все чаще используют допинг, то есть специальные медицинские препараты, повышающие силу и выносливость.

Эти и многие другие вопросы, связанные с активным внедрением новейших технологий в индустрию спорта, способствовали несколько скептическому взгляду некоторых социологов на развитие современного спорта. Например, К. Леш [2006] рассматривает спорт как способ, позволяющий удовлетворить потребности, связанные с уровнем индустриально-технического развития. По его мнению, в условиях рынка спорт функционирует как рыночный товар, продукт потребления, средство, создающее рекламный потенциал для различных сфер общественной жизни. Ученый считает, что наблюдаемая сейчас деградация современного спорта – противоречивый, сложный и многосторонний процесс, связанный с трансформацией массовой культуры. Одним из основных результатов преобразования спорта в элемент такой культуры следует считать его тривилизацию. Спортивное соревнование разрушается под влиянием окружающих его условий и дегенерирует в зрелище. Под влиянием властной элиты усложняются политические функции спорта. Развитие зрелищного спорта до его нынешнего уровня происходит в одно и то же время с расцветом массовой культуры. Вместе с деградацией, разрушением ценностей современного спорта происходят качественные перестройки духовной жизни и нравственной морали зрителей. Коммерциализация спорта подчинила удовольствие спортсмена удовлетворению зрителя и довела последнего до уровня «вегетативной пассивности».

По мнению К. Лэша [2006], наблюдаемые явления порождены экономическим устройством современного индустриального общества и связаны с существующим способом производства. Поскольку спорт в значительной степени представляет наиболее существенные компоненты существующей культуры, то он не только порождает и решает определенные специфические проблемы, присущие только этой подсистеме общества, но и выступает индикатором многих социальных проблем, порождаемых другими его составляющими.

Развитие спорта как социально-зрелищной сферы

Заметное место при анализе социального аспекта развития спорта занимают работы, в которых рассматриваются детерминанты становления и функционирования его как зрелища [Козлова, 2005; Сараф, 1997; Эдельман, 2008]. Ученые отмечают, что зрелищный спорт играл значительную роль на протяжении всей истории современной цивилизации – и в первобытном обществе, и в античности, и в средневековье – и был связан с народными обрядами, обычаями и мифологическими представлениями. По мнению В.С. Козловой, «с распадом мифологического мышления изменились и подходы к праздникам-ритуалам, которые начали терять свое сакральное значения как школа гражданственности относительно определенных ценностей социума, а потому уже в эпоху поздней античности спортсмены начинают покупать победу, бороться за деньги, выставя себя на продажу» [Козлова, 2005, с. 67]. Меняется отношение к тем, кто участвует в соревнованиях, а также терминология: на смену гордому званию «аскет» после разоблачения одного из них на подкупе соперника приходит термин «атлет» как обозначение того, кто выступает за вознаграждение. Доминирующим становится дух зрелищности и уже не сакральность, а зрелище становится сущностью таких игр. Именно тогда появляется своего рода рампа, которая отделяет арену (место, где проходит действие) и трибуны (место, где находится зритель) как намек на начало распада участников ритуальной целостности на производителя и потребителя зрелища.

В современных условиях профессионально-зрелищный спорт приобретает «статус социального ориентира, становится своего рода моделью выполнения собственного потенциала при успешном использовании возможностей, предоставляемых социумом» [Козлова, 2005, с. 198]. Согласно законам шоу-бизнеса, спорт стремится максимально расширить свою потенциальную аудиторию, диверсифицировать свою структуру, находя все новые и новые виды соревнований.

Заключение

Современные формы существования спортивных практик являются следствием их исторической эволюции, развитие этих форм неразрывно связано с трансформацией социально-экономических отношений, складывающихся на том или ином этапе исторического развития общества. Появление в социальной среде новых форм спортивных практик обусловлено формированием специфических общественно значимых потребностей.

В научной литературе рассматриваются различные направления генезиса спорта: социально-экономическое, религиозное, игровое, культурное, образовательное, технологическое. Заметное место при анализе социального аспекта развития спорта занимают работы, в которых рассматриваются детерминанты его становления и функционирования как зрелища.

Сегодня спорт находится под влиянием глобализационных процессов, которые, с одной стороны, способствуя распространению спортивной информации, унификации технологий организации и проведения соревнований, оптимизации взаимодействия международных спортивных организаций с национальными олимпийскими комитетами и федерациями по видам спорта, многократно усилили статус спорта как общемирового явления,

демонстрирующего общую направленность и динамику процессов глобализации. С другой стороны, в условиях глобализации происходит трансформация ценностей традиционного спорта, что приводит к качественной перестройке не только всех его составляющих, но имеет отношение также к морали, духовной жизни не только спортсменов, но и в большей степени зрителей.

Список литературы

1. Бурдые П. 1994. Программа для социологии спорта. В кн.: Бурдые П. Начала. Москва, Socio-Logos: 257–275.
2. Быховская И., Мильштейн О. 2017. Советская социология спорта: старт и... еще раз старт (субъективные заметки с претензией на объективность). Социологическое обозрение, 16 (2): 284–319. DOI: 10.17323/1728-192X-2017-2-284-319
3. Вебер М. 1990. Протестантская этика и дух капитализма. В кн. Вебер М. Избранные произведения. Москва, Прогресс: 61–135.
4. Козлова В.С. 2005. Спорт как социально-зрелищная сфера. Минск, ФУАинформ, 334 с.
5. Кун Л. 1982. Всеобщая история физической культуры. Москва, Радуга, 400 с.
6. Лукашук В.И. 2011а. Тенденции развития спорта в условиях рыночных преобразований. Изд. LAP Lambert Academic Publishing GmbH & Co. KG, 218 с.
7. Лукашук В.И. 2020. Социология спорта: обзор традиционных зарубежных социологических парадигм и теорий. Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология, 26(2): 49–69. DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-2-49-69
8. Лэш К. 2006. Вырождение спорта. Логос, 3 (54): 23–40.
9. Люшен Г. 1974. К структурному анализу в спорте. В кн.: Всемирный научный конгресс «Спорт в современном обществе»: сб. научных материалов. Москва, ФиС: 25–28.
10. Ортега-и-Гассет Х. 1991. Эстетика. Философия культуры. Москва, Искусство, 592 с.
11. Романовский Н. В. 2019. Теоретическое и эмпирическое знание в социологии: современные вызовы и перспективы взаимодействия (XX Харчевские чтения). Социологические исследования, 3: 150–152. DOI: 10.31857/S013216250004288-9
12. Сараф М. Я. 1997. Спорт в культуре XX века: (Становление и тенденции развития). Теория и практика физической культуры, 7: 5–12.
13. Синютин М., Тевари С., Марки В., Нонгого П. 2016. Всемирный конгресс социологии спорта «Спорт, глобальное развитие и социальные изменения». Журнал социологии и социальной антропологии, 19-3 (86): 203–206.
14. Сироткина И. 2017. Национальные модели физического воспитания и сокольская гимнастика в России. Социологическое обозрение, 16(2): 320–339. DOI: 10.17323/1728-192X-2017-2-320-339
15. Столяров В.И. 2005. Социология физической культуры и спорта. Москва, Физическая культура, 400 с.
16. Хейзинга Й. 1997. Homo ludens: Статьи по истории культуры. Москва, Прогресс, 414 с.
17. Эдельман Р. Бондаренко С., Кильдюшов О. 2017. Спорт помогает ответить на фундаментальные вопросы. Интервью с Робертом Эдельманом. Социологическое обозрение, 16 (2): 275–283. DOI: 10.17323/1728-192X-2017-2-275-283
18. Эдельман Р. 2008. Серьезная забава. История зрелищного спорта в СССР. Москва, Советский спорт; АИРО-XXI, 400 с.
19. Элиас Н. 2006. Генезис спорта как социологическая проблема. Логос, 3: 41–62.
20. Лукашук В.И. 2011б. Індустрія спорту: історія та сучасність. Харків, ХНУ імені В.Н. Каразіна, 480 с.
21. Alpert R. 2015. Religion and Sports: An Introduction and Case Studies. New York, Columbia University Press, 224 p.
22. Belsky G. 2016. On the Origins of Sports: The Early History and Original Rules of Everybody's Favorite Games. New York, Artisan, 256 p.
23. Craig P. 2016. Sport Sociology (Active Learning in Sport Series). London, Sage Publications Ltd., 382 p.
24. Goldblatt D. 2016. The Games: A Global History of the Olympics. New York, W.W. Norton & Company, 528 p.

25. Grano D.A. 2017. *The Eternal Present of Sport: Rethinking Sport and Religion* Kindle. Philadelphia, Temple University Press, 284 p.
26. Grupe O. 2000. Schorndorf: Hofmann, 312 p.
27. Jeu B. *Analyse du sport Français*. 1992. Paris: Presses Universitaires de France, 192 p.
28. Kretchmar R.S., Dyreson M., Llewellyn M., Gleaves J. 2017. *History and Philosophy of Sport and Physical Activity*. Champaign, Human Kinetics, 352 p.
29. Kyle D.G. 2014. *Sport and Spectacle in the Ancient World*. New York, Wiley-Blackwell, 368 p.
30. Schmidt S.L. 2020. *21st Century Sports: How Technologies Will Change Sports in the Digital Age (Future of Business and Finance)*. Dordrecht: Springer, 442 p.
31. Schwartz D.A. 2021. *Modern Sports around the World: History, Geography, and Sociology*. Santa Barbara, ABC-CLIO, 410 p.

References

1. Bourdieu P. 1994. *Programma dlja sociologii sporta [Program for Sociology of Sports]*. In: Bourdieu P. *Nachala [Choses Dites]*. Moscow, Socio-Logos: 257–275.
2. Bykhovskaya I., Milstein O. 2017. *The Soviet Sociology of Sport: Start and... Start Once Again (Subjective Notes with a Claim to Objectivity)*. *Russian Sociological Review*, 16 (2): 284–319. DOI: 10.17323/1728-192X-2017-2-284-319 (in Russian).
3. Weber M. 1990. *Protestantskaja jetika i duh kapitalizma [The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism]*. In: *Izbrannye proizvedeniya [Selected Works]*. Moscow, Publ. Progress: 61–135.
4. Kozlova B. C. 2005. *Sport kak social'no-zrelishhnaja sfera [Sport as a social and entertainment sphere]*. Minsk, Publ. FUAinform, 334 p. (in Russian).
5. Kun L. 1982. *Vseobshhaja istorija fizicheskoj kul'tury i sporta [General History of Physical Culture and Sports]*. Moscow, Publ. Raduga, 400 p.
6. Lukashchuk B. 2011a. *Tendencii razvitija sporta v uslovijah rynochnyh preobrazovanij: monografija [Tendencies of Development of Sports in the Conditions of Market Transformations: monograph]*. LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG, 218 p.
7. Lukashchuk V.I. 2020. *Sociology of Sport: a Review of Traditional Foreign Paradigms and Theories*. *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*, 26 (2): 49–69. DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-2-49-69 (In Russian).
8. Lasch C. 2006. *Vyrozhdenie sporta [The degeneration of sport]*. *Logos*, 3 (54): 23–40.
9. Lushen G. 1974. *K strukturnomu analizu v sporte [On structural analysis in sports]*. In: *Vsemirnyj nauchnyj kongress «Sport v sovremennom obshhestve»: Sb. nauchnyh materialov [World Scientific Congress «Sport in Modern society»: Collection of scientific materials]*. Moscow, Publ. FiS: 25–28.
10. Ortega y Gasset J. 1991. *Jestetika. Filosofija kul'tury [Aesthetics. Philosophy of Culture]*. Moscow, Publ. Iskusstvo, 592 p.
11. Romanovskiy N.V. 2019. *Theoretical and Empirical Knowledge in Sociology: Recent Challenges and Prospects for Interaction (XX Kharchev's Readings)*. *Sotsiologicheskie Issledovaniia*, 3: 150–152. DOI: 10.31857/S013216250004288-9 (In Russian).
12. Saraf M. Ja. 1997. *Sport v kul'ture XX veka: (Stanovlenie i tendencii razvitija) [Sport in the Culture of the Twentieth Century: (Formation and Development Trends)]*. *Teorija i praktika fizicheskoj kul'tury*, 7: 5–12.
13. Sinyutin M., Tewari S., Marki V., Nonongo P. 2016. *Vsemirnyj kongress sociologii sporta «Sport, global'noe razvitie i social'nye izmenenija» [World Congress of Sociology of Sport «Sport, Global Development, and Social Change»]*. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, 19-3 (86): 203–206.
14. Sirotkina I. 2017. *Nacional'nye modeli fizicheskogo vospitaniya i sokol'skaja gimnastika v Rossii [National Models of Physical Education and the Sokol Gymnastics in Russia]*. *Russian Sociological Review*: 16(2): 320–339. DOI: 10.17323/1728-192X-2017-2-320-339 (In Russian).
15. Stolyarov V. I. 2005. *Sociologija fizicheskoj kul'tury i sporta [Sociology of Physical Culture and Sports]*. Moscow, Publ. Physical Culture, 400 p. (In Russian).
16. Huizinga J. 1997. *Homo ludens: Stat'i po istorii kul'tury [Homo Ludens: the Study of the Play Element in Culture]*. Moscow, Publ. Progress, 414 p.

17. Edelman R., Bondarenko S., Kildyushov O. 2017. Sport Helps to Answer Fundamental Questions. Interview with Robert Edelman. *Russian Sociological Review*, 2: 275–283. DOI: 10.17323/1728-192X-2017-2-275-283 (In Russian).
18. Edelman R. 2008. *Ser'eznaja zabava. Istorija zrelishhnogo sporta v SSSR [Serious Fun. History of Spectator sport in the USSR]*. Moscow, Publ. Sovetskij sport; AIRO-XXI, 400 p.
19. Elias N. 2006. *Genezis sporta kak sociologicheskaja problema [The Genesis of Sport as a Sociological Problem]*. *Logos*, 3 (54): 41–62.
20. Lukashchuk V. I. 2011b. *Industrija sportu: istorija ta suchasnist'. Monografija [Sport Industry: History and Modernity. Monography]*. Kharkiv, Publ. KhNU imeni V.N. Karazina, 480 p. (In Ukraine).
21. Alpert R. 2015. *Religion and Sports: An Introduction and Case Studies*. New York, Columbia University Press, 224 p.
22. Belsky G. 2016. *On the Origins of Sports: The Early History and Original Rules of Everybody's Favorite Games*. New York, Artisan, 256 p.
23. Craig P. 2016. *Sport Sociology (Active Learning in Sport Series)*. London, Sage Publications Ltd., 382 p.
24. Goldblatt D. 2016. *The Games: A Global History of the Olympics*. New York, W.W. Norton & Company, 528 p.
25. Grano D.A. 2017. *The Eternal Present of Sport: Rethinking Sport and Religion* Kindle. Philadelphia, Temple University Press, 284 p.
26. Grupe O. 2000. *Schorndorf: Hofmann*, 312 p.
27. Jeu B. *Analyse du sport Français*. 1992. Paris: Presses Universitaires de France, 192 p.
28. Kretchmar R.S., Dyreson M., Llewellyn M., Gleaves J. 2017. *History and Philosophy of Sport and Physical Activity*. Champaign, Human Kinetics, 352 p.
29. Kyle D.G. 2014. *Sport and Spectacle in the Ancient World*. New York, Wiley-Blackwell, 368 p.
30. Schmidt S.L. 2020. *21st Century Sports: How Technologies Will Change Sports in the Digital Age (Future of Business and Finance)*. Dordrecht: Springer, 442 p.
31. Schwartz D.A. 2021. *Modern Sports around the World: History, Geography, and Sociology*. Santa Barbara, ABC-CLIO, 410 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Лукашук Виталий Игоревич, доктор социологических наук, профессор кафедры государственного и корпоративного управления Академии маркетинга и социально-информационных технологий, г. Краснодар, Россия

Vitaly I. Lukashchuk, Doctor of Sociology, Professor, Department of Public and Corporate Governance, Academy of Marketing and Social Information Technologies, Krasnodar, Russia

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

HUMAN BEING. CULTURE. SOCIETY

УДК 141.319.8

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-4-662-667

Глобальная сетевая коммуникация и человек рациональный

¹Дунаев Р.А., ²Кузнецов А.В.

¹ Белгородский государственный институт искусств и культуры
Россия, 308033 г. Белгород, ул. Королева 7

² Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308000 г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: r_dunaev@bk.ru; kuznetsov_a@bsu.edu.ru

Аннотация. Рассмотрена проблема закономерных модификаций знания и рациональности как универсальной ценности европейской культуры на фоне нового сетевого миропорядка, который становится нормой и объективной данностью современного существования. Осмыслены вопросы аксиологии рациональных ценностей в условиях перехода от традиционного линейного мышления как наследия новоевропейской науки классического типа к нестандартно нелинейным образцам и моделям мышления и действия. Необходимость последних объясняется рядом судьбоносных условий и факторов, которые во многом определяют риск, неустойчивость и зыбкость онтологии человечества нынешней эры. В условиях набирающих силу процессов виртуализации свободы, популяризации самоидентификации в пространстве интернет-дискурса авторами поднимается проблема этических границ и нравственных резервов «человека виртуального», а шире – культуры виртуальных коммуникаций в медиапространстве и информационном потоке.

Ключевые слова: человек виртуальный, дискурс, сетевые коммуникации, информационные потоки, научная рациональность, нелинейное мышление.

Для цитирования: Дунаев Р.А., Кузнецов А.В. 2021. Глобальная сетевая коммуникация и человек рациональный. НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право, 46(4): 662–667. DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-4-662-667

Global Network Communication and the Rational Person

¹ Roman A. Dunaev, ²Andrey V. Kuznetsov

¹ Belgorod State Institute of Arts and Culture
7 Koroleva St, Belgorod 308033, Russian Federation

² Belgorod National Research University,
85 Victory St, Belgorod 308015, Russian Federation
E-mail: r_dunaev@bk.ru; kuznetsov_a@bsu.edu.ru

Abstract. This article deals with the problem of natural modifications of knowledge and rationality as a universal value of European culture. on the network world order that is becoming the norm and the objective reality of modern existence, Comprehended the issues of axiology rational values in the transition from traditional linear thinking as the heritage of European science classic to outside the box –

nonlinear models and to models of thinking and acting. The need for the latter is explained by a number of "fateful" conditions and factors that largely determine the risk, instability and instability of the ontology of humanity in the current era. In terms of the growing power of virtualization freedom, promotion of identity in the space of Internet discourse, the author raises the problem of ethical boundaries and moral reserves "virtual person", and the broader culture of virtual communication media and information flow.

Key words: virtual man, discourse, network communications, information flows, scientific rationality, nonlinear thinking.

For citation: Dunaev R.A., Kuznetsov A.V., 2021. Global Network Communication and the Rational Person. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 46 (4): 662–667 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-4-662-667

Введение

Последнее десятилетие проходит в реализации мегапроектов, связанных во взаимодействии посредством научно-технической революции с методами биологии, развитием компьютерной техники и глобальных цифровых платформ. Прорывные технологии используются в рамках идеологической парадигмы, затрагивающей не только технологизацию социальных отношений, среду обитания человека, но и ставящей в перспективе вопрос о совершенствовании самого человека. Такие глобальные мегапроекты в аспекте «проектного анализа» [Никонова, 2012] большинство обывателей (за исключением стейкхолдеров) в логике слов естественных языков не осознают ни этапы реализации жизненного цикла мегапроекта, ни обнаруживают информационные инструменты искусственного интеллекта, оказывающие влияние на социальные отношения.

Примером подобного мегапроекта является глобальный мегапроект «Сообщество единой судьбы человечества» (人类命运共同体)¹. Поскольку мегапроекты рассматриваются и с позиции эффективизации инструментов управления развитием общества, то в рамках глобализирующихся процессов значение таких инструментов, как объект методологического знания, например, «глобальная сеть», «сетевое сообщество», «интернет-дискурс», медиа-технологии», в последнее время всё возрастает.

Вместе с тем современная культура, отражающая в духовном мире окружающий миропорядок в концептуализированных формах знания, которые содержат не только объективную, но и субъективную стороны познания, взятые в их имманентном единстве [Andrey Kuznetsov, 2019], испытывает на себе его влияние и формирует специфические запросы у нового поколения: человека все больше интересуют процессы виртуализации жизни и свободы, а сам он становится носителем специфического типа мышления (нет-мышления). Однако, по нашему мнению, такое положение вещей предполагает определенную трансформацию базовой категории рациональности, которая, начиная с эпохи рождения Новоевропейской (опытной) науки, по праву полагалась основополагающей ценностью культуры.

Сеть как новый образ мира

В контексте сказанного мы обращаем внимание на неоднозначность тенденций, связанных с процессами виртуализации культуры, науки и образования. С одной стороны,

¹ Сообщество единой судьбы человечества (кит. трад. 人類命運共同體, упр. 人类命运共同体, пиньинь Rénlèi mìngyùn gòngtóngtǐ, палл. Жэньлэй минъюнь гунтунти) – концепция, предложенная генеральным секретарём ЦК КПК Си Цзиньпином в ноябре 2012 года на 18 Всекитайском съезде КПК.

интернет-дискурс дает широкие возможности для реализации коммуникативной свободы человека, повышая имиджевые возможности самореализации и самовыражения в виртуальных сетях. В известной мере это касается образовательного ресурса, потребление которого становится все более доступным и удобным делом (и по форме, и по диапазону предложений в данной сфере). Так, в частности, в материалах выпуска научно-методического журнала «Открытое и дистанционное образование» специалистами описан кросс-парадигмальный подход к развитию образования [Конопатов и др., 2019; Савотченко и др., 2019]. Нам это представляется достаточно интересным с точки зрения оптимизации образовательной системы и ее представленности в широком интернет-дискурсе. При этом не менее интересно, что смешанное обучение в горизонтах его развития воспринимается актуальным трендом новой модели высшей школы, имеет хорошую перспективу в образовательном процессе современного тысячелетия: «В современном социуме особая роль в процессе формирования нового информационного общества принадлежит сети Интернет, которая является не только средством массовой коммуникации, но и образует принципиально новую область социального взаимодействия, приводящую к изменениям в реальных областях жизни человека...» [Шенцева, 2012, с. 42].

Описывая интернет-пространство в качестве площадки для интернет-социализации, М.С. Чванова, Киселева И.А. аргументируют это так: «...У обучаемых появляется стремление установления отношений с отдельным человеком или группой, а в дальнейшем – тесный контакт с возможностью перехода в реальное общение. Любая представленная функция так или иначе переплетается с другими функциями, которые могут видоизменять содержание друг друга» [Чванова, Киселева, 2017, с. 1202]. Пожалуй, данную рефлексию о двойственной природе сетей как сложного «персонажа» современной жизни, а шире – сетевой модели сегодняшнего и завтрашнего миропорядка нельзя не принимать во внимание. В существе своем эту же мысль в русле философского анализа развивают белгородские ученые. Так, М.А. Игнатов пишет: «Мы рассматриваем ряд узловых аспектов сетевого феномена, претендующего на новые мировоззренческие и эпистемологические перспективы, что позволит нам, во-первых, осмыслить основания для видения современного общества и культуры как "сетевых" и, во-вторых, разобраться, почему именно метафора сети была выбрана для репрезентации нового формирующегося мира и усиления его легитимности» [Игнатов, 2018б, с. 408].

То есть сегодня вполне правомерно говорить «о новом сетевом типе общества как о "нормальной" (Тоффлер), но "другой" модели мироустройства, социально организованного по сетевому принципу, и о становлении информационно-медийной сетевой культуры» [Игнатов 2018, с. 408]. И далее: можно обосновано считать, что сеть – это «и способ бытия человека, и способ самопорождения человека, в том числе на ментальном и духовном уровнях, а само понятие *сеть* обретает методологическое звучание вне связи с информационно-технологическими процессами» [Шенцева, 2012, с. 45]. Мы поддерживаем точку зрения, что «с одной стороны, сеть – это ячеисто структурированная данность, а с другой стороны, сеть – новая смысловая логика современного миропорядка. К этим подходам примыкает обобщающая трактовка сети как антропного феномена, в рамках которого дается достаточно емкое определение сети, которое в целом разделяется нами» [Межкультурная, 2016, с. 4].

Сетевая парадигма и рациональное мышление

Сказанное нами подчеркивает специфику сетевого общества как общества, в котором, по определению Н.Н. Шамардина, «по мере роста инновационного сегмента размываются границы и "демаркационные линии" между наукой и технологиями, обществом и культурой, пронизанных рациональным знанием» [Шамардин, 2016, с. 9]. Строго говоря, сеть – «это новый образ мира и человека в нем, создавшего образ-сеть, новый сетевой мир и одновременно ставшего "заложником" сетей» [Шамардин, 2016, с. 9].

Однако есть и другая сторона вопроса. Она, по нашему мнению, не менее значима и затрагивает проблему ценности рациональности, знания и науки, поскольку, как мы уже отметили выше, эти феномены функционирует в особую историческую эпоху – в эпоху великой культурной трансформации и перехода мира в сетевые коммуникации и виртуализацию жизни. Во многом именно по этой причине проблема аксиологии знания, гуманности научно-технического прогресса становится особо заметной. В широком философском прочтении она выливается в сложные вопросы об онтологических границах современного человечества.

Тем самым мы подкрепляем свою позицию относительно того, что разум только тогда может рассматриваться в качестве фундамента рациональности и целостного способа освоения мира, когда он гармонично дополняется интуитивно-образным прозрением, «жизненным миром», «религиозным озарением», иначе говоря – всей субъективностью человека, и когда он сопровождается целевыми причинами в интересах познания, изучения природы и человека. Именно на это в своей этической концепции указывал великий немецкий классик И. Кант.

Сегодня в сложившейся гносеологической ситуации противоположностью линейному мышлению все активнее выступает другая модель – нелинейное мышление, которое даже категорию фундаментальности знания рассматривает как явление относительное, то есть в любых социальных системах видит человеческое творение и результат его усилий. На наш взгляд, ситуация напряженности, конфликтности между естественно-линейной и нелинейной моделями мышления связана с опасными перспективами современного человечества, апеллируя опять-таки к объективному характеру такого катастрофического развития.

Новая социокультурная реальность стимулирует гносеологический интерес к данному конфликту, основные очаги которого разворачиваются по ряду направлений, в числе которых новое понимание социальной системы, социальности [Дунаев, 2009, с. 13]. Так, например, социальность, выраженная в терминах линейного мышления, статична и почти безальтернативна во многом по причине консервативности нашего человеческого мышления, его «заорганизованности», зашоренности и шаблонности. А вот, скажем, мышление нелинейного типа, будучи совсем иным, дает модели нестандартных и нетривиальных, хотя и во многом, заметим, «рисковых» эффектов и образцов действия и поведения (как человека, так и множественных вариантов изменений всей системы).

Заключение

Обобщая сказанное, мы приходим к заключению, во-первых, о важности создания нового образа рациональности (а значит, знания и науки) в современной сетевой культуре, погружающейся в интернет-дискурс, в соответствие с новой все более виртуализирующейся реальностью. И, во-вторых, полагаем важность задачи формирования кардинально иных ориентиров научного знания на основе утверждения новой иерархии общечеловеческих ценностей и реальной гуманизации знания, науки. Иными словами, в общем движении человеческого познания и самопознания проблематика разумного использования наличного знания ныне живущим поколением меняет классическую гносеологическую ситуацию в направлении перехода к нелинейному мышлению. Оно же, по мысли крупного российского культуролога, науковеда М.К. Петрова, ориентирует на возвращение-приложение результатов научного знания к практической деятельности и их опосредование исторической конкретностью практики: сейчас и здесь, а не в отдаленной перспективе [Петров, 1995]. То есть речь здесь, на наш взгляд, идет о разумном преломлении рационального мышления, поведения и действия «человека виртуального» к условиям и контенту новой сетевой реальности в границах виртуальной свободы.

Обосновывая такую необходимость, мы руководствуемся строгим пониманием того, что, во-первых, любое рациональное знание и культурное творчество должны генери-

роваться и употребляться, в первую очередь, во благо человека и, во-вторых, являться продуктом не только познавательного, но, что крайне важно, ценностного отношения к действительности, активно организующейся по новым правилам глобальной сетевой коммуникаций.

Список литературы

1. Дунаев Р.А. 2009. Антропологическое измерение виртуальной реальности. Научные Ведомости Белгородского государственного университета. Философия Социология Право, 8 (63): 141–148.
2. Ефимов Е.Г. 2015. Социальные интернет-сети (методология и практика исследования). Волгоград, Волгоградское научное издательство, 168 с.
3. Игнатов М.А. 2018. Понятие «сеть» в современной науке и философии. Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право, 43(3): 408–413. DOI 10.18413/2075-4566-2018-43-3-408-413
4. Конопатов С.Н., Старожук Е. А., Румянцев С. Н., 2019. Развитие образования: кросс-парадигмальный подход. Открытое и дистанционное образование, 1(73): 13–21. DOI: 10.17223/16095944/73/2
5. Никонова И.А. 2012. Проектный анализ и проектное финансирование. М., Альпина Паблшер, 154 с.
6. Петров М.К. 1995. Искусство и наука. Пираты Эгейского моря и личность. М., Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 140 с.
7. Савотченко С.Е., Дунаев Р.А., Перепелкин И.Н. 2019. Критерии использования социальных сетей в образовательной деятельности. Открытое и дистанционное образование, 1 (73): 53–60. DOI: 10.17223/16095944/73/7
8. Чванова М. С., Киселева И. А., 2017. Проблемы дистанционного обучения в сети интернет. Вестник тамбовского университета. Серия: естественные и технические науки, 22 (5-2): 1200–1203. DOI: 10.20310/1810-0198-2017-22-5-1200-1203
9. Шамардин Н.Н. 2016. Общество «знаний»: философско-методологический и науковедческий анализ. Дис. ... канд. филос. н. Белгород, 160 с.
10. Шенцева Е.А. 2012. Сетевой подход в контексте философского дискурса. Вопросы философии, 8: 42–49.
11. Kuznetsov A., Zhikharev A., Kurganskaya O., Kuznetsova A. 2019. Characteristic features of relationships between intelligence and imagination in the synthesis of conceptualized forms of knowledge. SHS Web of Conferences 72 (01020). URL: https://doi.org/10.1051/shsconf/201972010_20

References

1. Dunaev R.A. 2009. Anthropological dimension of virtual reality. Belgorod State University Scientific bulletin. Philosophy Sociology Law, 8 (63): 141–148 (in Russian).
2. Efimov E.G. 2015. Social`ny`e internet-seti (metodologiya i praktika issledovaniya) [Social internet networks (research methodology and practice)]. Volgograd, Publ. Volgogradskoe nauchnoe izdatel'stvo, 168 p.
3. Ignatov M.A. 2018. The concept of «network» in modern science and philosophy. Belgorod State University Scientific bulletin. Philosophy Sociology Law, 43(3): 408–413 (in Russian). DOI 10.18413/2075-4566-2018-43-3-408-413
4. Konopatov S.N., Starozhuk E.A., Rumyantsev S.N., 2019. Education development: cross-paradigmatic approach. Open and distance education, 1(73): 13–21 (in Russian). DOI: 10.17223/16095944/73/2
5. Nikonova I.A. 2012. Proektny`j analiz i proektnoe finansirovanie [Project analysis and project financing]. Moscow, Publ. Al`pina Pablisher, 154 p.
7. Petrov M. K., 1995. Iskusstvo i nauka. Piraty` E`gejskogo morya i lichnost` [Art and science. Pirates of the Aegean and personality.]. Moscow, Publ. Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 140 p.

8. Savotchenko S.E., Dunayev R.A., Perepelkin I.N. 2019. Criteria for the use of social networks in educational activity. *Open and distance education*, 1 (73): 53–60 (in Russian). DOI: 10.17223/16095944/73/7

8. Chvanova M. S., Kiseleva I. A., 2017. Problems of distance learning on the Internet. *Tambov University REPORTS. Series: Natural and Technical Sciences*, 22 (5-2): 1200–1203 (in Russian). DOI: 10.20310/1810-0198-2017-22-5-1200-1203

9. Shamardin N.N., 2016. *Obshchestvo «znanij»: filosofsko-metodologicheskij i naukovedcheskij analiz* [Society of "knowledge": philosophical, methodological and scientific analysis]. Dissertation of the Candidate of Philosophical Sciences. Belgorod, 160 p.

10. Shenceva E.A., 2012. *Setevoy podhod v kontekste filosofskogo diskursa* [A network approach in the context of philosophical discourse]. *Voprosy filosofii*, 8: 42–49.

11. Kuznetsov A., Zhikharev A., Kurganskaya O., Kuznetsova A. 2019. Characteristic features of relationships between intelligence and imagination in the synthesis of conceptualized forms of knowledge. *SHS Web of Conferences* 72 (01020). URL: <https://doi.org/10.1051/shsconf/20197201020>

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Дунаев Роман Алексеевич, доцент кафедры библиотечно-информационной деятельности Белгородского государственного института искусств и культуры, г. Белгород, Россия

Кузнецов Андрей Владимирович, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и теологии Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Roman A. Dunaev, associate Professor of the Department of library and information activities, Belgorod state Institute of Arts and Culture, Belgorod, Russia

Andrey V. Kuznetsov, associate Professor of the Department of Philosophy and Theology at the Institute of Social Sciences and Mass Communications of Belgorod Research University, Belgorod, Russia

УДК 316.4

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-4-668-678

Политическая активность региональной молодежи

¹Хашаева С.В., ¹Ковальчук О.В., ²Дагаев Р.Р.

¹Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

E-mail: hashaeva@bsu.edu.ru; kovalchuk@bsu.edu.ru

²Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова,
Россия, Чеченская Республика, 364037, г. Грозный, ул. Субры Кишиевой, 33

E-mail: rash-chelsea@mail.ru

Аннотация. Молодежь как социально-демографическая группа является важным общественным ресурсом, она в скором будущем будет определять механизмы управления обществом, развивать и направлять как внутреннюю, так и внешнюю политику государства. Но эксперты отмечают низкий уровень доверия молодежи к государственным институтам, а также низкий уровень вовлеченности молодежи в политическую жизнь. Знание уровня готовности региональной молодежи к участию в политике, выявление факторов и условий низкой политической активности молодых людей в регионе необходимо для разработки региональной стратегии повышения политической активности молодежи. Именно это и определило проведение авторами прикладного социологического исследования путем анкетирования, в котором приняли участие 514 человек. В результате исследования было выявлено, что молодежь не относит политику к приоритетам своих интересов, интерес к политике носит скорее ситуационный характер, нежели постоянный, хотя молодые люди зачастую готовы заявить о своих интересах, так как обладают высоким уровнем профессиональной и личностной культурой. К важным факторам и условиям низкой политической активности молодых можно отнести низкий уровень доверия к политическим элитам, при этом высок уровень готовности к участию в политической жизни региона. Это необходимо учитывать при разработке региональных программ повышения политической активности молодежи.

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31728 «Политическое мышление молодежи в российском пространстве политического выбора и самоидентификации».

Ключевые слова: молодежь, региональная молодежь, политика, социальная активность, политическая активность, политическая активность молодежи.

Для цитирования: Дагаев Р.Р., Хашаева С.В., Ковальчук О.В. 2021. Политическая активность региональной молодежи. NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право, 44(1): 668–678. DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-4-668-678

Political Activity of Regional Youth

¹Svetlana V. Hashaeva, ¹Olga V. Kovalchuk, ²Rashid R. Dagaev

¹Belgorod National Research University,

85 Pobeda St, Belgorod 308015, Russian Federation

E-mail: hashaeva@bsu.edu.ru; kovalchuk@bsu.edu.ru

²A.A. Kadyrov Chechen State University,

33 Subry Kishieva St, Grozny 364037, Chechen Republic, Russian Federation

Abstract: Youth as a socio-demographic group is an important public resource. Today's youth in the near future will determine the mechanisms of governance of society, develop and direct both domestic and

foreign policy of the state. But experts note the low level of trust of young people in state institutions, as well as the low level of involvement of young people in political life. One of the important tasks of the state youth policy of the country is to increase the level of political activity of young people by regional authorities. Therefore, the problem of low political activity of regional youth remains relevant today. Knowledge of the level of readiness of regional youth to participate in politics, identification of factors and conditions of low political activity of young people in the region is necessary to develop a regional strategy to increase the political activity of young people. This is what determined the authors of the applied sociological research by means of a questionnaire, in which 514 people took part. As a result of the study, it was revealed that young people do not attribute politics to the priorities of their interests, interest in politics is more situational than permanent, although young people are often ready to declare their interests, since they have a high level of professional and personal culture. The important factors and conditions of low political activity of young people include a low level of trust in political elites, while the level of readiness to participate in the political life of the region is high. This should be taken into account when developing a regional programs to increase the political activity of young people.

Acknowledgements: the research was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research and the EISS within the framework of the scientific project No. 21-011-31728 "Political thinking of young people in the Russian space of political choice and self-identification".

Keywords: healthy lifestyle, health-saving behavior, self-preserving behavior, formation of health-saving behavior, student youth.

For citation: Dagaev R.R., Hashaeva S.V., Kovalchuk O.V. 2021. Political Activity of Regional Youth. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 46(3): 668–678 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-4-668-678

Введение

В нашей стране численность молодежи (возрасте от 14 до 35 лет) достигла в 2020 году 39,1 миллиона человек, что составляет около 27 % от общей численности населения¹. Подобные цифры позволяют считать данную социально-демографическую группу важнейшим общественным ресурсом. В ближайшем будущем сегодняшние молодые люди будут определять механизмы управления обществом, развивать и направлять как внутреннюю, так и внешнюю политику государства. Поэтому необходимо их включение в политическую жизнь страны.

Молодежь, в силу своих социально-психологических особенностей, достаточно остро реагирует на трудности, переломные моменты, отвечая на них различными формами социальной активности. К примеру, по данным ВЦИОМ, количество граждан, вовлеченных в волонтерскую деятельность, увеличилось в два раза – с 20 % в 2019 году до 40 % в 2021 году, при этом чаще других принимали участие в волонтерской и благотворительной деятельности именно молодые люди². Заметим, что исследователи отмечают курс молодежи на социально-одобряемые, комплиментарные социальные активности, которые способствуют формированию конкурентоспособности молодежи в профессиональной сфере [Вартумян, 2012; Григоренко, 2013; Барсегян, 2014]. Иными словами, мы видим рост социально ориентированной активности молодежи.

Различные исследования отмечают высокий потенциал молодежной политической активности [Беликова, 2014; Делейчук и др., 2016; Захарова, 2016; Инякин, 2020], при этом достаточная часть молодых людей демонстрируют пассивную политическую позицию: не участвуют в выборах, не следят или следят без интереса за политическими собы-

¹ «Российская газета» от 12.08.2021. URL: <https://rg.ru/2021/08/12/chislennost-molodezhi-v-rossii-dostigla-391-mln-chelovek.html> (дата обращения: 6 декабря 2021 г.).

² См. данные ВЦИОМ от 13.05.2021. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheski-obzor/strana-neravnodushnykh> (дата обращения: 6 декабря 2021 г.).

тиями в стране, регионе или населенном пункте. Это следует из анализа результатов исследования «Российское "поколение Z": установки и ценности», проведенного немецким фондом им. Фридриха Эберта совместно с «Левада-центром». Более 80 % молодых людей в возрасте от 14 до 29 лет не интересуется политикой, по-настоящему интересна политика лишь 19 % молодежи. Эксперты также отмечают низкий уровень доверия молодежи к государственным институтам, который связан с недостаточной вовлеченностью молодежи в политическую жизнь и очень низким уровнем ее готовности участвовать в политике. Не готовы участвовать в политической деятельности две трети молодых людей, лишь 7 % говорят, что с удовольствием сделали бы это в будущем, и только 1 % участвуют в политике сейчас. Самые популярные способы политической активности – подписание онлайн-петиций (22 %) и волонтерство (23 %) ¹. Зарубежные исследования также отмечают высокий уровень недоверия молодежи к политическим институтам и государству, выражая свое отношение участием в протестных акциях [Von Bülow, Vilaça, Abelin, 2019; Percy-Smith, McMahon, Thomas, 2019; Winter, 2019; Wray-Lake, 2019].

Основную долю информации молодые люди сегодня получают в Интернете. Исследователи отмечают, что процесс цифровизации и наличие широких возможностей Интернета как альтернативной площадки для коммуникации способствует сегодня виртуализации политической активности молодых людей. На сегодняшний день Интернет является одной из мощных площадок для проявления политического самовыражения молодежи, причем не всегда социально-одобряемого, а зачастую имеющего деструктивную направленность. И это тоже негативно отражается на политической активности молодежи, поскольку растет изолированность индивидов друг от друга, ослабляются коллективные действия, размываются социальные контакты [Иванова, Малик, 2019; Руденкин, 2019; Руденкин, Руденкина, 2019; Чирун и др., 2018; Literat, Kligler-Vilenchik, 2019].

Поскольку именно молодежь является потенциально интеллектуальным и духовным элитным слоем будущего общества, определяя своей деятельностью ценностные ориентации и жизненную позицию [Аршинова и др., 2019], то политическую активность молодых людей необходимо повышать, и делать это в социально приемлемом русле путем реализации государственной молодежной политики. Цели и задачи российской государственной молодежной политики на современном этапе посвящены в том числе формированию гражданских качеств у молодого поколения, участию молодежи в различных видах деятельности политических партий, политических мероприятиях, различных молодежных политических движениях, в социальной деятельности, направленной на благо Родины ². Помимо этого, в конце прошлого года был принят Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации». В данном нормативном акте молодежное участие в политической жизни общества определено одной из важнейших целей молодежной политики, при этом акцент сделан на необходимости усилить действия властей регионов страны по увеличению уровня политической активности молодежи. Примерами могут служить реализуемые региональные и местные практики непосредственного привлечения молодых граждан к участию в выборах в качестве кандидатов на выборные должности, молодежные парламенты и правительства. Однако цифры, приведенные выше, говорят о недостаточности такой работы.

Поэтому проблематика низкой политической активности региональной молодежи остается сегодня актуальной. Знание уровня готовности региональной молодежи к участию в политике, выявление факторов и условий низкой политической активности моло-

¹ Данные исследования доступны по ссылке: <https://library.fes.de/pdf-files/bueros/moskau/16135.pdf> (дата обращения 05 декабря 2021).

² Молодежь России 2000-2025: развитие человеческого капитала (2013). URL: <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1636624648&tld=ru&lang=ru&name=doklad-rosmolodezhi-2013.pdf> (дата обращения: 11 ноября 2021 г.).

дых людей в регионе необходимо для разработки региональной стратегии повышения политической активности молодежи. Именно это и определило проведение авторами прикладного социологического исследования.

Объекты и методы исследования

Выборочная совокупность составила 514 человек (молодежь г. Белгорода, а также муниципальных образований Белгородской области). Возраст опрашиваемых составил: 18–23 лет – 51,1 %, 24–28 лет – 24,4 %, 29–35 лет – 24,4 %. Из них 41 % – юноши, 59 % – девушки. 73 % составила учащаяся молодежь (студенты вузов и ссузов региона), 27 % – работающие молодые люди. Распределение ответов по уровню образования молодежи происходило следующим образом: незаконченное высшее (35 %), высшее (28,3 %), среднее специальное (23,3 %), среднее (5 %), незаконченное среднее (5 %) и несколько высших (3,3 %).

В исследовании были использованы следующие методы: генерализация материалов статистических источников, научной, публицистической литературы по вопросам, поставленным в исследовании; метод анкетного опроса; компьютерная обработка социологической информации при помощи пакета программ SPSS; компаративный анализ.

Результаты и их обсуждение

В Белгородской области политическая активность молодежи носит, по нашему мнению, стихийный характер, прежде всего потому, что процесс вовлечения молодежи в политическую сферу не является системным. К примеру, в регионе существует общественно-консультативный орган при Управлении молодежной политики Белгородской области – Молодежное правительство Белгородской области. Приоритетным направлением его деятельности является вовлечение молодежи в процесс социально-экономического и общественно-политического развития региона. Решения Молодежного правительства не имеют прямую юридическую силу, и, хотя органы власти стараются поддерживать и внедрять их инициативы, этот орган можно рассматривать как «кадровый лифт» для наиболее активных, талантливых и целеустремленных молодых людей, самые активные из которых могут быть трудоустроены на государственную и муниципальную службу. Однако численность молодежного парламента региона составляет ничтожную долю от порядка 240 тысяч молодых людей в возрасте от 15 до 30 лет, проживающих в Белгородском регионе ¹.

Безусловно, основанием для политической активности молодежи является, прежде всего, интерес молодежи к тем политическим событиям, которые происходят в стране и регионе. Политическая активность начинается с уровня заинтересованности индивида политическими событиями. Важно определить, имеет ли респондент политический интерес, и если имеет, то к чему именно и из каких источников он черпает информацию. Также необходимо выяснить, перерастает ли этот интерес в поведенческий аспект, который характеризует политическое участие и политическую активность, или все же молодежь предпочитает оставаться неактивными наблюдателями за политическими событиями.

Ответы на вопрос «Интересуетесь ли Вы политикой?» позволяет определить уровень интереса молодежи к политической жизни. Как видно из результатов, половина опрошенных (50 %) изредка интересуется политикой. Треть респондентов 31,7% проявляет интерес к деятельности государственной власти, 18,3 % молодых людей не интересуются политикой вовсе (рис. 1).

¹ Согласно данным Белгородстата на 2021 год. URL: https://bel.gks.ru/storage/media-bank/IDnkPxLg/0107_2021.pdf.

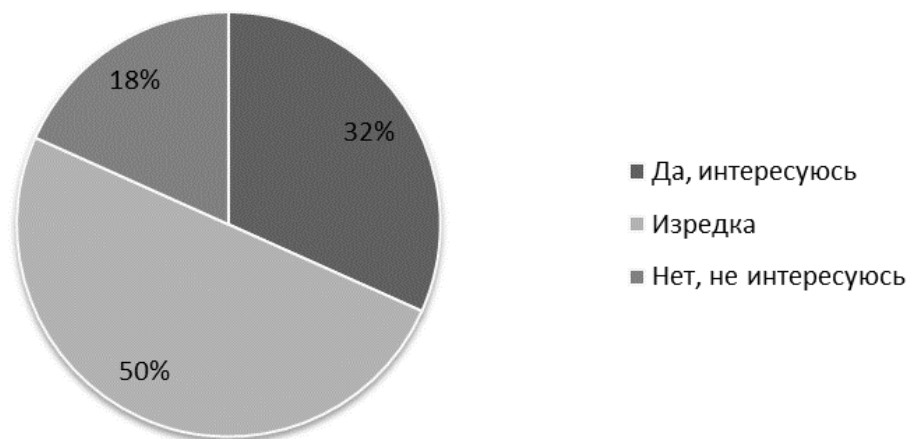

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Интересуетесь ли Вы политикой?»
Fig. 1. Distribution of answers to the question: "Are you interested in politics?"

Такие данные могут говорить о том, что для молодежи политическая сфера деятельности не является главной. В силу возраста и социального статуса, по нашему мнению, в приоритете у молодых людей иные интересы, такие как учеба, работа, семья.

Ответы на вопрос «Принимаете ли Вы участие в политической жизни страны?» могут помочь определить уровень политической активности молодежи. Исходя из полученных данных, можно увидеть, что мнения респондентов разделились почти поровну: 51,7 % молодежи принимает активное политическое участие, чуть меньше половины респондентов – 48,3 % – не принимают никакого участия в политической жизни страны. Оценивая ситуацию в целом, считаем, что для значительной части молодых людей не важна судьба страны, в которой они проживают, поскольку они никак не проявляют личное политическое участие. Далее респондентам необходимо было указать, в каких политических мероприятиях они участвовали. Полученные результаты, которые представлены на рисунке 2, позволяют сделать вывод о высоком уровне электоральной активности молодежи (наиболее популярным ответам среди респондентов являются выборы – 88,6 %). 31,4 % молодых людей сказали, что участвовали в митингах или демонстрациях, еще 22,9 % – в конференциях и 17,1 % – в собраниях и партийных съездах. Таким образом, можно сделать вывод, что наиболее активно молодежь принимает участие в выборах. Эта вовлеченность связана, скорее всего, с тем, что молодые люди осознают важность своего голоса на выборах.

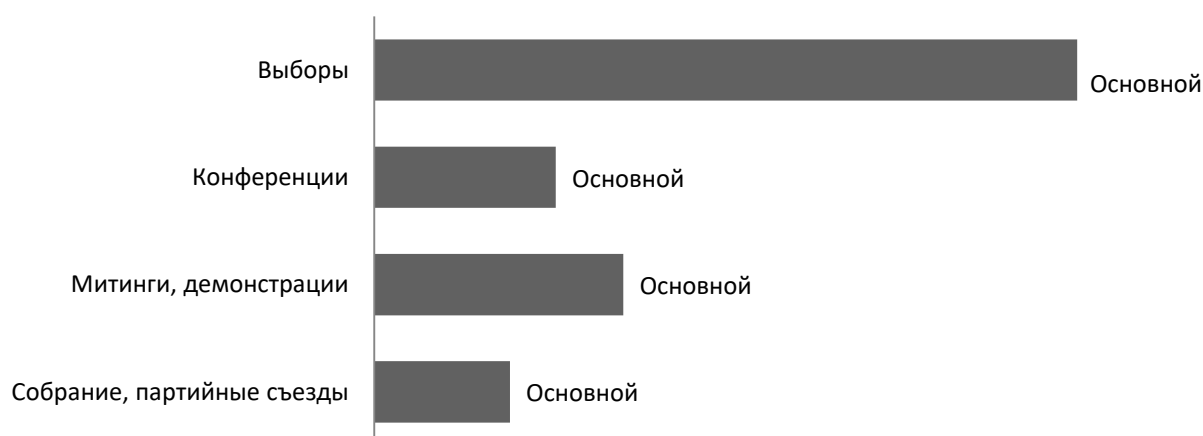

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос:
«Назовите мероприятия, в которых Вы принимали участие»
Fig. 2. Distribution of answers to the question: "Name the events in which you have participated"

Если говорить о принадлежности молодежи к партиям, молодежным движениям, блоками и/или политическим организациям, более половины опрошенных (71,7 %) не участвуют ни в каких политических движениях, 28,3 % респондентов состоят в политических партиях, движениях и организациях, т.е. примерно треть белгородской молодежи обладает политической самоидентификацией. На выявление политической солидарности белгородской молодежи и ее самоидентификации в политической жизни страны был направлен вопрос «Поддерживаете ли Вы какую-либо политическую партию?». Ответы разделились следующим образом: более половины опрошенных (58,3 %) не поддерживают никакую политическую партию; 26,7 % импонируют взгляды той или иной политической партии, 15 % респондентов затруднились ответить на вопрос. Иными словами, треть молодежи самоидентифицирует себя с определенной политической партией.

Те респонденты, которые не поддерживают ни одну из политических партий (а это чуть больше половины опрошенных), в качестве причин указали следующие (рис. 3).

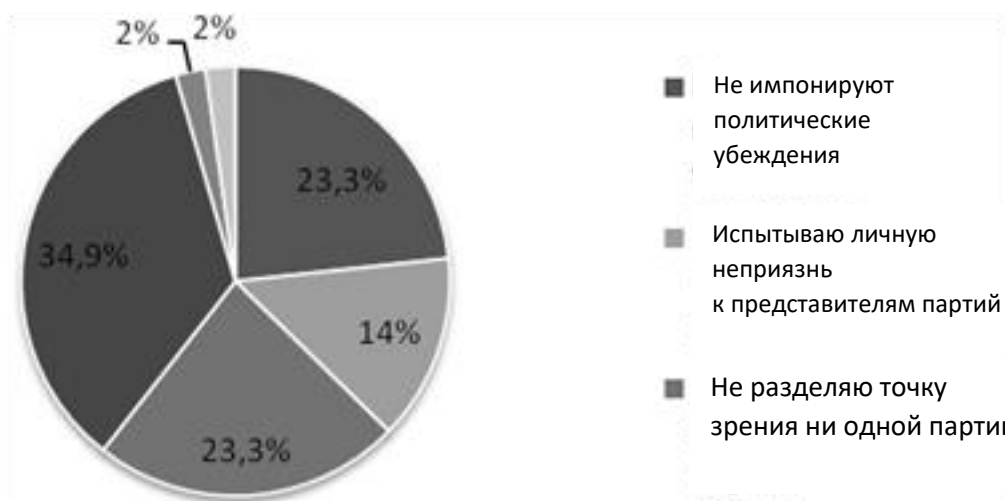

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос: «Если не поддерживаете ни одну партию, то почему?»

Fig. 3. Distribution of answers to the question: "If you don't support any party, then why?"

По нашему мнению, низкое доверие к государственным институтам власти (частью которых являются в том числе и политические партии) связано с небольшим уровнем вовлеченности молодежи в политическую жизнь и ее неуверенностью в том, что она может что-то изменить своим выбором.

С помощью вопроса «Если бы у Вас была возможность быть избранным в органы власти для решения конкретных проблем, воспользовались бы Вы ей?» удалось выявить уровень активности молодежи и ее политического участия: 53,3 % респондентов воспользовались бы данным предложением, 35 % отказались и 11,7 % затруднились ответить на данный вопрос (рис. 4). Таким образом, можно сделать вывод о том, что белгородская молодежь готова участвовать в политических процессах страны. Считаем, что данную готовность молодежи необходимо использовать представителям государственной власти, привлекая большее число молодых людей к участию в политической жизни региона.

Интересно было также узнать, какую роль, по мнению респондентов, играет в политической жизни России молодежь. Критерием в данном случае выступает личная политическая оценка молодежи своего места в политических процессах. Были получены следующие результаты: 43,3 % показывает свою политическую позицию, участвуя в митингах и акциях протеста, 38,3 % служит в вооруженных силах РФ, 36,7 % участвует в государственных молодежных объединениях и организациях, 35 % оказывает влияние на проведение государственной молодежной политики, 33,3 % влияет на политику через различ-

ные общественные организации, политические партии, 21,7 % считает, что не оказывает серьезного влияния на политическую жизнь страны, 20 % принимает активное участие в голосовании на выборах, 16,7 % участвует в столкновениях и беспорядках со своими сверстниками, 15 % работает в органах государственной власти и местного самоуправления (рис. 5).

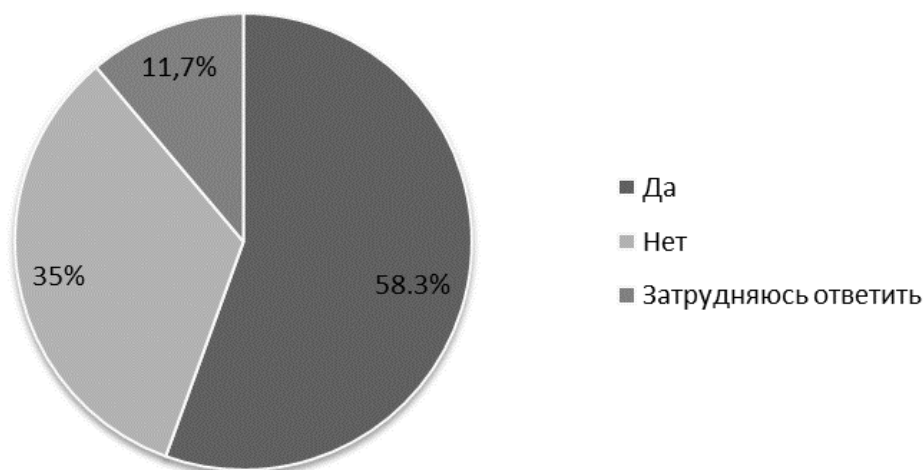

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос: «Если бы у Вас была возможность быть избранным в органы власти для решения конкретных проблем, воспользовались бы Вы ей?»
 Fig. 4. Distribution of answers to the question: "If you had the opportunity to be elected to the authorities to solve specific problems, would you use it?"

Рис. 5. Роль молодежи в политической жизни России
 Fig. 5. The role of youth in the political life of Russia

Таким образом, можно увидеть, что у молодежи достаточно широкие возможности для участия в различных формах политической деятельности, которые носят как конструктивный, так и деструктивный характер.

Один из вопросов анкеты был нацелен на выявление молодежных групп, которые наиболее активно принимают участие в политических движениях. Исходя из полученных результатов, можно заметить, что больше половины опрошенных (56,7 %) убеждены в наибольшем активе студентов среди всей молодежи. Все остальные варианты ответа были менее популярными (рис. 6). Как можно увидеть из полученных результатов, самой активной группой среди белгородской молодежи являются студенты. По нашему мнению, это неслучайно, поскольку вузы и ссузы играют сегодня доминирующую роль в политической социализации молодежи, вовлекая студентов в самоуправление и социально-воспитательную работу.

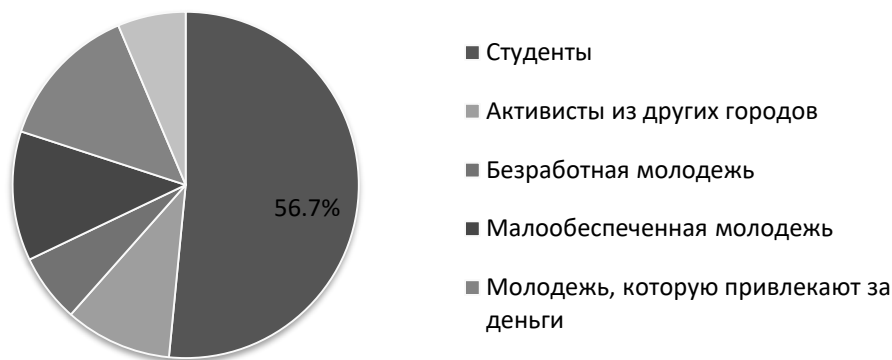

Рис. 6. Распределение ответов на вопрос:

«Какая из групп молодежи принимает наиболее активное участие?»

Fig. 6. Distribution of answers to the question: "Which of the youth groups is taking the most active part?"

Важным фактором для развития и формирования политической активности является наличие у молодежи чувства патриотизма. Большая часть респондентов (75 %) отмечают любовь к России, однако при этом лишь 41,7 % опрошенных считают себя патриотами. Эти данные коррелируются с желанием большого числа молодых людей уехать в другую страну на постоянное место жительства (36,7 %).

Такие данные можно считать двоякими: с одной стороны, эта достаточно большая доля молодежи, с которой еще можно работать в плане патриотического воспитания и включить их в ряды тех, кто видит себя в будущем страны; а с другой стороны – это риск потерять большое число молодых людей, причем как физически (отъезд из страны), так и ментально (трудно вкладываться в развитие своей страны, даже живя в России, при этом не считая себе патриотом). Что также говорит о насущной необходимости усилить государственную работу по формированию политического самосознания молодежи и, конечно, по развитию политической активности. Данные выводы подтверждают ответы на вопрос «Как Вы оцениваете деятельность следующих лиц и организаций?», который был направлен на выявление отношения молодежи к работе государственных структур и общественных организаций. В целом молодые люди положительно оценили работу национально-культурных объединений, общественных организаций, представителей бизнеса, руководителей органов местного самоуправления, вооруженных сил (рис. 7).

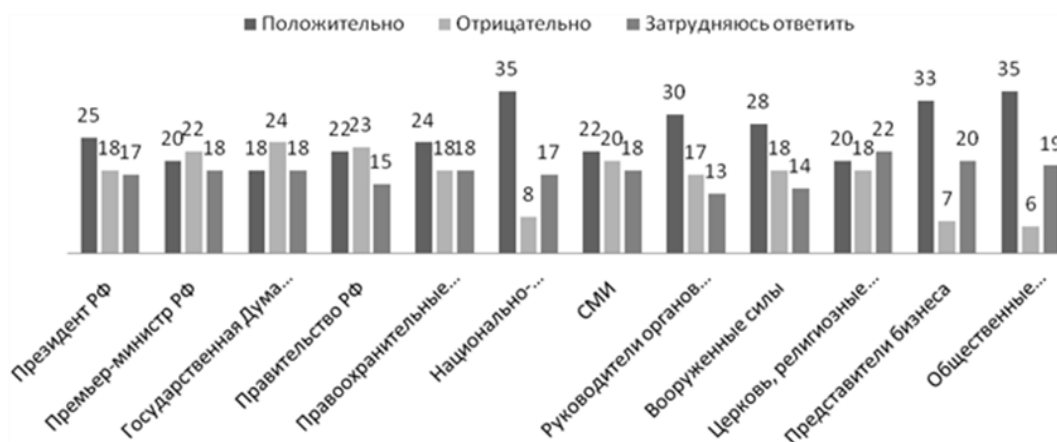

Рис. 7. Распределение ответов на вопрос:

«Как Вы оцениваете деятельность следующих лиц и организаций?»

Fig. 7. Distribution of answers to the question: «How do you assess the activities of the following individuals and organizations?»

Выводы

1. Необходимо отметить достаточно низкий уровень политической активности молодежи, приблизительно половина молодых людей не интересуются политикой. Из интересующихся политическими событиями наиболее активной категорией молодежи оказались студенты, что говорит о высокой включенности вузов в политические процессы страны. Самым популярным видом проявления политического участия молодежи являются выборы. Активность в основном и проявляется в участии в выборах, а также в выражении своего отношения к тем или иным политическим событиям посредством Интернета (комментарии к постам, лайки в соцсетях и т.п.).

2. Отмечается высокий уровень недоверия политическим партиям, при этом у молодежи есть желание проявить свою активность, участвуя в работе органов власти. Здесь значимыми факторами для молодежи выступают материальное стимулирование, создание комфортных условий, следование положительному примеру.

3. Примерно половина молодежи еще не определилась с политическими взглядами, что указывает на необходимость усиления государственной работы по формированию политического самосознания молодежи и, конечно, по развитию политической активности. Причем эта работа должна осуществляться на всех уровнях общества: в рамках деятельности национально-культурных объединений, различных общественных организаций, путем привлечения представителей бизнеса, руководителей органов местного самоуправления, участием вооруженных сил, поскольку большинство молодых людей достаточно лояльно к ним расположены.

Можно говорить о том, в настоящее время практически отсутствует планомерная работа региональных органов власти, направленная на выявление политического потенциала у молодых людей. К важным факторам и условиям низкой политической активности молодых можно отнести высокий уровень недоверия к политическим элитам, низкий уровень политического самосознания. Это необходимо учитывать при разработке региональных программ повышения политической активности молодежи.

Список литературы

1. Аршинова Е.В., Билан М.А. Горбатова М.М., Рассохина И.Ю. 2019. Ценностные аспекты электорального поведения студенческой молодежи. Профессиональное образование в России и за рубежом, 1 (33). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsennostnye-aspekty-elektoralnogo-povedeniya-studencheskoj-molodezhi> (дата обращения: 14 июня 2021).
2. Барсегян В.М. 2014. Формы и факторы политической активности молодежи: классические концепции и современные исследования. Гуманитарные и социально-экономические науки, 4: 116–121.
3. Беликова Е.А. 2014. Политическое участие молодежи: анализ проблем политической активности. Среднерусский вестник общественных наук, 1 (31): 111–119.
4. Вартумян А.А. 2012. Традиции в политической модернизации: концептуальные подходы, методологические основания. Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета, 1: 410–414.
5. Григоренко Б.Ю. 2013. Социально-политическая активность молодежи в современных условиях. Знание. Понимание. Умение, 2: 12–16.
6. Делейчук Л.Э., Фардзинова З.А. 2016. Участие современной молодежи в политической жизни. Современные научные исследования и инновации, 1: 87–92.
7. Захарова Е.М. 2016. Политическая активность российской молодежи. Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук, 6: 127–131.
8. Иванова К.А., Малик Е.Н. 2018. Средства массовой информации в процессе трансформации культуры и политического участия молодежи. Среднерусский вестник общественных наук, 13 (1). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sredstva-massovoy-informatsii-v-protsesse-transformatsii-kultury-i-politicheskogo-uchastiya-molodezhi> (дата обращения: 8 июня 2021).

9. Инякин В.В. 2020. Политическая активность молодежи в современной России. Молодой ученый, 23 (313): 515–517.
10. Руденкин Д.В. 2019. Перспективы использования интернета для работы с общественным мнением молодежи: социологический анализ. Возможности и угрозы цифрового общества: сборник научных статей. Ярославль, 126–132.
11. Руденкин Д.В., Руденкина А.И. 2019. Интернет как инструмент коммуникации российской молодежи: тренды и риски. Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий: материалы V Междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 153–159.
12. Чирун С.Н., Николаев А.В., Зайцева В.А. 2018. Политические технологии в сетевой реальности постмодерна. Власть, 3: 7–13.
13. Von Bülow M., Vilaça L., Abelin P.H. 2019. Varieties of digital activist practices: students and mobilization in Chile. Information Communication and Society. 22 (12): 1770–1788.
14. Literat I., Kligler-Vilenchik N. 2019. Youth collective political expression on social media: The role of affordances and memetic dimensions for voicing political views. New Media and Society. 21(9): 1988–2009.
15. Percy-Smith B., McMahon G., Thomas N. 2019. Recognition, inclusion and democracy: learning from action research with young people. Educational Action Research, 27 (3): 347–361.
16. Winter F. 2019. Doing Politics Differently: Middle-Class Youth and Politics in Contemporary Lima. Latin American Perspectives, 46 (5): 73–89.
17. Wray-Lake L. 2019. How Do Young People Become Politically Engaged? Child Development Perspectives, 13 (2): 127–132.

References

1. Arshinova E.V., Bilan M.A. Gorbatoва M.M., Rassohina I.Ju. 2019. Cennostnye aspekty jelektoral'nogo povedeniya studencheskoj molodezhi [Value aspects of electoral behavior of students]. Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom, 1 (33). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsennostnye-aspekty-elektoralnogo-povedeniya-studencheskoj-molodezhi> (accessed: June 14, 2021).
2. Barsegjan V.M. 2014. Formy i faktory politicheskoy aktivnosti molodezhi: klassicheskie koncepcii i sovremennye issledovaniya [Forms and factors of youth Political activity: Classical concepts and modern research]. Gumanitarnye i social'no-jekonomicheskie nauki, 4: 116–121.
3. Belikova E.A. 2014. Politicheskoe uchastie molodezhi: analiz problem politicheskoy aktivnosti [Political participation of youth: analysis of the problems of political activity]. Srednerusskij vestnik obshhestvennyh nauk, 1 (31): 111–119.
4. Vartumjan A.A. 2012. Tradicii v politicheskoy modernizacii: konceptual'nye podhody, metodologicheskie osnovaniya [Traditions in political modernization: conceptual approaches, methodological foundations]. Vestnik Pjatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta, 1: 410–414.
5. Grigorenko B.Ju. 2013. Social'no-politicheskaja aktivnost' molodezhi v sovremennyh uslovijah [Socio-political activity of young people in modern conditions]. Znanie. Ponimanie. Umenie, 2: 12–16.
6. Delejchuk L.Je., Fardzinova Z.A. 2016. Uchastie sovremennoj molodezhi v politicheskoy zhizni [Participation of modern youth in political life]. Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovacii, 1: 87–92.
7. Zaharova E.M. 2016. Politicheskaja aktivnost' rossijskoj molodezhi [Political activity of Russian youth]. Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk, 6: 127–131.
8. Ivanova K.A., Malik E.N. 2018. Sredstva massovoj informacii v processe transformacii kul'tury i politicheskogo uchastija molodezhi [Mass media in the process of transformation of culture and political participation of young people]. Srednerusskij vestnik obshhestvennyh nauk, 13 (1). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sredstva-massovoy-informatsii-v-protseste-transformatsii-kul'tury-i-politicheskogo-uchastiya-molodezhi> (accessed: June 8, 2021).
9. Injakin V.V. 2020. Politicheskaja aktivnost' molodezhi v sovremennoj Rossii [Political activity of youth in modern Russia]. Molodoj uchenyj, 23 (313): 515–517.
10. Rudenkin D.V. 2019. Perspektivy ispol'zovaniya interneta dlja raboty s obshhestvennym mneniem molodezhi: sociologicheskij analiz [Prospects of using the Internet to work with the public

opinion of young people: a sociological analysis]. *Vozmozhnosti i ugrozy cifrovogo obshhestva: sbornik nauchnyh statej. Jaroslavl'*, 126–132.

11. Rudenkin D.V., Rudenkina A.I. 2019. Internet kak instrument kommunikacii rossijskoj molodezhi: trendy i riski [The Internet as a communication tool for Russian youth: trends and risks.]. *Strategii razvitiya social'nyh obshhnostej, institutov i territorij: materialy V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Ekaterinburg*, 153–159.

12. Chirun S.N., Nikolaev A.V., Zajceva V.A. 2018. Politicheskie tehnologii v setevoj real'nosti postmoderna [Political technologies in the postmodern network reality]. *Vlast'*, 3: 7–13.

13. Von Bülow M., Vilaça L., Abelin P.H. 2019. Varieties of digital activist practices: students and mobilization in Chile. *Information Communication and Society*. 22 (12): 1770–1788.

14. Literat I., Kligler-Vilenchik N. 2019. Youth collective political expression on social media: The role of affordances and memetic dimensions for voicing political views. *New Media and Society*. 21(9): 1988–2009.

15. Percy-Smith B., McMahon G., Thomas N. 2019. Recognition, inclusion and democracy: learning from action research with young people. *Educational Action Research*, 27 (3): P. 347-361.

16. Winter F. 2019. Doing Politics Differently: Middle-Class Youth and Politics in Contemporary Lima. *Latin American Perspectives*, 46 (5): 73–89.

14. Wray-Lake L. 2019. How Do Young People Become Politically Engaged? *Child Development Perspectives*, 13 (2): 127–132.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Хашаева Светлана Владимировна, доцент кафедры социологии и организации работы с молодежью Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия.

Ковальчук Ольга Викторовна, доцент кафедры социологии и организации работы с молодежью Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

Дагаев Рашид Рамазанович, старший преподаватель кафедры теории и технологии социальной работы Чеченского государственного университета им. А. А. Кадырова, г. Грозный, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Svetlana V. Hashaeva, associate professor of the department of sociology and organization of work with youth of the Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

Olga V. Kovalchuk, associate professor of the department of sociology and organization of work with youth of the Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

Rashid R. Dagaev, senior lecturer departments of theory and technology of social work A.A. Kadyrov Chechen State University, Grozny, Russia

УДК 130:2

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-4-679-688

Свобода и автономия личности: к вопросу о частном пространстве

Чеснокова Л.В.

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского,
Россия, 644077, г. Омск, пр. Мира 55а
E-mail: L. Tchesnokova@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены свобода и автономия личности в связи с правом на частное пространство, возникшее в европейских обществах Нового времени. Условием существования частности является наличие автономного индивида и общества, признающего за ним право на физическую и психологическую неприкосновенность. Возможность принимать автономные решения противоречит установкам патернализма, согласно которым можно вмешиваться в решения индивида ради его блага. Забота об индивиде по-разному оценивается в различных культурных контекстах. В обществах, где в качестве приоритета выступает уважение к свободе и неприкосновенности личности, она может восприниматься как вмешательство в частную сферу человека и унижение его достоинства. Предпочтительным в публичной сфере является соблюдение социальной дистанции, что дает индивиду возможность самостоятельно делать выбор и нести за него ответственность.

Ключевые слова: частность, публичность, автономия, патернализм, забота, социальная дистанция.

Для цитирования: Чеснокова Л.В. 2021. Свобода и автономия личности: к вопросу о частном пространстве. НОМОТНЕТІКА: Філасофія. Соцыялогія. Права, 46(4): 679–688. DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-4-679-688

Liberty and Individual Autonomy: To the Question of Private Space

Lesya V. Chesnokova

Dostoevsky Omsk State University,
55a Mira pr., Omsk 644077, Russia
E-mail: L. Tchesnokova@mail.ru

Abstract. The article examines freedom and autonomy of the individual in connection with the right to private space, which arose in European societies of the New Age in connection with the processes of urbanization and individualization. The condition of the existence of privacy is the presence of an autonomous, in need of own physical and mental space of the individual and society, recognizing his right to his physical and psychological integrity and autonomy as the right to make their own decisions regarding their own lives. The ability to make such decisions runs counter to the attitudes of paternalism, according to which it is possible to interfere with the decisions of the individual if it is supposed to be for his benefit. Caring for an individual is assessed differently in different cultural contexts. In societies where respect for freedom and the dignity of the individual is a priority, it can be perceived as interfering with and degrading the private sphere. The preferred social distance in the public sphere is to give a person the freedom and the opportunity to make his own choices and be responsible for him. The right to private space implies that everyone can determine his own destiny and autonomous in their decisions.

Keywords: privacy, publicity, autonomy, paternalism, care, civility.

For citation: Chesnokova L.V. 2021. Liberty and Individual Autonomy: To the Question of Private Space. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 46(4): 679–688 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-4-679-688

Введение

В настоящее время в отечественных и зарубежных исследованиях все большее внимание уделяется изучению приватности, которая является предметом, вызывающим интерес представителей самых разных дисциплин: философии, истории, культурологии, социологии. Считается, что уважение к приватному пространству является важным признаком современного демократического общества, основывающегося на признании прав и свобод человека.

Приватность (от латинского *privare* – отделенный, *privatum* – собственное) означает «области и сферы, которые заключены для себя, то есть не являются открытыми для общества. В контексте личности приватное относится не к общественному, а только к отдельной персоне или ограниченной группе лиц, находящихся в тесных или доверительных отношениях друг к другу» [Кравченко, 2001]. Смысл слова «приватность» связан со значениями таких понятий, как «право на личную собственность», «личное дело», «частная жизнь», и восходит к опыту «разделения физической и социальной среды, к контролю над собственной жизнью, к ответственности за совершаемый выбор» [Евстифеева и др., 2016, с. 36].

Современное разделение публичной и приватной сфер жизни не является чем-то, изначально свойственным человеческому обществу, это следствие сложных социокультурных процессов, получивших развитие в западных обществах Нового времени в результате процессов индустриализации, урбанизации, развития капиталистических отношений.

Ю. Хабермас проанализировал процессы возникновения публичной и приватной сфер в жизни человека и общества в своей ранней работе «Структурные изменения публичности», положившей начало научным дискуссиям об образе гражданина как носителя рациональности и индивидуализма, стремящегося к участию в публичной жизни. Одновременно с публичной сферой в буржуазном обществе формируется четко отграниченная от нее и защищенная законами и общественными нормами сфера приватного, где гражданин может отдыхать и общаться в узком семейном и дружеском кругу. «Буржуазия либеральной эры проживала свою приватность в семье. Областью приватной сферы был освобожденный от экономических функций «дом» [Habermas, 2015, p. 238]. Разделение между публичной и приватной сферами и защита от вмешательства в последнюю со стороны государства и общества – основополагающий признак современных демократических обществ, декларирующих защиту прав и свобод человека, частной собственности и невмешательства в личную жизнь граждан.

Приватность, свобода и автономия

Приватность неразрывно связана с такими понятиями, как свобода и автономия личности. С одной стороны, приватность существует только тогда, когда в ней есть потребность со стороны автономного, ощущающего себя отличающимся от других и нуждающегося в собственном физическом и ментальном пространстве индивида. По мнению Дж. Реймана, право на приватность – это не только право на личность и собственность. Оно является более фундаментальным и представляет собой «существование социальной практики, которая делает возможной для меня мысль о том, что это существование – мое. Это значит, что есть право на условия, необходимые для меня, чтобы думать о себе как о существе, имеющем права личности и собственности» [Reiman, 2007, p. 313]. Право на приватность приписывается индивиду, который «осознает, что обладает своей физической и ментальной реальностью» [Reiman, 2007, 317] и способен самостоятельно выбирать соб-

ственную судьбу. Приватное – это область, в которой создается субъектность личности. Право на приватность дает индивиду возможность автономно прожить свою жизнь.

С другой стороны, автономия и свобода личности возможны лишь в обществе, признающем право индивида на неприкосновенное приватное пространство. Б. Рёслер полагает, что автономия возможна только тогда, когда субъекту предоставлено пространство, в котором он может принимать решения и рефлексировать над своими собственными действиями, чувствами и опытами без вмешательства извне. Она понимает приватность как «защиту от нежелательного доступа других, будь то физический доступ (в помещения) или метафизический (доступ к информации или попытки вмешательства в поведение других)» [Rössler 2001, p. 84]. Приватность неразрывно связана с автономией и свободой личности. Право на приватность предполагает, что субъект имеет право принимать решения, которые он не обязан каким-то образом легитимировать или объяснять. Только в исключительных случаях приватность может быть ограничена в качестве наказания за совершенные преступления.

Свобода связана с автономией, которая обозначает «способность самому для себя устанавливать законы, согласно которым действовать и которые считать правильными» [Rössler, 2018, p. 31]. Мы только тогда свободны в нашем выборе, когда сами являемся теми, кто сделал этот выбор без давления, манипуляций, насилия. Автономия предполагает возможность самостоятельно и осознанно осуществлять личные жизненные проекты: выбор профессии, создание семьи, поддержание дружеских отношений, наличие политических или религиозных взглядов и т.п. Автономия дает возможность самостоятельно делать выбор и нести за него ответственность.

Как отмечает Рёслер, автономия предполагает постоянную проверку того, насколько собственная жизнь является следствием своего выбора, своей собственной жизнью. «Только автономно прожитая жизнь может считаться удавшейся жизнью» [Rössler, 2001, p. 96]. Ядро этой свободы состоит в том, чтобы принимать решения, исходя из собственной воли. Следовательно, «приватность связана с субстанциализацией прав на свободу. Она означает защиту от чужого воздействия, от гетерономии, дает возможность каждому индивиду строить свою собственную судьбу на основании собственных решений» [Vöhme, 2018, p. 17].

Право на приватность как результат общественных конвенций

Право на существование приватности и автономии личности связано с обществом. «Права личности и собственности предполагают индивида, обладающего правом над собственным существованием. Общественное уважение к приватности обеспечивает эти права» [Чеснокова, 2020, с. 20]. Когда мы говорим об автономии индивидуальной личности, речь всегда идет о личности в социальных отношениях. Вне общества право на приватность не имеет смысла. Для ее существования необходимы социальные нормы, поддерживающие претензии индивида на приватное пространство. «Социальные нормы не только защищают и делают возможным определенное социальное поведение личности, они также требуют определенного поведения от индивидов и институтов, которые должны уважать приватность» [Rössler, 2018, p. 295]. Защита приватности необходима для возможности реализации определенных прав и свобод индивида в социальном пространстве, то есть для того, чтобы его планы и поступки в том случае, если они не нарушают ничьих интересов, могли быть реализованы без нежелательного вмешательства других.

Для защиты приватности необходимы конвенции, общественные договоренности. Формальных юридических прав недостаточно, чтобы создавать действующие социальные контексты для приватности, под защитой которых возможна самостоятельная жизнь. Уважение к приватности предполагает существование границ для вмешательства в жизнь индивида, которое препятствует индивидуальному образу жизни и поведения. Свобода

решений насчет собственной жизни дает людям возможность контролировать степень вмешательства других благодаря существующим общественным нормам, позволяющим индивиду вести самоопределяемую жизнь и защищать свои личные границы. Меры для защиты своей приватности будут действовать только тогда, когда в обществе существует терпимость к чужим решениям, мнениям и мировоззрению.

В социальном общении требуются такие качества, как тактичность, невмешательство и сдержанность как уважение к частным аспектам жизни индивида. Это может означать запрет для других комментировать, интерпретировать или влиять на его жизнь. Степень допустимого вмешательства зависит от социального контекста. Хотя, конечно, существует разная степень допустимости вмешательства в частное пространство в зависимости от вида социальных отношений: от любви и заботы по отношению к членам семьи до нейтральной вежливости и индифферентности по отношению к чужим людям, но основополагающее право на уважение к частности признается в современном обществе.

В настоящее время принято соблюдать определенную степень дистанции по отношению к другим людям, уважать их право на сокрытие личной информации. В противном случае происходит вторжение в частную сферу индивида, что воспринимается как навязчивость, недостаток такта и воспитания. В этом случае индивид вынужден отстаивать границы своего частного пространства от вмешательства со стороны «озабоченных родителей, недоверчивых родственников и любопытных соседей, самозванных блюстителей нравственности, непрошенных учителей и вахтеров. Все они нарушают право индивида «быть оставленным в покое» [Sofsky, 2007, p. 37]. Свобода одного заканчивается там, где начинается свобода другого. Приватность – это социальная практика, содержащая в себе сознательный отказ от вмешательства в дела других людей.

Приватность и патернализм

Возможность самостоятельно определять собственную жизнь часто вступает в противоречие с установками патернализма. Патернализм представляет собой попытки решать что-то за другого, если мы полагаем, что действуем в его интересах, подобно тому, как родители действуют по отношению к ребенку. Однако правом любого взрослого дееспособного человека является возможность самостоятельно делать выбор и нести за него ответственность.

Об этом говорится в трактате Дж. Милля «О свободе», который также называют «философским манифестом приватности». По мнению Милля, человек сам в состоянии делать выбор касательно собственной жизни, так как он сам лучше знает, чего он хочет. «Если только человек имеет хотя бы самую посредственную долю здравого смысла и опыта, то тот образ жизни, который он сам для себя изберет, и будет лучший, не потому чтобы быть лучше сам по себе, а потому, что он есть его собственный» [Милль 2000, с. 44]. Никто не вправе препятствовать взрослому человеку распоряжаться жизнью по собственному усмотрению. Он заинтересован в благе для себя гораздо больше, чем окружающие, и лучше всех знает, что именно является для него благом. Вмешательство окружающих в дела индивида основывается только на предположениях, которые могут оказаться ошибочными и быть применены некстати. Никто не знает всех жизненных обстоятельств другого человека.

Милль полагает, что в отношениях с другими лицами необходимо соблюдать принятые в обществе законы и правила, но в том, что касается его самого, индивид должен быть автономен. Он есть «высший судья того, что и как ему делать, и если он поступит вопреки всем советам и предостережениям и через это сделает сам себе вред, то этот вред далеко не может быть так велик, как велико было бы то зло, если бы он насильно принужден был поступить так, как другие признают для него благом» [Милль, 2000, с. 50]. Па-

терналізм базуецца на заблуждзены, што людзі не ў стане самастойна пазабарыцца о сабе.

Права на прыватнасць апраяраецца на сацыяльныя нармы, прадпалагаючыя для чалавека магучаснасць сказаць «эта мае ачыное дала», чабы даць паняць, ча чье-то вмешателство будат нежелателным. Аднако западныя нармы прыватнасці прыняты не повсеместно. Если рассматривать различные культуры с точки зрения их отношения к приватности, можно отметить, что там существуют различные варианты поведения по отношению к возможности вмешиваться в личные дела других.

Прыватнасць і забота

Исследователи разделяют позитивное и негативное право на свободу, с которыми связаны различные формы уважения приватного пространства. С негативным правом связывается такое поведение, как сдержанность или сдержанное уважение, а с позитивным правом – забота. Как сдержанность, так и забота по-разному воспринимаются в разных культурных контекстах. Очевидно, что человеку, который находится в опасной или тяжелой ситуации и просит о помощи, в любом случае необходимо оказать поддержку. Однако вопрос вызывает то, насколько далеко может простирается необходимость проявления помощи и заботы в менее затруднительных ситуациях. «Забота в культурном контексте, требующем сдержанного уважения от окружающих и собственной ответственности от индивида, может быть воспринята как отсутствие уважения. И, наоборот, определенные формы сдержанного уважения в контексте этики заботы, могут казаться безнравственными» [Lotter, 2016, p. 187].

Например, в контексте современных западных либеральных обществ, провозглашающих в качестве основных ценностей свободу индивида и уважение к его правам, требуется не вмешиваться в его приватную сферу, поскольку считается, что взрослый дееспособный человек сам может о себе позаботиться. Порой забота может быть воспринята как унижение, в особенности, когда она открывает чью-то физическую слабость (так, например, в общественном транспорте в европейских странах не всегда принято уступать место пожилым людям, поскольку это может быть воспринято как публичное указание на их физическую немощность). Это не является проявлением бессердечия и равнодушия, а, напротив, является проявлением заботы, призванной пощадить самолюбие другого человека.

Подобное поведение можно обозначить как «симметричное уважение», характерное для эгалитарных обществ, стремящееся избавить человека от любой формы зависимости и вмешательства в его дела. Забота заключается в том, что мы «чувствуем себя ответственными за другую личность и что-то делаем для нее или имеем влияние на ее действия. Забота устанавливает определенную асимметрию в социальных отношениях, определяемую различной способностью к действию» [Lotter, 2016, p. 194].

Однако в контексте мировоззрения традиционного общества, принятие действий, связанных с заботой, не воспринимается как удар по чувству собственного достоинства. Поскольку там никто не воспринимается как самостоятельная, аутентичная личность, а все являются так или иначе зависимыми друг от друга, забота воспринимается как «элемент цепи, в которой каждый выступает и в роли берущего, и в роли дающего. В подобном контексте сдержанность в проявлениях заботы и возложение на индивида ответственности за самого себя воспринимаются как эгоизм и нежелание помогать» [Lotter 2016, p. 194], а не как уважение к чужому приватному пространству. Тем самым человек выступает против обычаев и традиций, отказываясь выполнять свои обязанности в рамках социальной системы, в которой каждый зависит от участия и поддержки других.

Следовательно, исходя из теории культурного релятивизма, проявление заботы в одних культурных контекстах представляется проявлением внимания и уважения, а в других, напротив, кажется оскорбительным вмешательством. Нормы и границы приватности

подвижны во времени и пространстве. В различных культурах, социальных слоях и поколениях существуют свои представления о границах приватности. Когда они не совпадают, возникает почва для конфликта.

Приватность и *civility*

Отношение к приватности, степень уважения к ней, зависящая от принятых в той или иной культуре социальных норм, формируется в процессе социализации. Потребность в социальной дистанции, тактичности, невмешательстве в дела других людей получила свое развитие в западноевропейских обществах в эпоху Нового времени. Особая сдержанность и вежливое невнимание присутствуют в современной городской жизни, чтобы поддерживать необходимую для совместного сосуществования большого количества людей дистанцию.

Г. Зиммель развивает идею о необходимости сдержанности для совместного проживания в современном большом городе. Отношения жителей крупных городов характеризуются замкнутостью, порой производящей впечатление холодности и отчужденности. Это вызвано психологическими причинами, поскольку «если бы непрерывным сношениям с бесчисленным множеством людей должно было бы соответствовать так же много внутренних реакций, как в маленьком городе, где знаешь почти каждого встречного, внутренний мир распался бы на атомы, и душевное состояние стало бы невозможным» [Зиммель 2002]. Сдержанность и самообладание требуются в тесноте большого города, вынуждающего человека соблюдать дистанцию в своих социальных контактах. Как отмечает Г.В. Горнова, в городском обществе существует особая потребность в приватном пространстве, которое «выполняет рекреационную функцию, в нем горожанин восстанавливает свои физические и психические ресурсы, освобождается от воздействия когнитивной перегрузки стимулами публичного пространства» [Горнова, 2014, с. 194].

Характеристикой современных либеральных обществ является поведение в социальном общении чужих друг другу людей, которое можно обозначить как *civility* (социальная дистанция). Элемент сдержанности по отношению к другим является необходимостью во всех социальных отношениях на основании плюрализма стилей жизни. Эта форма социальной дистанции не только простое проявление вежливости: «ее смысл состоит в том, чтобы индивидам предоставлялась та форма символического свободного пространства, в котором могла бы быть прожита самостоятельная жизнь, свободная от коллективных вмешательств» [Rössler, 2001, p. 158].

В результате подобного социального дистанцирования в современных обществах возможно мирное сосуществование самых разных индивидов. Уважение к личным границам предполагает невмешательство в дела и образ жизни других людей. Согласно нормам общения современного общества, индивиды, которые ведут себя, не соблюдая необходимой в данном социальном контексте дистанции, нарушают приватное пространство других, поскольку те вынуждены сталкиваться с чужими проблемами, с которыми они не хотят иметь дела. Напротив, сдержанность и невмешательство в чужие дела позволяют предотвращать потенциальные конфликты.

Социальные конвенции дают нам знать, что следует считать приватным, а что публичным пространством, в котором мы должны уважать личные границы других людей, выбирать вежливые нейтральные темы для разговоров, не вмешиваться в чужие дела и не выступать с излишней и неуместной откровенностью. При общении с чужими людьми необходимо придерживаться сдержанной толерантности, независимо от того какие эмоции вызывает их вид или поведение, если они не нарушают личного пространства. Грубыми и неуместными может выглядеть не только осуждение, но и непрошенные комплименты, которые также способны нарушить приватное пространство индивида. Приват-

ность действует в обе стороны: защищает приватность индивида от других и защищает других от приватности индивида.

Публичность и приватность нарушаются, когда индивид ведет себя в соответствии с логикой другого пространства. Как отмечает В.О. Волковинська [2014] различие между публичной и приватной сферами заключается в отсутствии или наличии личного отношения к ситуации. В публичной сфере человек выходит из эмоциональных личностных отношений и в своем поведении руководствуется требованиями своей социальной роли. В том случае, когда во взаимодействии с чужими людьми индивид ведет себя согласно правилам общения в приватной сфере, это не соответствует нормам общения в публичном пространстве. В таком случае происходит следующее: «перенесение внимания с действий других на свои личные особенности, оценка событий и явлений по признаку «нравится / не нравится», чрезмерная сосредоточенность на собственных эмоциях и самопрезентации. Именно эту логику близких отношений индивиды обычно приносят в свою повседневную деятельность и взаимодействие с людьми, которые не являются близкими. И поэтому такую деятельность уже нельзя назвать публичной» [Волковинська 2014, с. 184]. Это разрушает социальное взаимодействие в публичном пространстве, в котором все должны вести себя согласно принятым на себя социальным ролям, а не в соответствии с правилами приватной сферы (например, когда продавец в магазине делает замечание или комплимент по поводу внешности покупательницы, не осознавая неуместность подобных высказываний).

Разделение поведения, принятого в публичной и приватной сферах свойственно, прежде всего, для западных обществ, начиная с эпохи Нового времени, характеризующегося развитием индивидуального начала. «Право на неприкосновенность приватной жизни каждого человека стало доступно по историческим меркам совсем недавно – вместе с развитием технологического, экономического, политического и культурного состояния общества» [Чеснокова, 2019, с. 378]. Вместе с развитием индивидуализма постепенно растет потребность в защищенном от вмешательства других людей физическом и ментальном пространстве. Чем выше уровень индивидуализма, тем более значимой представляется приватная сфера. В обществах Нового времени «человек становится свободно действующим существом, ориентированной на нравственность самостоятельной личностью» [Prentki, 2016, p. 8]. Развитие личности, рост индивидуализма предполагают индивидуальную ответственность за свою судьбу. Человек более не безмолвная часть целого, как в традиционном обществе, а единственная причина своих действий, он принимает решения и несет за них ответственность.

Однако, как отмечают исследователи, в подобном положении вещей кроются и достоинства, и недостатки. Необходимость делать самостоятельный выбор, принимать решения, нести за них ответственность зачастую вызывает тревогу и неуверенность. Из процесса индивидуализации проистекает тревога и нервозность. Поскольку в эпоху Нового времени «индивид покинул уютный мир заданных социальных порядков, то это означает, что за счет секулярных тенденций он попал в тревожный новый мир ненадежных норм, где нет постоянного распределения социальных ролей, где нужно обо всем заботиться самому и нести собственную ответственность» [Радкау, 2017, с. 27]. Современный человек постоянно сомневается: правильный ли он сделал выбор, будь то профессия, партнер или образ жизни, и соответствует ли он требованиям общества.

Структурные изменения, произошедшие в эпоху Нового времени, наряду со свободой, принесли также новые формы несвободы, связанные с избыточными требованиями и перегрузкой. Современный субъект ощущает себя вырванным из социальных связей традиционного общества, которые не только дискриминировали и подавляли, но также давали уверенность, защиту и жизненные ориентиры. Безмерно возросшее количество возможностей возникло наряду с недостатком социальных сдерживающих факторов. Предоставленный сам себе современный индивид сталкивается с постоянно растущей сложностью мира и

требований общества без четких ориентиров и контроля. Поэтому «приватная автономия может как прекрасно удаваться, так и ужасно не удаваться» [Pollman, 2019, p. 167].

Иными словами, современность дает индивиду возможности, которые многими используются как освобождающие возможности, однако некоторыми – как эрозия социальных структур, угрожающая потерей личностной интеграции. «Растущий дефицит долгосрочных социальных связей приводит к неспособности создавать стабильные отношения. В результате многие современные субъекты чувствуют себя все более оккупированными чуждыми силами. Собственная самость теряет контуры. Угрожает ослабнуть создающая идентичность демаркационная линия между Я как Я и Я как другой» [Pollman, 2019, p. 169].

Таким образом, помимо невиданно расширившихся возможностей процесс индивидуализации, повлиявший на автономию и приватность, несет в себе и значительные издержки для индивида. К ним можно отнести такие опасности, как лишение ориентиров, границ, социальных связей, сдерживающих факторов. Необходимо быть достаточно зрелым, чтобы использовать преимущества права на приватность и автономию. В противном случае возможны процессы саморазрушения, которые никто не остановит, как это произошло бы в традиционном обществе.

Приватность и автономия имеют амбивалентный характер: как нечто освобождающее и отчуждающее, эмансипирующее и репрессивное, полезное и вредное. Следовательно, «как и любая свобода, приватность не гарантирует нравственного добра. В ее тайнах прячутся порой своеобразные склонности. Предпочтения человека редко бывают ценными, добродетельными, благородными и прекрасными. Здесь путают свободу и мораль. Свобода – это не добродетель, но предпосылка все добродетелей... Приватность, как и свобода, – ценность, которую люди ценят ради ее самой. Она не средство к цели, но сама цель» [Sofsky, 2007, p. 41].

Заключение

Таким образом, право на приватность возникает в западных обществах Нового времени вместе с развитием городов и ростом влияния класса буржуазии, придававшего особое значение ценностям дома и семьи как области, отграниченной от публичной жизни, вдали тревог и принуждений внешнего мира. Потребность в наличии приватного (в физическом и ментальном смысле) пространства, куда его обладатель может самостоятельно контролировать доступ, развивается вместе с ростом индивидуализма и с признанием прав человека со стороны государства и общества. Приватность неразрывно связана со свободой и автономией личности, с ее возможностью самостоятельно принимать решения касательно собственной судьбы.

Возможность самостоятельно принимать решения и нести за них ответственность противоречит установкам патернализма, стремящегося принимать решения за индивида во имя его блага. Забота как помощь в затруднительном положении может по-разному оцениваться в разных культурных контекстах. В западных либеральных обществах забота иногда может восприниматься как вмешательство в приватную сферу индивида и как свидетельство ассиметричных отношений. По отношению к незнакомым людям в публичной сфере предпочтительнее вежливое невнимание и соблюдение социальной дистанции. С одной стороны, такие социальные нормы дают пространство для собственного выбора, но, с другой стороны, в подобном образе жизни имеются свои опасности, связанные с более слабыми, чем в традиционном обществе, социальными связями, отсутствием четких правил и ориентиров. Однако, несмотря на недостатки, возможность свободного выбора связана с человеческими правами и свободами. Приватность связана с реализацией прав на свободу и автономию. Она дает возможность индивиду строить собственную жизнь на основании собственного выбора. Право на приватность является гарантом автономии и неприкосновенности человеческого достоинства.

Список литературы

1. Горнова Г.В. 2014. Философия города. М., Форум, 342 с.
2. Евстифеева Е.А., Майкова Э.Ю., Козлов А.Г. 2016. Приватность в эпоху вовлеченности. Власть, 1: 36–40.
3. Зиммель Г. 2002. Большие города и духовная жизнь. Логос, 3–4. URL: <http://magazines.russ.ru/logos/2002/3/zim.html> (дата обращения: 29 января 2021).
4. Кравченко И.И. 2001. Приватность. В кн.: Новая философская энциклопедия. М., Мысль. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/8928/ (дата обращения 29 января 2021).
5. Милль Дж. 2000. О свободе. В кн.: Антология мировой либеральной мысли (I половины XX века). М., Прогресс-Традиция: 288–392.
6. Радкау Й. 2017. Эпоха нервозности. Германия от Бисмарка до Гитлера. Пер. с нем. Н. Штильмарк. Изд. дом ВШЭ, 552 с. (Radkau J. Zeitalter der Nervosität. Deutschland zwischen Bismark und Hitler. München, Carl Hanser Verlag, 1998, 551 s.).
7. Чеснокова Л. В. 2019. Индивидуализированное общество как социокультурный фундамент приватности. Идеи и идеалы, 11 (3): 375–389. DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.3.2-375-389.
8. Чеснокова Л.В. 2020. Право на приватность в либеральной философии Нового времени. Гуманитарный вектор, 15(3): 33–42. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-2-33-42.
9. Волковинська В.О. 2014. Публічне і приватне у феноменологічному пошуку смислу соціальності. Збірник наукових праць «Гілея: науковий вісник», 88: 182–185.
10. Böhme G. 2018. Eine Kultur der Privatheit. In: Kultur der Privatheit in der Netzgesellschaft. Hrsg. von G. Böhme, U. Gahlings. Bielefeld, Aisthesis: 17–28.
11. Gavison R. 2007. Privacy and the limits of law. In: Philosophical Dimensions for Privacy: An Anthology. Ed. by F. D. Schoeman. Cambridge, Cambridge University Press: 365–366.
12. Habermas J. 2015. Strukturwandel der Öffentlichkeit. Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft. Fr. a. M., Suhrkamp Verlag: 391 s.
13. Lotter M. 2016. Scham, Schuld, Verantwortung. Über die kulturellen Grundlagen der Moral. Berlin, Suhrkamp: 344 s.
14. Pollman A. 2019. Schmerz, lass` nach. Die körperliche Hülle als Schauplatz autodestruktiver Privatisierung. In: Die Grenzen des Privaten. Hrsg. von S. Seubert, P. Niessen. Baden-Baden, Nomos: 165–180.
15. Prentki J. V. 2016. Die anthropologische Funktion der Privatheit. Norderstedt, GRIN: 10 s.
16. Reiman J. 2007. Privacy, Intimacy and Personhood. In: Philosophical Dimensions for Privacy: An Anthology. Ed. by F.D. Schoeman. Cambridge, Cambridge University Press: 300–317.
17. Ritter M. 2008. Die Dynamik von Privatheit und Öffentlichkeit in modernen Gesellschaften. Wiesbaden, VS Verlag für Sozialwissenschaften: 139 s.
18. Rössler B. 2018. Autonomie. Ein Versuch über das gelungene Leben. Berlin, Suhrkamp: 442 s.
19. Rössler B. 2001. Der Wert des Privaten. Fr. a. M. Suhrkamp, 2001: 379 s.
20. Sofsky W. 2007. Verteidigung des Privaten. Eine Streitschrift. München, Beck: 158 s.

References

1. Gornova G. V. 2014. Filosofiya goroda [Philosophy of city]. Moscow, Publ. Forum: 342 p.
2. Yevstifeeva E.A., Maikova E.Yu., Kozlov A.G. 2016. Privatnost' v epokhu vovlechnosti [Privacy in an era of engagement]. Vlast`, 1: 36–40.
3. Simmel G. 2002. Bol'shie goroda i dukhovnaya zhizn` [Big cities and spiritual life]. Logos, 3-4. Available at: <http://magazines.russ.ru/logos/2002/3/zim.html> (accessed: 29 January 2021).
4. Kravtchenko I.I. 2001. Privatnost` [Privacy]. In: Novaya filosofskaya enziklopediya [New Philosophical Encyclopedia]. Moscow, Publ. Mysl`. Available at: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/8928/ (accessed: 29 January 2021).
5. Mill J. 2000. O svobode [On liberty]. In: Antologiya mirovoy liberal'noy mysli (pervoy poloviny XX veka) [Anthology of world liberal thought (I half of the XX century)]. Moscow, Publ. Progress-Traditsiya: 288–392. (in Russian).
6. Radkau J. 2017. Epokha nervoznosti. Germaniya ot Bismarka do Gitlera [The era of nervousness. Germany from Bismarck to Hitler]. Moscow, Publishing house Higher School of

Economics, 551 p. (Radkau J. Zeitalter der Nervosität. Deutschland zwischen Bismark und Hitler. München, Carl Hanser Verlag, 1998) (in Germany)

7. Chesnokova L. V. 2019. Individualizirovannoye obschestvo kak sotsiokul`turnyi fundament privatnosti [Individualized society as a socio-cultural foundation of privacy]. Ideas and ideals. 11 (3): 375–389.

8. Chesnokova L.V. 2020. Pravo na privatnost` v liberal`noy filosofii Novogo vremeni [The right to privacy in the liberal philosophy of modern times]. Humanitarian vector, 15(3): 33–42.

9. Volkovinska V. O. 2014. Publichne i private u fenomenologichnomu poshuku smyslu sotsialnosti [Public and Private in the Phenomenological Search for the Meaning of Sociality]. Collection of scientific papers "Gilea: scientific bulletin", 88: 182–185 (in Ukraine)

10. Böhme G. 2018. Eine Kultur der Privatheit. In: Kultur der Privatheit in der Netzgesellschaft [A culture of privacy. In: Culture of Privacy in the Network Society]. Hrsg. von G. Boehme, U. Gahlings. Bielefeld, Aisthesis: 17–28 (in Germany)

11. Gavison R. 2007. Privacy and the Limits of Law. In: Philosophical Dimensions for Privacy: An Anthology. Ed. by F. D. Schoeman. Cambridge, Cambridge University Press: 365–366.

12. Habermas J. 2015. Strukturwandel der Öffentlichkeit. Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft [The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society]. Fr. a. M., Suhrkamp Verlag: 391 p. (in Germany)

13. Lotter M. 2016. Scham, Schuld, Verantwortung. Über die kulturellen Grundlagen der Moral [Shame, Guilt, Responsibility. About the Cultural Foundations of Morality]. Berlin, Suhrkamp: 344 p. (in English)

14. Pollman A. 2019. Schmerz, lass` nach. Die körperliche Hülle als Schauplatz autodestruktiver Privatisierung. In: Die Grenzen des Privaten [Pain, Ease up. The Physical Shell as a Scene of Auto-destructive Privatization. In: The Limits of the Private]. Hrsg. von S. Seubert, P. Niessen. Baden-Baden, Nomos: 165–180 (in Germany)

15. Prentki J.V. 2016. Die anthropologische Funktion der Privatheit [The Anthropological Function of Privacy]. Norderstedt, GRIN: 10 p. (in Germany)

16. Reiman J. 2007. Privacy, Intimacy and Personhood. In: Philosophical Dimensions for Privacy: An Anthology. Ed. by F. D. Schoeman. Cambridge, Cambridge University Press: 300–317 (in Germany)

17. Ritter M. 2008. Die Dynamik von Privatheit und Öffentlichkeit in modernen Gesellschaften [The Dynamics of Private and Public in Modern Societies]. Wiesbaden, VS Verlag für Sozialwissenschaften: 139 p. (in Germany)

18. Rössler B. 2018. Autonomie. Ein Versuch über das gelungene Leben [Autonomy. An Attempt about the Successful Life]. Berlin, Suhrkamp: 442 p. (in Germany)

19. Rössler B. 2001. Der Wert des Privaten [The Value of the Privacy]. Fr. a. M. Suhrkamp, 2001: 379 p. (in Germany)

20. Sofsky W. 2007. Verteidigung des Privaten. Eine Streitschrift [Defense of the Private. Polemical Notes]. München, Beck: 158 p. (in Germany)

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чеснокова Леся Владимировна, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры социологии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lesya V. Chesnokova, PhD in Philosophy, Associate Professor at the Department of Sociology, F.M. Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

RELIGION STUDIES AND SOCIOLOGY OF CULTURE

УДК 101.1:502.1

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-4-689-699

Конфессиональный фактор в развитии экологической культуры в современном обществе

Волохова Е.В., Попов Е.С., Воденко К.В.

Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова,
Россия, 346428, Ростовская область, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, д. 132
E-mail: volohova.1973@mail.ru, povove@mail.ru

Аннотация. Взлеты экологизма и утверждение концепции «зеленого» общества и зеленой экономики являются, согласно позиции авторов, состоянием постсекулярного общества, в котором конфессиональность воспринимается как культурно-историческая традиция, связанная с прошлым, эпохой потребительского по отношению к природе сознания. В данном контексте авторы последовательно исследуют конфигурации конфессионального фактора и экологического сознания в России и Европе. Сделан вывод о том, что европейское экологическое сознание неконфессионально и в будущем обречено на поражение по сравнению с исламским фактором. В России отношение к экологическому сознанию определяется альянсированием государства и традиционных конфессий, что создает коридор возможностей в рамках конфессионального фактора создавать самостоятельные и комплиментарные модели экологического сознания и экологической политики.

Ключевые слова: экологическое сознание, современное общество, экологизм, экологический активизм, постсекулярное общество.

Для цитирования: Волохова Е.В., Попов Е.С. Воденко К.В. 2021. Конфессиональный фактор в развитии экологической культуры в современном обществе. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право, 46(4): 689–699. DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-4-689-699

Confessional Factor in the Development of Ecological Culture in Modern Society

Elena V. Volokhova, Evgeniy S. Popov, Konstantin V. Vodenko

Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI),
132 Prosveshcheniya St, Novocherkassk, Rostov Region 346428, Russian Federation
E-mail: volohova.1973@mail.ru, povove@mail.ru

Abstract. The rise of environmentalism and the approval of the concept of a "green" society and a green economy is, according to the authors' position, the state of a post-secular society in which confessionality is perceived as a cultural and historical tradition associated with the past, the era of consumer consciousness in relation to nature. In this context, the configurations of the confessional factor and environmental consciousness in Russia and Europe are consistently studied. It is concluded that the European ecological consciousness is non-confessional and is doomed to defeat in the future compared to the Islamic factor. In Russia, the attitude to environmental consciousness is determined by the alliance of

the state and traditional confessions, which creates a corridor of opportunities within the confessional factor to create independent and complementary models of environmental consciousness

Keywords: ecological consciousness, modern society, environmentalism, environmental activism, post-secular society.

For citation: Volokhova E.V., Popov E.S. Vodenko K.V. 2021. Confessional Factor in the Development of Ecological Culture in Modern Society. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 46(4): 689–699 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-4-689-699

Введение

Волна экологизма, захлестнувшая страны Европы, – ожидаемое явление в общественном поведении и общественных настроениях европейцев. Сегодняшняя Европа радикально изменилась, даже по сравнению с 80–90 годами XX века. Собственно, завершается цикл изменений, который начался в 60-х годах прошлого века, когда традиционное буржуазное общество сотрясали выступления активистов антивоенных движений, защитников прав цветных, революция хиппи, феномен Битлз.

Возвращение, казалось бы, к спокойным восьмидесятым было короткой передышкой в переходе Европы к обществу позднего модерна, как его обозначил немецкий исследователь У. Бек [2001]. Он на концептуальном уровне осмыслил расставание с эпохой модерна, обществом демократии, потребительского равенства, экономического роста и секуляризованных форм конфессионального сознания.

Последнее замечание особенно важно в осмыслении того, что мы можем назвать экологическим поворотом. Обоснование стратегии лимита ресурсов в кулуарах Римского клуба в 70-е годы XX века так и осталось кабинетной стратегией, футурологическим проектом, потому что динамика мирового развития, диктуемая экономической и политической экспансией коллективного Запада, поставила исследования ученых в статус «алиби»: общество уже в далекие годы осознало предельность экономического роста и необходимость отказа от потребительской идеологии, но эти опасения так и остались в умах людей и не стали девизом практической политики, не создали новые общественные движения [Кравченко, 2015].

Нынешняя ситуация – кардинально новая, поскольку характеризует процесс экологизации общественной жизни, «эффект Гунберг», как следствие критики концепции модерна, провозглашение курса на зеленую экономику, новую модель потребления и экологический активизм. Вместе с тем есть повод говорить о том, что экологический поворот нуждается в интерпретации, не содержащей негативизм, и определяется глубинными моментами в рамках глобализации и глокализации мировой системы. На наш взгляд, актуальной является задача системного анализа современного экологического сознания, которое не может быть сведено к строгому определению, к тому, что можно охарактеризовать как моноконцептуальность.

Казалось бы, спасительным является многофакторный анализ, но и в этом случае мы испытываем растерянность, так как новые экологические тренды не выходят за рамки того, что И. Валлерстайн определил «центром» мировой системы [Валлерстайн, 2008]. В этом смысле экологические движения и экологическое сознание сосредотачиваются локально и являются чуждыми большинству обществ, живущих в условиях патриархальной или индустриальных экономик. Для России, которая обрела статус страны с развивающейся экономикой, новые стандарты общественной жизни имеют в большой степени экономический и общественно-психологический смысл. Экономический связан со сложностями для российской модели сырьевой экономики, работающей на нефтегазовую трубу, с тем, что новые экологические стандарты на Западе приведут в 30-е годы XXI века к отказу

от потребления углеводородных ресурсов и, следовательно, к кризису в российском обществе, связанному с падением доходов населения.

Общественно-психологический смысл связан с травмой «несамодостаточности», с тем, что на фоне европейских «зеленых» инициатив Россия все более отстает технологически и морально, разделяя позиции стран третьего и четвертого мира. Россияне, для которых гордость за достижения науки, культуры и образования является критерием идентичности, стагнация экологического сознания, разрыв связи между экологическими инициативами снизу и экологической политикой государства определяют индифферентизм или ретроградство в отношении экологических проблем. Между тем здоровая экология становится императивом жизни миллионов россиян, испытывающих дефицит здоровой среды обитания (воздух, вода, почва).

Актуальность данной проблемы для россиян очевидна на уровне обыденного, массового сознания, что фиксируется в опросах общественного мнения, но сложность понимания ситуации состоит в том, что к российской экологической модели не может быть полностью применима зарубежная схема экологического сознания. Мы уже отмечали, что для рефлексии современного мира требуется исходить из концептуальности. Из-за условий взаимодействия глобализации и глокализации экологическая проблематика является универсальной, нуждается в консолидированной позиции в мировом масштабе, но вместе с тем в силу совокупности экономических, социальных, культурных факторов содержание векторов экологического сознания различается на социетальном и культурно-цивилизационном уровне [Шевченко, Штофер, 2020; Яницкий, 2011].

В российском контексте, где уже есть осознание демифологизации «неисчерпаемых богатств» России, но принимаются явно запоздалые и частичные меры по сохранению экологического здоровья, весьма интересным исследовательским ходом можно считать осмысление конфессионального фактора в экологическом сознании российского общества. Это притягательно и в связи с тем, что, согласно нашей позиции, современный западный экологизм является следствием эпохи позднего модерна, релитивизации морально-нравственных ценностей, культурных и политических претензий меньшинств и практически репрессивной политики против традиционных конфессий.

Христианство (католицизм и протестантизм) обвиняется в том, что является идеологией, допустившей политику экоцида, поддержку стратегии безудержного экономического и демографического роста, оценку экологии как мирской, не требующей глубокого осмысления проблемы. Христианская догматика якобы явилась санкцией человеческой экспансии по освоению и присвоению мира, утратой веры в силу природы и того, что человек является частью экологической системы. Вероятно, здесь есть и второй момент, связанный с негативистским отношением видных и активных представителей христианского сообщества к экологистам, которые, по их мнению, являются носителями неоязыческих и сектанских убеждений, культивируют «антихристианство», выступая с позиции отрицания логики божьего творения и божьего промысла.

Для России, общества поликонфессионального и поликультурного, традиционные конфессии (православие, ислам, иудаизм, буддизм) не являются субъектами большой экологической политики, но конфессиональный фактор вносит влияние в динамику и направленность экологического сознания в российском обществе, которое не является воспроизведением эпохи позднего модерна. Таким образом, существует необходимость определения методологии исследования, позволяющей выявить специфическое и универсальное в экологическом сознании российского общества, которое в этом контексте интегрировано в современный мир и на уровне климатических эффектов (глобальное потепление), и в социально-антропологическом контексте, выражающемся в том, что экологическое сознание является образом жизни миллионов людей, актуализируется в различных культурных формах и влияет на полистилизацию жизни в обществе.

Методологія ісследавання

Мы падчэрківалі раней, што экалагічная праблематика стала прызнакам грамадства позднага мадэрна і для яе асмыслення структурна-функцыянальныя, інстытуцыянальныя, культурна-арганізацыйныя крытэрыі, імаючы карысны когнітыўны эфект, яўна недастатковыя, каб рухацца не па схеме традыцыйнасці/нетрадыцыйнасці, а ўключыць механізмы сацыяльна-філасофскай і культурна-філасофскай рэфлексіі, спосабаў сфарміраваць канцэпт экалагічнага свядзення, змяшчаючы мноства фактараў. Гэта актуальна для вызначэння ўплыву канфесійнага фактара як цэльнасці ідэй, установак, форм ідэнтыфікацыі (прыналежнасці), якія ўплываюць на працэс фарміравання экалагічнага свядзення ў сучасным грамадстве.

Методалагічны выбар прынятага ісследавання звязаны з разуменнем мноства фактараў экалагічнага свядзення ў сучасным грамадстве, з тым, што прынцыпальны адказ на новыя вызовы сучаснасці змяшчаецца ў гуманістычным павороте сацыяльна-філасофскага свядзення, ў адмаўжэнні аб'ектывізму і аб'ектывіраванасці, згодна з якім сацыяльнае быццё чалавека дэтэрмінаваецца законамі, ад якіх залежыць чалавек у яго сацыяльна-антрапалагічным вымярэнні.

Прымаючы гэтае абставядзенне, мы арыентуемся на ролю канфесійнага фактара як суб'ектна-суб'ектнага паняцця, немагчымага ігнараваць тое абставядзенне, што канфесія як аб'ядненне па прынцыпу аднавер'я атождествляе разлучэнне плоти і духа, імае адносіны да чалавека, які чакае прыхода Месіі, арыентуецца на змяншэнне грэшнасці ў жыццёвым быцці. Экалагічнае свядзенне ў сучасным грамадстве можа быць праінтэрпрэтавана ў гуманістычным павороте сацыяльна-філасофскага свядзення на аснове суб'ектывізму таго, што расійскі ісследавальнік С.А. Кравчэнка разумяе як рэфлексіўную метапарадыгму, характэрыстыкай якой з'яўляецца як інстытуцыянальная, так і індывідуальная рэфлексіўнасць [Кравчэнка, 2015].

Так як, па меру Э. Гіддэнса, рэфлексіўнасць азначае пастаянны актывны перагляд сацыяльнай рэальнасці ў святле новай інфармацыі, узнікае вызначаная складанасць, звязаная з расхадзеннем паміж канфесійнай догматыкай, установак на саблюдзенне рэлігійна-нравесных нормаў і сферай сакральнага свядзення, якая не змяшчае моральных імператываў і «паралельна» канфесійнасці ў якасці іной ідэнтычнасці, звязанай з ідеалам сберажэння прыроды [Гіддэнс, 2013]. Но ў гэтым сэнсе варта зрабіць заўвагу, што экалагічныя практыкі, арыентаваныя на стігматызацыю і забароны чалавеческіх дзянняў, не пападаючыя пад крытэрыі экалагізма, праяўляюцца ў жыцці грамадства, асабліва калі ідзе пра гэта аб'ектывізму чалавека, якія не ў стане задавальняць зялёная эканоміка.

Такім чынам, варта падчэркнуць, што канфесійны фактар не з'яўляецца чужародным функцыянальным з'яўленнем сучаснай жыцця і ў умовах постсекулярнасці таго, што ісследавальнік Вл. Малінковіч называе модай на «ігрышныя рашэнні» [Малінковіч, 2008]. Важна абзначыць ролю канфесійнага фактара ў фарміраванні экалагічнага свядзення як пошук злучэння традыцыі і мадэрна, вяртання чалавеку спосаба адказаць за наступствы сваіх дзянняў калектывна, разглядаць у экалагічных праблемах магчымасць сахраняць веру ў рацыянальнасць на аснове фундаментальных філасофскіх і этычных прынцыпаў.

Гэта азначае, што методалагіка ісследавання задаецца аб'ектывным эпистэмалагічным крытэрыем абоснаваннасці, вызначэннем канфесійнага фактара аб актывным вымярэнні ў межах і дыяпазоне ўплыву на экалагічнае свядзенне. Калі мы гаворым пра спецыфіку экалагічнага свядзення ў расійскім грамадстве, нельга сводзіць канфесійны фактар да культурна-історыкай традыцыі і бачыць экалагічнае свядзенне толькі рэзультатам інстытуцыянальных змяненняў. Калі ўспомніць проповедь

Иисуса Христа, подчеркивая, что спасение человека возможно только в Церкви, есть смысл отстаивать и вторую часть данного положения – экологическое сознание становится пространством духовной борьбы, критики мифов и предрассудков, порождаемых радикальным экологизмом.

На Западе выстраивается градация «грехов» человека, согласно которой нужно безоговорочно принимать и поддерживать нормы меньшинств (сексуальных и культурных), быть не просто толерантным, а интолерантным к фобиям, свойственным эпохе модерна, экологическое сознание концентрирует греховность/негреховность в соответствии с критерием экоборчества, движения к «фанатизму», определяющему мир в черно-белых тонах, расколом на носителей экологического образа жизни и остальных. Такое противопоставление еще 20–30 лет назад не было свойственно европейскому сознанию, но активно навязывается, пропагандируется, интродуцируется СМИ и общественными структурами, ориентированными на политико-коммерческий интерес.

Поэтому методология исследования включает процедуры социально-философской и культурно-философской рефлексии на основе субъектно-субъектной парадигмы, определяющей конфессиональный фактор в культурно-антропологическом контексте, в том, что, несмотря на очевидные проблемы практики и действуя на обыденном уровне, в обращении к будущему верующие как сторонники определенных конфессий провозглашают религиозно-нравственные догмы, в которых экология является зависимым от высших догм определением. Это касается не только христианства, к которому нельзя, конечно, свести сложность современной экологической проблематики. В современном постсекулярном мире, который означает состояние возвращения к конструируемой религиозной традиции, где действуют множества религиозных течений и культов с приставкой нео- (необуддизм, неоисламизм, неохристианство), исчезает строгая демаркация между конфессиональным и неконфессиональным в экологическом сознании [Olenich et al., 2019].

Таким образом, методология исследования воспроизводит гуманистический поворот в исследовании экологического сознания в рамках сохранения принципов социальной рефлексии (социальной эпистемологии), определяя конфессиональный фактор в качестве субъектно-субъектного отношения.

Материалы исследования

В нашем представлении о формировании и развитии экологического сознания в современном мире мы подчеркиваем динамичность, изменчивость в новой социокультурной реальности, то, что может интерпретироваться и как «распад связи времен», и культурная и интеллектуальная структура экспансивного характера, подчиняющая различные сферы человеческого поведения и сознания. Следует отметить, что традиционность конфессионального фактора является в определенной степени условно схематичной в постсекулярном обществе, где традиции пересматриваются и конструируются [Уолцер, 2000]. В исламе, например, экологическая проблематика табуирована, так как природный и растительный мир эпифеноменальны и являются кажимостью по отношению к человеческому предназначению. Шариат как кораническое право ориентирует человека на праведность поведения в контексте безусловного выполнения религиозно-нравственных правовых норм, но экология определяется как сфера некоранического обыденного права, как объект интересов хозяйствующих субъектов. Это весьма примечательно, так как в этом контексте сторонники исламской конфессии не испытывают интереса к экологии и экологический активизм воспринимается ими как чуждый. Для них удовлетворительным является принятие схемы конфессиональной эксклюзивности, закрепления за исламом определяющей роли конфессиональности в идентичности человека, что по существу характеризует нейтральность исламской конфессиональности к экологическому сознанию, которое, разумеется, не может быть альтернативой исламской веры. Для них это, скорее, свидетель-

ство «внутренней болезни» христианства, отказа европейцев от ценностей веры в условиях радикального безбожия. В России, где на государственном и общественном уровне закреплено мирное сосуществование традиционных религий, экологические проблемы изъятые из дискурса межконфессионального общения, определяются как сфера секулярной активности (экологические движения, экологическое волонтерство) и по молчаливому согласию по отношению к конфессиям не актуализируются вопросы и цели экологического сознания.

Таким образом, если рефлексировать по поводу конфессионального фактора, есть смысл привести три соображения. Первое связано с необходимостью артикулировать конфессиональный фактор в экологическом сознании современного общества, определить на эмпирическом уровне количественные и качественные показатели конфессиональности в экологическом сознании. Это важно в связи с тем, что современные экологические движения обычно ограничиваются обращением к молодежи, что понятно в контексте образа экологии как сценария будущего [Захарова, 2020]. Вероятно, здесь необходимо определить действующие пропорции между конфессиональностью и экологичностью, чтобы показать, каков реальный мобилизующий потенциал конфессии проектирования и реализации стратегии экологического развития.

Качественно важно выявить, какие социальные общности ориентируются и работают на создание «зеленого» общества, на обеспечение оздоровления экологической среды с целью не выживания, а развития человечества. И здесь важно учитывать роль конфессиональных общин, так как по уровню экологической компетентности есть различия между носителями конфессий: буддисты аскриптивно экологичны, для них развит культ единения с природой, понимание циклизма жизни, в то время как христианство отказалось от безоговорочного признания активизма по отношению к природе, проявляется попытка экологизации конфессиональных практик. Было бы ошибочно утверждать, что христианская конфессия является новой экологической силой.

Если речь и заходит о вторжении в сферу экологии, следует придерживаться позиции разделения конфессий и конфессиональных субкультур, точнее, присвоения конфессиональных признаков носителями неконфессионального сознания в целях укрепления авторитета, использования потенциала симпатий верующих, реализацию через конфессию собственной концепции «добрых дел». Католики в Италии, Испании, Венгрии испытывают «обструкцию», так как на их глазах религиозные нормы перестают быть действующими, а церковь занимает оборонительные позиции. В этих условиях есть желание защитить границы конфессии от идейной инвазии, но сложность ситуации состоит в том, что католические общины остро нуждаются в омоложении, чтобы не завершился процесс «естественной смерти».

Вероятно, экологическое сознание в современном мире является внеконфессиональным, но, что парадоксально, носит характер псевдорелигиозности. Напрашивается вывод о субститутном статусе экологического сознания, его значения и роли как замещающего «религиозные потребности». Но в рамках нашего исследования уже обнаружилось, что в соотношении конфессионального фактора и экологического сознания есть барьерный момент, определяемый параллелизмом развития экологического сознания и конфессиональности. В том, что обе реальности имеют активистскую направленность, присутствует очевидность, но в других аспектах проявляются расхождения.

Экологическое сознание только на первый взгляд выглядит спонтанным, идущим от инициативы масс, но это внедряемый образ, так как действуют экономические и политические структуры, которые можно охарактеризовать как глобалистские, для целей которых экологическое сознание выполняет мультипликативную функцию. Во-первых, переход на зеленую экономику означает изменение конфигурации ведущих экономических игроков, которые заявляют о себе в виде глобальных корпораций (Apple, Amazon, Tesla). Завершается уход с глобальной сцены традиционных экономических империй, таких как

«Шелл», «Рено», «Фольксваген». Это связано с тем, что наступил период новых «зеленых» технологий. Но не менее важно, что политика глобальных корпораций, по выражению теоретика миросистемности И. Валлерстайна, не привязана к национальному государству и соответствующим образом ориентирована на освобождение от налоговых, финансовых, социальных обязательств на национальном уровне [Валлерстайн, 2008, с. 126].

Это можно считать вторым выводом: для манипулирования общественным сознанием с целью баллотирования протестов против ухудшения условий и возможностей социальной политики реальных экологических тревог и страхов вместе с заключениями авторитетных экспертов по изменению климата создается ситуация безальтернативности – либо мы принимаем концепцию «зеленого будущего», либо мы обречены на постепенную деградацию и гибель. Не вникая до конца в дискуссию о статусе экспертного знания об обоснованности выносимых суждений и оценок общественному мнению, отметим только, что по логике позднего модерна экспертное знание содержит политические выводы, закрепляет стратегию сокращения потребления возобновляемых ресурсов, предлагая обществу новые технологии, не имеющие потребности привлечения массовой рабочей силы, ориентированные на продукты с высокой степенью добавленной стоимости, следовательно, предопределенно ухудшая положение миллионов людей [Крольман и др., 2020].

Отдельная тема – массовые миграции, которые имеют не только объективные политические и экономические причины (большинство мигрантов – экономические мигранты из стран Азии и Африки, где ситуация экономически не стабильная, но не имеющая признаков «катастрофизма», как, например, Пакистан, Иран, Тунис, Марокко). Требуется доказательства, но является актуальной позиция стимулирования миграции через глобальные политические и экономические структуры с целью создать резервуар дешевой рабочей силы в Европе и через интеграцию мигрантов минимизировать действующие социальные стандарты и нормы. Экологическое сознание в этом контексте является нейтрализующим фактором для антимигрантских настроений, что мы видим на примере Германии, где шок от политики «открытых дверей» А. Меркель сгладился и на уровне политической конкуренции новые правые силы (АДГ) уступают место набирающим популярность «зеленым», которые перешли рамки традиционной экологической проблематики и выступают с позиции перемены немецкой внутренней и внешней политики через диффамацию конкурентов «справа», санкционный режим по отношению к авторитарным государствам (Россия, Китай), предельную либерализацию мигрантской политики. И как конечная цель – создание «Зеленого интернационала», объединение партий политико-экологической направленности на международном и европейском уровнях.

Конфессиональный фактор в этом контексте для «зеленых» является архаичным, имеющим безобидное значение как культурный маркер, но вызывающий неприятие в качестве активной жизненной позиции. Характерно, что «зеленые» являются конкурентами христианским демократам в южногерманских землях (Бавария, Баден-Вюртемберг), где есть формальная приверженность со стороны христианских демократов к христианским ценностям, но позиции католической церкви, консолидирующей конфессиональную общность, существенно подорваны через схему неформальных соглашений, согласно которым католическая церковь занимает оппортунистическую позицию по отношению к однополым бракам, мигрантскому вызову, критике реваншизма и национализма. Иными словами, конфессиональный фактор является непривязанным к экологическому сознанию, а если исходить из политики «зеленых», конфессиональная идентичность мешает занимать продвинутое экологическую позицию.

Характерно, что, поскольку Германия уже является поликультурным и полиэтничным обществом, влияние ислама на этот процесс выражается в том, что с точки зрения авторитетов исламского духовенства Германии, экологическая сфера не относится не только к числу приоритетных в исламском сообществе, но и воспринимается двояко. С одной стороны, одобряется разрушительная деятельность по отношению к традиционным кон-

фессиям, благодаря чему ислам обретает прозелитов среди коренных немцев, с другой – политические и социальные инициативы экологов отвергаются, если представляют риск для сложившейся системы социально-бытовых и семейных отношений в исламском сообществе, а также привлечения исламской молодежи в экологическую активность [Бенхабиб, 2003].

Аналогичная ситуация наблюдается и в соседней Франции, где влияние конфессионального фактора «незаметно», что связано и с историческим опытом секуляризации французского общества в XIX–XX веках, и с вступлением в социальную жизнь молодежи, имеющей отчетливые культурные социально-антропологические различия по показателям этничности, конфессиональности, образования, стиля жизни. Имеется в виду, что современная Франция перестала быть христианским обществом, но нельзя безоговорочно утверждать, что она неотвратимо исламизируется. Исламская тема имеет во Франции несколько не академический характер, поскольку связана с угрозой терроризма со стороны неоисламистов, ростом антисемитизма и, как следствие, политизирована.

В этом контексте экологическое сознание французского общества имеет более скромные масштабы, чем в Германии, «зеленые» являются активной силой, но только одной из множества альтернатив. К тому же французская общественно-политическая традиция связана с защитой социальных и политических прав на индивидуальном и групповом уровне, вопросами социальной поддержки и социального обеспечения, чему также способствует многочисленный слой профсоюзных и общественных активистов, укорененность в студенческой среде анархистских и леворадикальных организаций.

Учитывая это обстоятельство, можно говорить о том, что экологическое сознание в «старой» Европе деконфессионализировано, а в странах-«новичках», принадлежащих к Центральной и Восточной Европе, общественно-политические процессы связаны с поиском путей самоопределения и включения в сложившуюся систему общеевропейских отношений, где экологические инициативы могут восприниматься как «требования из Брюсселя» и, если не подвергнутся критике со стороны правящих политических сил, бойкотироваться на основании экономической и социальной неприемлемости (отказ от зеленой энергетики в Польше с ее опорой на угольное производство).

Схожие нюансы имеет позиция Венгрии, занимающей вместе с Польшей нишу диссидентства в Евросоюзе. Но здесь также следует отметить, что роль конфессионального фактора проявляется в том, что католицизм является культурно-исторической традицией, имеющей закреплённость в коллективном опыте как гарант национального языка, национальной культуры и национальной идентичности. Поэтому феномен экологического сознания воспринимается настороженно, экологические движения не самостоятельны, так как поддерживаются европейскими, находящимися в Брюсселе, структурами и, что важно, имеют популярность среди оппозиционной интеллигенции и на уровне обыденного сознания воспринимаются негативно. Проблема восприятия и оценки европейской идентичности, в которую в настоящий момент включено и экологическое сознание, усугубляется, как мы отмечали, тем, что исламская традиция, получившая распространение в результате эксодуса, не ориентируется на культивирование экологичности и претендует на то, что конфессиональный фактор в чистом виде формировал мировоззренческие позиции. Это относится не только к мигрантам с исламским бэкграундом, но и означает стремление к тому, что европейцы как представители постсекулярного общества обязаны следовать исламским нормам. Призывы к запретительным практикам по отношению к христианским праздникам и обрядам, по существу, определяют перспективы европейской жизни на ближайшие 15–20 лет.

Экологические активисты не посягают на исламский конфессиональный фактор и не пытаются составить ему конкуренцию. Их усилия объективно направлены на дехристианизацию, это объяснимо в контексте ухода конфессионального фактора как христианской традиции в «подполье». Если бы это были «катакомбы» первых христиан поздней

римской эпохи, можно было бы рассуждать о возврате к христианству в будущем, но речь идет как раз о том, что если конфессиональный фактор в Европе и будет играть миссионерскую роль, то как исламский. Экологическое сознание в том виде, в котором оно формируется в современной Европе, вмещается в цикл изменений, создающих принципиально новый облик европейского общества.

Резюме

Таким образом, экологическое сознание как состояние постсекулярного общества не является спонтанным, а формируется, точнее, внедряется в массовое сознание в совокупности с толерантностью, политкорректностью, приоритетом прав меньшинств. Это означает, что конфессиональный фактор в своем традиционном измерении не влияет на культурную профильность европейцев.

В России ситуация складывается несколько иным образом: мощное влияние конфессионального фактора, запечатленного в культурно-историческом наследии и характере внутри цивилизационных связей, определяет обращение к конфессиональности на индивидуальном и групповом уровнях в качестве схемы восприятия и действия по отношению к экологическому сознанию и экологической активности. Вполне логичной является роль властных институтов, действующих по принципу альянсирования с традиционными конфессиями. По внегласному соглашению между конфессиями и государством, им принадлежит ведущая роль в духовном окормлении общества, сохранении морально-нравственных устоев. И несмотря на критику в сервиллизме, лицемерии и безразличии к социальным и политическим проблемам, вырабатывается экологический дискурс, в котором основным является отношение к экологии как сфере совместной заботы общества и государства.

Другое дело, что в силу упомянутых уже экономических и социально-политических обстоятельств контуры действия просматриваются слабо. Но в Европе экология стала сферой политической и информационной войны. Для российского общества, где конфессиональный фактор привязан к доверию россиян на институциональном уровне, конфессии имеют возможности определять модификации вектора экологической политики государства от имени конфессий и в то же время осознавать преемственность экологического сознания в рамках соответствия духовно-нравственным ценностям в приближении к тому, что можно назвать почвой для диалога светских и религиозных россиян в целях общего блага.

Список литературы

1. Бек У. 2001. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию. М., Прогресс-традиция. 303 с.
2. Бенхабиб С. 2003. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. М., Логос. 350 с.
3. Валлерстайн И. 2003. Конец знакомого мира: социология XXI в. М., Логос. 355 с.
4. Гидденс Э. 2003. Устроение общества: Очерк теории структуры. М., Акад. Проект. 525 с.
5. Захарова В.А. 2020. Институциональные барьеры развития экологического поведения российской молодежи. Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки, 13(5): 74–83. DOI: 10.17213/2075-2067-2020-5-74-83
6. Кравченко С.А. 2015. Социологическое знание через призму «стрелы времени»: востребованность гуманистического поворота. М., МГИМО-Университет. 342 с.
7. Крольман М.Л., Косарева Е.С., Дементьев С.А. 2020. Детерминанты и самодетерминанты общественной жизни в российском обществе. Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки, 13(6): 254–263. DOI: 10.17213/2075-2067-2020-6-254-263
8. Малинкович В. Д. 2008. Век вывихнут... Распалась связь времен. М., ИГПИ. 352 с.

9. Уолцер М. 2000. О терпимости. М., Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги. 160 с.
10. Шевченко О. М., Штофер Л. Л. 2020. Экологическое сознание и экологическая культура в решении проблем устойчивого развития современного социума. Гуманитарий Юга России, 9(43)-3: 232–247. DOI: 10.18522/2227-8656.2020.3.17
11. Яницкий О. Н. 2011. Экомодернизация России: теория, практика, перспектива. М., Институт социологии РАН. 344 с.
12. Olenich T.S., Maslova Yu.V., Klimenko T.M., Zakharova V.A., Astakhova A.I., Vodenko K.V. 2019. Eco-Legal Education and Religious Values: The Opportunities of Convergence. Ekoloji, 28 (107): 5045–5048.

References

1. Bek U. 2001. Chto takoe globalizaciya? Oshibki globalizma – otvety na globalizaciyu [What is globalization? The mistakes of globalism – answers to globalization]. М., Progress-tradiciya. 303 p.
2. Benhabib S. 2003. Prityazaniya kul'tury. Ravenstvo i raznoobrazie v global'nyuyu eru [The claims of culture. Equality and diversity in the global era]. М., Publ. Logos. 350 p.
3. Vallerstajn I. 2003. Konec znakomogo mira: sociologiya XXI v. [The End of a familiar world: the sociology of the XXI century.]. М., Publ. Logos. 355 p.
4. Giddens E. 2003. Ustroenie obshchestva: Oчерk teorii strukturacii [Organization of society: An essay on the theory of structuration]. М., Publ. Akad. Proekt. 525 p.
5. Zakharova V. A. 2020. Institutional Barriers to the Development of Environmental Behavior of Russian Youth. Bulletin of the South Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-Economic Sciences, 13(5): 74–83. DOI: 10.17213/2075-2067-2020-5-74-83 (in Russ).
6. Kravchenko S. A. 2015. Sociologicheskoe znanie cherez prizmu «strely vremeni»: vostrebovannost' gumanisticheskogo povorota [Sociological knowledge through the prism of the «arrow of time»: the demand for a humanistic turn]. М., Publ. MGIMO-Universitet. 342 p.
7. Krolman M.L., Kosareva E.S., Dementiev S.A. 2020. Determinanty i samodeterminanty obshchestvennoj zhizni v rossijskom obshchestve Determinants and Self-determinants of Public Life in Russian Society. Bulletin of the South Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-Economic Sciences, 13(6): 254–263. DOI: 10.17213/2075-2067-2020-6-254-263 (in Russ).
8. Malinkovich V. D. 2008. Vek vyvihnut... Raspalas' svyaz' vremen [The century is dislocated... the connection of times has broken up]. М., Publ. IGPI. 352 p.
9. Uolcer M. 2000. O terpimosti [About tolerance]. М., Publ. Ideya-Press, Dom intellektual'noj knigi. 160 p.
10. Shevchenko O.M., Shtofer L.L. 2020. Environmental Awareness and Environmental Culture in Solving the Problems of Sustainable Development of Modern Society. Humanities of the South of Russia, 9(43)-3: 232–247 (in Russ). DOI: 10.18522/2227-8656.2020.3.17
11. Yanickij O.N. 2011. Ekomodernizaciya Rossii: teoriya, praktika, perspektiva [Ecomodernization of Russia: theory, practice, perspective]. М., Publ. Institut sociologii RAN. 344 p.
12. Olenich T.S., Maslova Yu.V., Klimenko T.M., Zakharova V.A., Astakhova A.I., Vodenko K.V. 2019. Eco-Legal Education and Religious Values: The Opportunities of Convergence. Ekoloji, 28(107): 5045–5048.

Конфликт интересов. О потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest. No potential conflict of interest related to this article was reported.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Волохова Елена Викторовна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры юриспруденции Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М.И. Платова, г. Новочеркасск, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Elena V. Volokhova, Doctor of Philosophy, Professor, Associated Professor, Professor, Department of Jurisprudence Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia

Попов Евгений Сергеевич, аспирант кафедры социальных и гуманитарных наук Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М.И. Платова, г. Новочеркасск, Россия

Воденко Константин Викторович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социальных и гуманитарных наук Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М.И. Платова, г. Новочеркасск, Россия

Evgeniy S. Popov, Postgraduate student of the Department of Social Sciences and Humanities, Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia

Konstantin V. Vodenko, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Social Sciences and Humanities, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia)

УДК 299.27

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-4-700-708

Литературно-мифологические архетипы насилия, мира и милосердия в доисламской поэзии и прозе

¹Борисовский А.В., ²Резник С.В.

¹ Белгородский государственный институт искусств и культуры,
Россия, 308033, г. Белгород, ул. Королёва, 7

² Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: reznik@bsu.edu.ru; borisovskiy_a@bsu.edu.ru

Аннотация. В рамках реализации поставленной цели рассмотрена проблема реконструкции архетипов насилия, мира и милосердия, которые легли в основу идеологических конструктов религии ислама. Автор статьи ставит задачу извлечь архетипическую основу, растворенную в арабо-семитской (доисламской) мифологии, ставшую частью священных текстов ислама. Проведенный анализ арабо-семитской мифологии, которая отразилась в арабском языческом пантеоне, мифах и легендах, позволил реконструировать литературно-мифологические сюжетные архетипы доисламской арабской поэзии и прозы. Автор приходит к выводу о том, что архетипы насилия, мира и милосердия, сформированные арабской мифологией, нашли свое отражение в доисламской поэзии и прозе, прославлявших племенной патриотизм доисламских аравийских племен и ценности родоплеменного общества. Исламская теология, ориентированная на универсализм религии ислама, восприняла литературно-мифологические архетипы насилия, мира и милосердия доисламской поэзии и прозы и переработала их в соответствии с потребностями новой монотеистической религии, выходящей далеко за рамки этики племенного патриотизма.

Ключевые слова: арабо-семитская доисламская мифология, джахилийя, касыда, жанры доисламской арабской поэзии, хутба, шаиры, хатибы.

Для цитирования: Борисовский А.В., Резник С.В. 2021. Литературно-мифологические архетипы насилия, мира и милосердия в доисламской поэзии и прозе. NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право, 46(4): 700–708. DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-4-700-708

Literary and Mythological Plot Archetypes of Violence, Peace and Mercy in Pre-Islamic Poetry and Prose

¹Andrey V. Borisovskiy, ²Sergey V. Reznik,

¹ Belgorod State Institute of Arts and Culture,
7 Koroleva St, Belgorod 308033, Russian Federation

² Belgorod National Research University,
85 Pobedy St, Belgorod 308015, Russian Federation
E-mail: reznik@bsu.edu.ru; borisovskiy_a@bsu.edu.ru

Abstract. As part of the implementation of this goal, the problem of reconstruction of the archetypes of violence, peace and mercy, which formed the basis of the ideological constructs of the religion of Islam, is considered. The author of the article sets the task of extracting the archetypal basis, dissolved in the Arab-Semitic (pre-Islamic) mythology, which has become part of the sacred texts of Islam. The author's analysis of the Arab-Semitic mythology, which was reflected in the Arab pagan pantheon, myths and legends, made it possible to reconstruct the literary and mythological archetypes of pre-Islamic Arabic poetry and prose. The author of the article concludes that the archetypes of violence, peace and mercy, formed by Arab mythology, were reflected in pre-Islamic poetry and prose, glorifying the tribal patriotism of pre-Islamic Arabian tribes and the values of tribal society. Islamic theology, focused on the

universalism of the religion of Islam, adopted the literary and mythological plot archetypes of violence, peace and mercy of pre-Islamic poetry and prose and reworked them in accordance with the needs of the new monotheistic religion, going far beyond the ethics of tribal patriotism.

Keywords: peace and mercy, Arab-Semitic pre-Islamic mythology, jahiliyah, qasida, genres of pre-Islamic Arabic poetry, khutba, shaira, khatib.

For citation: Borisovskiy A.V., Reznik S.V. 2021. Literary and Mythological Plot Archetypes of Violence, Peace and Mercy in Pre-Islamic Poetry and Prose. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 46(4): 700–708 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-4-700-708

Введение

В данной статье мы обращаемся к исследованию архетипов насилия, мира и милосердия в арабо-семитской мифологии и генезисе ислама. Наша задача заключается в реконструкции архетипов насилия и ненасилия, которые, по нашему мнению, легли в основу идеологических конструктов религии ислама, извлечении архетипической основы, растворенной в арабо-семитской (доисламской) мифологии, ставшей частью священных текстов ислама. Ключевым для реконструирования архетипической основы концептов насилия, мира и милосердия в доисламской арабо-семитской мифологии является понятие «культурный архетип». В нашем исследовании мы применяем определение «культурного архетипа» К. Юнга, для которого мифология была выражением универсального человеческого коллективного бессознательного [Юнг, 1991, с. 32].

Актуальность обращения к доисламским традициям и верованиям Аравии в контексте генезиса ислама уже к середине XX столетия была признана как зарубежными (Г.Э. фон Грюнебаум [1986] Ф.Э. Петерс [Peters, 1994], А. Массэ [2007]), так и отечественными востоковедами (П.А. Грязневич [1984], М.Б. Пиотровский [1984], Е.А. Резван [1984]). Британский арабист У.М. Уотт в исследовании, посвященном мединскому периоду биографии основателя ислама, относительно доисламской истории Аравии отметил: «Серьезным пробелом является то, что изучение жизни в доисламской Аравии отстает от изучения достижений социальной антропологии... знакомство с доисламской средой является необходимой основой для понимания социальных реформ Мухаммада» [Уотт, 2007, с. 6].

К числу важных выводов, сделанных отечественными исследователями, следует отнести прежде всего рассмотрение ислама как закономерного этапа в развитии форм религиозного сознания жителей Внутренней Аравии [Грязневич, 1984], установление связи между религиозно-реформаторской деятельностью основателя ислама и пророческим движением *кахинов*, сложившимся в Аравии VII в. [Пиотровский, 1984, с. 25], подтверждение положения о том, что ритуальные запреты ислама на употребление вина и свинины, требование поклонения Каабе имеют истоки в языческих верованиях северо-западной и южно-семитской групп [Шифман, 1984, с. 41], установление связи ранней исламской терминологии с доисламскими традициями, которые были трансформированы в свете монотеистических идей [Резван, 1984, с. 65].

Еще в доисламскую эпоху племенной социум в представлениях его членов выступал единственным гарантом сохранения традиционных ценностей. Представители других племен считались чужаками, поэтому находились вне племенных законов. По нашему мнению, здесь, согласно концепции архетипов коллективного бессознательного К.Г. Юнга, проявляется архетип Тень. Функционирование последнего происходит путем проецирования отрицаемых и подавляемых в себе качеств на других, санкционируя насилие в отношении тех, кто не является сородичем, соплеменником, носителем родовых, племенных традиций.

Как отмечает отечественный исследователь К.П. Матвеев, «общепризнанные арабские добродетели объединялись понятием "*муравва*" (обладание качествами мужчины), включавшим такие достоинства, как воинская доблесть, щедрость и верность племенным традициям. Например, закон мести. Кровная месть была и сохраняется в наше время с определенными модификациями. Этот обычай был естественен в патриархальном обществе с его принципом родовой коллективной ответственности за проступки каждого соплеменника. Кровная месть совершалась, дабы возместить ущерб роду и родовому обществу, т. е. одновременно социальной и религиозной ячейке» [Матвеев, 2005, с. 57]. Следует отметить, что обычай кровной мести среди арабов доисламской эпохи служил одним из средств регулирования социальных отношений, защиты жизни индивида или социальной группы в социумах, существующих в условиях отсутствия институтов государственной власти. Обычай кровной мести требовал обязательного возмездия за убийство или нанесение увечий.

В коранической этике и правовой доктрине ислама отсутствует понятие кровной мести, что указывает на то, что последняя является языческим обычаем, не имеющим никакого отношения к религии ислама. «О те, которые уверовали! Предписано вам возмездие за убитых: свободный – за свободного, и раб – за раба, и женщина – за женщину. А кому будет прощено что-нибудь его братом, то – следование по обычаю и возмещение ему во благе» (2: 178) [Коран]. Российский религиозный деятель, исламский ученый, имам-хатыб московской Мемориальной мечети Ш.Р. Аляутдинов ссылается на другой перевод аята 179 Суры 2 «аль-Бакара»: «И для вас, обладатели разума, в *кысасе* (в наказании, соизмеримом со степенью тяжести преступления) – жизнь, возможно вы будете набожны [справедливы в вынесении смертного приговора, когда преднамеренность убийства не вызывает сомнений]»¹. Как видим, в данном переводе вместо «возмездие» используется термин «*кыас*» – «это не месть, а наказание, равноценное урону, нанесенному преступными действиями (равное, соизмеримое с тяжестью преступления)» [там же].

Из вышесказанного следует вывод о том, что вероучение ислама, искореняя языческий обычай кровной мести, переводило насилие в сферу сакрального, т. е. насилие, в данном случае возмездие для преступников, осуществлялось в рамках божественного закона и ограничивалось рамками решений, выносимых шариатскими судами. Смысл насилия, применяемого теократическим государством, каковым являлся Арабский халифат, заключался в том, чтобы донести до населения идею о том, что для преступника, в случае если факт его вины неоспорим, наказание неотвратимо.

Влияние географической среды, природно-климатических и социально-экономических условий Аравии на доисламскую мифологию

Естественно, что географическая среда, природно-климатические и социально-экономические условия проживания жителей Аравии оказывали серьезное влияние на их кругозор и мировоззрение. Религиозно-мифологические представления арабов-язычников складывались под воздействием сложных природно-климатических условий Аравии. Недостаток пастбищных угодий для арабов-бедуинов приводил к голоду, болезням и в конечном счете к вымиранию. Арабские племена вынуждены были вести кровопролитные войны и покидать пределы Аравии. Сопредельные государства постоянно испытывали набеги со стороны кочевников, которые не только подвергали разорению приграничные территории, но и проникали в центральные части, нанося ощутимый ущерб хозяйственной жизни населения данных регионов [Фильштинский, 1977].

¹ Аляутдинов Ш. Кровная месть в Исламе. URL: <https://umma.ru/krovnaja-mest-v-islame/> (дата обращения: 15.09.21).

Арабские племена, по свидетельству исторических источников, постоянно находились в состоянии войны как со своими дальними соседями, так и с ближайшим окружением. Естественно, что сложившиеся социально-экономические условия того времени вынуждали кочевое население Аравии следовать такой стратегии ради выживания. Постоянные войны, которые велись между бедуинами-кочевниками и оседлым населением Аравийского полуострова, не только воспитали в арабах-бедуинах особые черты характера, которые соответствовали образу воина-кочевника, но и вынуждали оседлое население Аравии всегда быть готовым защищать свою жизнь и имущество с оружием в руках.

Воинственность арабов отразилась и в их доисламской мифологии. В частности, многие божества языческого пантеона наделялись военными функциями, как например, божество мужского рода *Зу-ль-Халаса* (араб. идол войны). Культ данного божества отпращивался в Мекке и Табале. В Табале было расположено святилище данного божества, который почитался в виде белокаменного идола с высеченной на нем короной. Внутри самого святилища располагалась статуя воина, вооруженного луком. Точные функции данного языческого божества не известны, однако его название говорит само за себя. Следует отметить, что с приходом на Аравийский полуостров ислама, данное святилище было разрушено, а его идол был переделан в порог, построенной на его месте мечети.

Другим примером является древнеарабская богиня неба и дождя *Аллат*, *ал-Лат* (араб. богиня). В доисламские времена некоторыми этническими группами почиталась как богиня солнца, однако наиболее распространенным был культ почитания Аллат как богини Венеры, поэтому она отождествлялась с древнегреческой богиней Афиной (Уранией). Очевидно, почиталась в качестве владычицы туч и молний, а также связывалась с войной. В Набатее и Пальмире Аллат отождествлялась с древнегреческой богиней Афиной. Сохранились ее изображения как богини-воительницы с копьем, в шлеме, иногда восседающей на троне в окружении львов [Мифологический словарь, 1991].

Из вышесказанного видно, что проблемы войны и мира занимали в древнеарабском, особенно бедуинском, обществе исключительно важное место. Свидетельством тому являются не только религиозные и мифологические образы и сюжеты, но и древнеарабский фольклорный жанр, запечатленный в пословицах и поговорках. Постоянные межплеменные и междоусобные войны, которыми изобилвала история доисламской Аравии, способствовали частому упоминанию оружия в устном творчестве арабов. Например, «меч определил справедливость» – речь идет о приговоре. «Я смотрю на него и на меч», то есть речь идет о том, что тот, на кого обращен взор, так ненавидим, что вызывает только мысли о его убийстве.

Литературно-мифологические сюжетные архетипы

С целью наиболее полного представления об архетипах насилия, мира и милосердия в арабской мифологии и генезисе ислама мы предпринимаем попытку реконструировать литературно-мифологические сюжетные архетипы [Мелетинский, 1994]. Для этого мы должны обратиться к анализу литературы и поэзии доисламской Аравии. Арабская литература своими корнями уходит в устное словесное творчество родоплеменных обществ Аравийского полуострова. Следует отметить тот факт, что в доисламской арабской литературе превалировала поэзия. Среди жанров последней наибольшее распространение получили: *хиджа* – посрамление врагов племени, *фахр* – бедуинское самовосхваление, *сар* – песнь мести, *риса* или *марсия* – похоронная элегия, *насиб* – любовная лирика и *васф* – описание, пейзажная лирика. Следует напомнить, что в древней и средневековой Аравии жанр поэзии был очень популярен, а поэты почитались как обладатели божественного дара. В арабских преданиях запечатлены имена около 125 поэтов конца V – 1-й половины VII столетия: Имру аль-Кайс (500–540), Тарафа (543–569), Аль-Харис ибн Хиллиза аль-Йашкури (ум. 570), Зухайр ибн Аби Сульма (ок. 530 – ок. 627), Антара ибн Шаддад аль-Абси (525–615) и другие.

Исследователи древнеарабской литературы и словесности отмечают талантливость бедуинов-кочевников: «Умение слагать стихи-песни ценилось в бедуинском воине не меньше, чем храбрость на поле боя. Поэт занимал высокое положение в обществе: он был певцом племенной доблести, хранителем его героических традиций. Племя гордилось и дорожило поэтом, умевшим словом защитить его честь и ядовитым стихотворным поношением унизить врага» [Фильштинский, 1985, с. 36]. Можно сказать, что поэтический талант расценивался как ратное искусство: «Поэт-бедуин должен был не только уметь постоять за свое племя с оружием в руках, но и защитить его в поэтическом поединке. Резким и язвительным словом он мог на многие годы заклеить врага, и позор нанесенного оскорбления, как и воинская слава, переходил от отца к сыну» [Фильштинский, 1985, с. 54].

Следует отметить, что доисламская поэзия бедуинов не склонна к описанию душевных переживаний и размышлений, поскольку ее центральным персонажем является бедуин-воин – решительный, безрассудный, не склонный к пустым размышлениям и не задумывающийся о последствиях. Он не похож на персонажей героических эпосов, но вместе с тем терпелив, вынослив, способен стойко сносить как невзгоды кочевого образа жизни, так и удары судьбы. Даже смерть, воспринимаемая как трагедия индивидуальным сознанием, для родового сознания была естественным и даже желательным процессом. Доисламские поэты являются выразителями родоплеменной этики и в своих стихах воспевают бедуинские доблести, такие как храбрость в битве, великодушные, стойкость к невзгодам кочевой жизни.

Нельзя не упомянуть категорию древнеарабских поэтов, которые средневековой традицией были отнесены к так называемым поэтам-бродягам. В своих стихах данные поэты воспевают набеги, в которых они сами принимали участие. Среди данной категории поэтов особо выделяются аш-Шанфара (умер в первом десятилетии VI в.) и Тааббата Шарран (VI в.). Оба поэта воспевают доблести бедуинского родоплеменного общества, носителями которых они сами являлись. В поэме под названием «Лямийя» («Песня пустыни») аш-Шанфар описывает жизнь изгнанника в аравийской пустыне, как он стойко переносит тяготы жизни, а также набеги на кочевья бедуинов и оседлого населения. Поэт всячески превозносит жизнь кочевника-воина, друзьями которого являются только храброе сердце, обнаженный меч и длинный лук [Крачковский, 1955–1956].

Истинное имя Тааббаты Шарран – Сабит ибн Джабир. Прозвище, под которым он вошел в историю древнеарабской словесности, означает «носящий под мышкой зло», поскольку имел привычку таким образом носить меч. Как и аш-Шанфар, он прославился не только своими стихами, но и набегами на кочевья. Как свидетельствуют его стихи, он соблюдал неписанный закон чести бедуинов, то есть прибегал к убийству, только следуя закону кровной мести, и совершал набеги только на племена, которые находились в состоянии войны с племенем, которому он принадлежал. В других своих поэмах, написанных в родственном фахру жанре *мадх* (панегирик), он прославляет бедуинские доблести своих соплеменников.

Анализ творчества древнеарабских поэтов позволяет утверждать, что в их поэмах преобладают в основном жанры, которые прославляют бедуинские воинские доблести. В то же время необходимо отметить одну из важных черт бедуинской поэзии: поэтические произведения поэтов-бедуинов не являются пример оригинальной мысли, отражающей мир фантастических образов. Как раз напротив – их творчество есть реалистичное описание образа жизни бедуинских племен доисламской Аравии. Данная отличительная черта поэзии поэтов-бедуинов позволяет рассматривать их одновременно как историков своей эпохи. В творчестве бедуинских поэтов отразились не только традиции и обычаи бедуинских племен доисламской Аравии, но и период распада родовых связей.

В рамках рассматриваемой нами проблемы следует упомянуть бедуинского поэта-миротворца Зухайра ибн Аби Сульма (ок. 530 – ок. 627), творчество которого почиталось

эталоном разумной умеренности и назидательности. Центральной темой поэзии Зухайра было содействовать установлению мира между родственными племенами абс и зубьян, которые вели многолетнюю ожесточенную войну из-за пастбищных угодий и источников воды. В частности, особое место в творчестве Зухайра занимает поэма, в которой прославляются не достоинства племенной знати и доблести воинов, а его соплеменники-мироотворцы Харим и аль-Харис, способствовавшие установлению мира между племенами [Фильштинский, 1985, с. 88]. Хвалебные строки в адрес Харима и аль-Хариса дополняются осуждением войн, призывами стремиться к миру, прощать дурные поступки.

Жанровые особенности доисламской арабской литературы

Согласно исследованию истории арабской литературы отечественного востоковеда-арабиста И.М. Фильштинского, доисламская Аравия не создала разработанного мифологического комплекса. Данный пробел заполнили дошедшие до наших дней предания, повествующие о многочисленных кровопролитных конфликтах между арабскими племенами и племенными союзами. Представляющие собой довольно широкий пласт, данные предания открывают современным исследователям довольно подробную информацию об общественно-политической ситуации древней Аравии. Целью этих своего рода исторических хроник было сохранение для будущих поколений сведений о героических событиях прошлого и традиционных племенных обычаев и устоев. Данный комплекс преданий служит ценным источником, дающим наиболее полное представление о политической ситуации, быте и нравах жителей доисламской Аравии.

Следует отметить, что поэзия была в большей степени распространена среди бедуинов-кочевников, в то время как проза получила наибольшее распространение среди оседлых племен южных и восточных областей Аравийского полуострова. Отсутствие практически до времени появления ислама в арабской литературе художественной прозы компенсировалось наличием пословиц, поговорок, а также прозаической речи (*хутаб* или *хутба*). Вот какое определение *хутба* дает в своем энциклопедическом словаре «Китабул-камус» средневековый исследователь арабской лексики аль-Фирузабади (ум. 1414): «образная прозаическая речь, написанная, как правило, рифмованной ритмизованной прозой (*садж*), которая произносится при большом собрании людей красноречивым человеком с целью повлиять на слушателей, убедить их в чем-либо, призвать к каким-либо действиям или же просто развлечь» [цит. по: Гаффорова, 2015, с. 92].

В средневековой Аравии, находящейся в сложной общественной и политической ситуации, усугубляющейся непрекращающимися межплеменными конфликтами и междоусобными войнами, призванием как поэта, так и оратора была защита племени при помощи искусного слога. Разница заключалась лишь в том, что поэт был призван прославлять (свое племя) и порицать (врагов племени), тогда как призванием оратора было примирять и убеждать. Не случайно, что с утратой чувств племенного патриотизма среди основной массы поэтов, ораторы заполнили эту нишу и заняли достойное место в общественной и политической жизни средневековой Аравии.

Основные виды *хутбы* сложились в доисламский период и в последующем получили детальную проработку и нашли широкое применение в период правления четырех праведных халифов. К числу основных разновидностей доисламской прозаической речи относятся следующие: «1. Политическое красноречие (ал-хитаба ас-сийасийа): а) военная речь (*ал-хутба ал-харбиййа*); б) речи послов при исполнении дипломатической миссии (*хутаб ал-вуфуд*); в) речи, призывающие к миру (*хутаб-ас-сулх*). 2. Общественное красноречие (*ал-хитаба ал-иджтима'иййа*): а) речи, произносимые на торжествах бракосочетания (*хутаб ан-никах*); б) словесные состязания в целях самовосхваления (*муфахара* или

мунафара); в) речи, выражающие соболезнование (*хутаб ат-та'зиййа*); г) речи, имеющие цель примирить враждующие стороны (*ислах зат ал-бейн*); д) завещательные речи (*васайа*). 3. Религиозное красноречие: а) религиозные проповеди (*хутаб диниййа*); б) рифмованная проза *кахинов (садж' ал-куххан)*» [Гаффорова, 2015, с. 94]. Таким образом, художественные особенности доисламской хутбы свидетельствуют о том, что она представляет собой особый тип арабской доисламской словесности, связанный с самыми злободневными проблемами политической, социальной и идейно-религиозной жизни арабов эпохи джахилийи.

«Мифологическое» насилие, практикуемое в среде аравийских племен доисламской эпохи (*джахилийи*), сменяется нравственно-правовым насилием теократического государства с его интуициями божественного закона (шариата) и идеи божественной справедливости. Заключенные в пространство халифата, они становятся координатами движения энергии насилия. От оппозиции естественного и неестественного, силы и насилия, справедливого и несправедливого практики насилия в следующую эпоху оформляются в религиозно-нравственное принуждение. Последнее, в свою очередь, трансформируется в политическое насилие, которое в своих ранних формах раскрывается в концептах джихада, а позднее – исламской революции [Борисов, 2013].

Заключение

Подводя итог, следует отметить, что архетипы насилия, мира и милосердия, сформированные арабской мифологией, нашли свое отражение в доисламской поэзии и прозе, прославлявших племенной патриотизм доисламских аравийских племен и ценности родоплеменного общества. Исламская теология, ориентированная на универсализм религии ислама, восприняла литературно-мифологические сюжетные архетипы доисламской поэзии и прозы и переработала их в соответствии с потребностями новой монотеистической религии, выходящей далеко за рамки этики племенного патриотизма. Перенесенные на почву теократического государства, идеологемы насилия, мира и милосердия получают статус религиозно-нравственного принуждения, не устраняющего насилие, но ограничивающего его рамками религиозно-правовых норм ислама.

Список литературы

1. Борисов С.Н. 2013. Феномен насилия в культурно-антропологических практиках и философской антропологии. Белгород, ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 252 с.
2. Гаффорова У.А. 2015. Особенности арабской средневековой прозы (*хитаба*) в доисламский период. Ученые записки, 4 (45): 92–96.
3. Грюнебаум Г.Э. фон 1988. Классический ислам. Очерк истории, 600–1258. М., Наука, 216 с.
4. Грязневич П. А. 1984. Проблемы изучения истории возникновения ислама. В кн.: Ислам. Религия, общество, государство. Отв. редакторы П.А. Грязневич и С.М. Прозоров. М., Наука: 5–18.
5. Крачковский И.Ю. 1955–1960. Избранные сочинения в 6 т. Т. 2. Арабская средневековая художественная литература (поэзия и проза). М.-Л., Издательство Академии наук СССР, 712 с.
6. Массе А. 2007. Ислам: Очерк истории. М., Крафт+, 200 с.
7. Матвеев К.П. 2005. История ислама. М., АСТ: Восток-Запад, 254 с.
8. Мелетинский Е.М. 1994. О литературных архетипах. М., Российский государственный гуманитарный университет, 136 с.
9. Мифологический словарь. 1991. Гл. ред. Е.М. Мелетинский. М., Сов. энцикл., 736 с.
10. Пиотровский М.Б. 1984. Пророческое движение в Аравии VII в. В кн.: Ислам. Религия, общество, государство. М., Наука: 19–27.
11. Резван Е.А. 1984. Адам и бану адам в Коране (к истории понятий «первочеловек» и «первочеловечество»). В кн.: Ислам. Религия, общество, государство. М., Наука: 59–68.

12. Резван Е.А. 1984. Коран и доисламская культура (проблема методики изучения). В кн.: Ислам. Религия, общество, государство. М., Наука: 44–58.
13. Уотт У.М. 2007. Мухаммад в Медине. М.-СПб., ДИЛЯ, 480 с.
14. Фильштинский И.М. 1977. Арабская литература в средние века. Т. 1. Словесное искусство арабов в древности и раннем Средневековье. М., Восточная литература, 291 с.
15. Фильштинский И.М. 1985. История арабской литературы V – начало X века. Отв. ред. Б.Я. Шидфар. М., Главная редакция восточной литературы, 531 с.
16. Шифман И.Ш. 1984. О некоторых установлениях раннего ислама. В кн.: Ислам. Религия, общество, государство. М., Наука: 36–43.
17. Юнг К. Г. 1991. Архетип и символ. М., Ренессанс, 304 с.
18. Peters F. E. 1994. Muhammad and the origins of Islam. New York, State University of New York press, 339 p.

References

1. Borisov S.N. 2013. Fenomen nasiliya v kul'turno-antropologicheskikh praktikah i filosofskoj antropologii. [The phenomenon of violence in cultural and anthropological practices and philosophical anthropology]. Belgorod, ID «Belgorod» NIU «BelGU», 252 p.
2. Gafforova U.A. 2015. The features of medieval Arabic prose (Hitba) in pre-Islamic period. Scinetic Notes. Seriya gumanitarno-obshchestvennyh nauk, 4 (45): 92–96.
3. Gryaznevich P.A. 1984. Problemy izucheniya istorii vozniknoveniya islama. [Problems of studying the history of the emergence of Islam]. In: Islam. Religiya, obshchestvo, gosudarstvo. [Religion, society, state]. Editors P.A. Gryaznevich and S.M. Prozorov. M., Publ. Nauka: 5–18.
4. Gryunebaum G.E. fon 1988. Klassicheskij islam. Ocherk istorii, 600–1258. [Classical Islam. History Essay, 600–1258]. M., Publ. Nauka, 216 p.
5. Krachkovskij I.YU. 1956. Izbrannye sochineniya. [Selected works]. In 6 vols. Vol. 2. Arabskaya srednevekovaya khudozhestvennaya literatura (poehziya i proza). [Arabic medieval fiction (poetry and prose)]. M.-L., Publ. Akademii nauk SSSR, 712 p.
6. Masse A. 2007. Islam: Ocherk istorii. [Islam: An Outline of History] M., Publ. Kraft+, 200 p.
7. Matveev K.P. 2005. Istoriya islama. [History of Islam]. M., AST: Vostok-Zapad, 254 p.
8. Meletinskij E.M. 1994. O literaturnyh arhetipah. [About literary archetypes] M., Publ. Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet, 136 p.
9. Mifologicheskij slovar'. [Mythological Dictionary] 1991. Ed. E.M. Meletinskij. M., Publ. Sov. encikl., 736 p.
10. Piotrovskij M. B. 1984. Prorocheskoe dvizhenie v Aravii VII v. [The Prophetic Movement in seventh-century Arabia]. In: Islam. Religiya, obshchestvo, gosudarstvo. [Religion, society, state]. M., Publ. Nauka: 19–27.
11. Rezvan E. A. 1984. Adam i banu adam v Korane (k istorii ponyatij «pervoche lovek» i «pervoche lovechestvo»). [Adam and Banu Adam in the Quran (on the history of the concepts of "first man" and "first manhood")]. In: Islam. Religiya, obshchestvo, gosudarstvo. [Religion, society, state]. M., Publ. Nauka: 59–68.
12. Rezvan E. A. 1984. Koran i doislamskaya kul'tura (problema metodiki izucheniya). [The Quran and pre-Islamic culture (the problem of the methodology of study)]. In: Islam. Religiya, obshchestvo, gosudarstvo. [Religion, society, state]. M., Publ. Nauka: 44–58.
13. Uott U. M. 2007. Muhammad v Medine. [Muhammad in Medina] SPb., Publ. DILYA, 480 p.
14. Fil'shtinskij I. M. 1977. Arabskaya literatura v srednie veka. [Arabic literature in the Middle Ages]. Vol. 1. Slovesnoe iskusstvo arabov v drevnosti i rannem Srednevekov'e. [The verbal art of the Arabs in antiquity and the early Middle Ages]. M., Publ. Vostochnaya literatura, 291 p.
15. Fil'shtinskij I. M. 1985. Istoriya arabskoj literatury V – nachalo X veka. [History of Arabic literature V – the beginning of the X century] Ed. B.YA. SHidfar. M., Publ. The Main editorial office of Oriental Literature, 531 p.

16. SHifman I. SH. 1984. O nekotoryh ustanovleniyah rannego islama. [About some of the institutions of early Islam]. In: Islam. Religiya, obshchestvo, gosudarstvo. [Religion, society, state]. M., Publ. Nauka: 36–43.
17. Yung K.G. 1991. Arhetip i simbol. [Archetype and symbol]. M., Publ. Renessans, 304 p.
18. Peters F.E. 1994. Muhammad and the origins of Islam. New York, State University of New York press, 339 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Борисовский Андрей Владимирович, аспирант кафедры философии, культурологии, науковедения Белгородского государственного института искусств и культуры, г. Белгород, Россия

Резник Сергей Васильевич, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Andrey V. Borisovsky, Postgraduate student at the Department of Philosophy, Cultural Studies and Science, Belgorod State Institute of Arts and Culture, Belgorod, Russia

Sergey V. Reznik, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy and Theology, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ACTUAL PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

УДК 342.734

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-4-709-714

Проблемы реализации конституционного права трудящихся-мигрантов в Российской Федерации на охрану здоровья и медицинскую помощь в связи с пандемией COVID-19

Дизер О. А.

Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина
Россия, 308024, г. Белгород, ул. Горького, 71
E-mail: belui@mvd.ru

Аннотация. В 2020–2021 годах пандемия COVID-19 внесла значительные коррективы в миграционные процессы, обнажив проблему получения бесплатной медицинской помощи иностранными гражданами и апатридами, временно пребывающими на территории России, что указывает на пробел в системе внутригосударственных правовых гарантий. В связи с повышенным риском заражения тяжелым заболеванием проблема приобрела тревожную направленность. Автором проведен анализ правоприменительной практики оказания бесплатной медицинской помощи трудовым мигрантам с целью выявления проблемных вопросов, связанных с нарушением их конституционных прав в сфере охраны здоровья и защиты конституционного права человека на жизнь. Сделан вывод о целесообразности заключения международных договоров с государствами-донорами иностранной рабочей силы о равных правах граждан государства и трудящихся-мигрантов в получении бесплатной медицинской помощи.

Ключевые слова: трудящийся-мигрант, правозащитная деятельность, пандемия коронавируса, санитарно-эпидемиологическая ситуация, медицинская помощь, полис добровольного медицинского страхования.

Для цитирования: Дизер О.А. 2021. Проблемы реализации конституционного права трудящихся-мигрантов в Российской Федерации на охрану здоровья и медицинскую помощь в связи с пандемией COVID-19. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право, 46(4): 709–714. DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-4-709-714

Problems of Realization of the Constitutional Right of Migrant Workers in the Russian Federation to Health Protection and Medical Care in Connection with the COVID-19 Pandemic

Oleg A. Dizer

I.D. Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
71 Gorky St, Belgorod 308024, Russian Federation
E-mail: belui@mvd.ru

Abstract. In 2020–2021, the COVID-19 pandemic made significant adjustments to migration processes, exposing the problem of receiving free medical care for foreign citizens and stateless persons temporarily

staying in Russia, which indicates a gap in the system of domestic legal guarantees. Due to the increased risk of contracting a serious disease, the problem has acquired an alarming orientation. In this regard, the author analyzes the law enforcement practice of providing free medical care to migrant workers in order to identify problematic issues related to the violation of their constitutional rights in the field of health protection. The conclusion is made about the expediency of concluding international agreements with the donor states of foreign labor on the equal rights of citizens of the state and migrant workers in receiving free medical care.

Keywords: migrant worker, human rights activities, coronavirus pandemic, sanitary and epidemiological situation, medical care, voluntary health insurance policy.

For citation: Dizer O.A. 2021. Problems of Realization of the Constitutional Right of Migrant Workers in the Russian Federation to Health Protection and Medical Care in Connection with the COVID-19 Pandemic. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 46(4): 709–714 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-4-709-714

Введение

Вопросы правозащитной деятельности, вопросы защиты прав как своих граждан, так и всех, находящихся на территории государства, наиболее остро встают в критические моменты жизнедеятельности как отдельных государств, так и всего мирового сообщества в целом, стимулируют развитие комплексных правовых подходов как «плодотворных идей» [Тонков, Синенко, 2016а; 2016б]. В 2020–2021 годах пандемия коронавируса внесла значительные коррективы в миграционные процессы. Закрытие границ и прекращение авиа- и железнодорожного сообщения между странами, а также введение карантинных мероприятий привели к тому, что мигранты, оказавшиеся в этот момент в Российской Федерации, не смогли вернуться в государства постоянного проживания [Рязанцев, Молодикова, Брагин, 2020].

Эти правовые ограничения [Макогон et al., 2019b] коснулись и лиц, незаконно пребывающих в Российской Федерации. В период с 15 марта по 15 сентября 2020 года в отношении нарушителей миграционного законодательства не принимались судебные решения об их административном выдворении за пределы Российской Федерации. В то же время в связи с распространением COVID-19 санитарно-эпидемиологическая ситуация в местах массового пребывания мигрантов стремительно ухудшалась. Следствием этого стало проведение в июле 2020 года в ряде субъектов Российской Федерации трудовыми мигрантами несанкционированных протестных мероприятий¹ Только совместные усилия правоохранительных органов, консульских учреждений и национальных диаспор позволили организовать работу по тестированию и вакцинации иностранцев, оказанию им медицинской помощи, а также частично решить проблему возвращения трудовых мигрантов в государства постоянного проживания [Водопетов, 2021].

В рамках разработки практических предложений по недопущению подобных инцидентов проведен анализ правоприменительной практики оказания бесплатной медицинской помощи трудовым мигрантам с целью выявления проблемных вопросов, связанных с нарушением их конституционных прав в сфере охраны здоровья и защиты конституционного права человека на жизнь.

Социально-правовые проблемы трудящихся-мигрантов при получении медицинской помощи

Юридические гарантии прав иностранных граждан и апатридов определяются Конституцией Российской Федерации, в соответствии с которой для них установлен нацио-

¹ Интернет-портал СНГ «Пространство интеграции». URL: <https://e-cis.info/cooperation/3782/91012/> (дата обращения 01.12.2021).

нальный правовой режим, который можно считать элементом юридической процессуальной формы [Makogon et al., 2019a]. В то же время проводимый мониторинг показывает, что социальные права трудовых мигрантов до пандемии и в настоящее время реализуются не в полной мере. Это касается и такой важной сферы, как охрана здоровья мигрантов.

Общий порядок оказания медицинской помощи мигрантам закреплен в Федеральном законе Российской Федерации от 29 ноября 2010 года № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» и относится к застрахованным лицам, в отношении которых распространяется обязательное медицинское страхование, в том числе, иностранным гражданам, временно или постоянно проживающих в Российской Федерации. Это могут быть как работающие по трудовому договору, так и самозанятые иностранцы, а также безработные мигранты, состоящие на учете в соответствии с законодательством о занятости [Евтушенко, Дуюн, 2015б].

В иных случаях мигранту, временно пребывающему на территории Российской Федерации, для получения медицинской помощи, за исключением четко оговоренных случаев срочного операционного вмешательства, необходимо оформить полис добровольного медицинского страхования, что предусмотрено постановлением правительства Российской Федерации¹. Это сопряжено со значительными материальными расходами и, как правило, иностранные граждане приобретают его в редких случаях [Григорьева, 2018]. С началом пандемии COVID-19 в связи с повышенным риском заразиться тяжелым заболеванием данная проблема приобрела тревожную направленность.

Отсутствие возможности получить бесплатную медицинскую помощь у иностранных граждан и апатридов, временно пребывающих на территории России, является зримым пробелом в системе внутригосударственных правовых гарантий, что, впрочем, свойственно не только Российской Федерации [Markhgeym et al., 2019]. Следствием является высокая смертность мигрантов в результате несчастных случаев на производстве и в быту, острых и инфекционных заболеваний и т. д. Данная тенденция характерна не только для России².

Отдельным аспектом проблемы являются риски для санитарно-эпидемиологического благополучия населения, которые могут создавать трудовые мигранты. Экспертами отмечалось, что стесненные, как правило, условия проживания трудящихся-мигрантов в России способствуют ускоренному распространению инфекционных заболеваний. В то же время в открытых источниках отсутствует единая статистика по мигрантам в РФ заболевшим как коронавирусом, так и другими заболеваниями³.

О большем риске мигрантов заразиться инфекционными заболеваниями в связи с плохими условиями проживания и невозможностью пользоваться в полном объеме медицинской помощью было заявлено и в первом в истории докладе всемирной организации здравоохранения о состоянии здоровья мигрантов в Европейском регионе. По мнению европейского регионального бюро ВОЗ, одним из путей решения данной проблемы может стать предоставление новоприбывшим мигрантам возможности сделать вакцина-

¹ Постановление правительства Российской Федерации от 6 марта 2013 года № 186 «Об утверждении Правил оказания медицинской помощи иностранным гражданам на территории Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <pravo.gov.ru> (дата обращения 03.12.2021).

² Миграция и здоровье. Информационные бюллетени Всемирной организации здравоохранения о целях в области устойчивого развития: задачи, связанные со здоровьем. URL: <migration-health-rus.pdf (who.int)> (дата обращения 06.12.2021).

³ Болеть уже некому: Сколько мигрантов заразилось коронавирусом в России. URL: <http://zen.yandex.ru/media/osnmedia/bolet-uje-nekomu-skolko-migrantov-zarazilos-koronavirusom-v-rossii-5f2abc8166ca0e557c713963> (дата обращения 01.12.2021).

цию, особенно мигрантам из тех стран, в которых возникают проблемы в прохождении данной процедуры¹.

В Российской Федерации, несмотря на сложную эпидемиологическую обстановку по COVID-19, решение о непременном наличии сертификата о вакцинации или обязательной вакцинации прибывающих на территорию Российской Федерации с целью трудовой деятельности иностранных граждан и лиц без гражданства до сих пор не принято. Во вступающем в силу с 1 марта 2022 года приказе Министерства здравоохранения Российской Федерации, несмотря на общее ужесточение требований к медицинскому освидетельствованию трудовых и прибывших на срок более 90 суток мигрантов, вопросы вакцинации не рассматриваются. В данном нормативном акте COVID-19 только внесен, наряду с ВИЧ, туберкулезом и так далее, в перечень инфекционных заболеваний, опасных для окружающих².

Следует учитывать, что обязательному медицинскому освидетельствованию на предмет наличия инфекционных заболеваний, представляющих опасность для окружающих, подлежат категории мигрантов, прибывших в Россию для работы, временного или постоянного проживания. Соответственно, в 2020 году в общем миграционном потоке (5,8 млн чел.) доля иностранцев, прошедших обязательное медицинское освидетельствование (1,5 млн чел), составила около 26 %³. Непрошедшие медицинское освидетельствование мигранты в силу такого повышенного уровня заболевших в своей среде представляют большую потенциальную угрозу для принимающего их общества.

Заключение

Таким образом, исключение преобладающей части мигрантов из системы медицинского освидетельствования и обязательного медицинского страхования ограничивают гарантии их прав на всестороннюю медицинскую помощь. Данная проблема приобрела тревожную направленность во время пандемии коронавирусной инфекции 2020–2021 гг. В то же время нормативно-правовое закрепление возможности оказания полной медицинской помощи всем иностранным гражданам и лицам без гражданства, законно находящимся на территории Российской Федерации несмотря на то, что это потребует дополнительных финансовых и организационных ресурсов, будет соответствовать правозащитной направленности российского законодательства и отвечать социально-экономическим потребностям государства [Евтушенко, Дуюн, 2015а].

¹ Первый в истории доклад ВОЗ о состоянии здоровья перемещенных лиц в Европе демонстрирует, что мигранты и беженцы подвергаются большему риску развития недугов, чем местное население. URL: <https://www.euro.who.int/ru/media-centre/sections/press-releases/2019/migrants-and-refugees-at-higher-risk-of-developing-ill-health-than-host-populations-reveals-first-ever-who-report-on-the-health-of-displaced-people-in-europe> (дата обращения 01.12.2021).

² Приказ министерства здравоохранения Российской Федерации от 19 ноября 2021 года № 1079н «Об утверждении Порядка проведения медицинского освидетельствования, включая проведение химико-токсикологических исследований наличия в организме иностранного гражданина или лица без гражданства наркотических средств или психотропных веществ либо новых потенциально опасных психоактивных веществ и их метаболитов, на наличие или отсутствие у иностранного гражданина или лица без гражданства инфекционных заболеваний, представляющих опасность для окружающих, и заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции), формы бланка и срока действия медицинского заключения об отсутствии факта употребления...» (документ не вступил в силу). Зарегистрировано в Минюсте РФ 30 ноября 2021 года. Регистрационный № 66070. // Официальный интернет-портал правовой информации. <pravo.gov.ru> (дата обращения 05.12.2021).

³ Интернет-портал СНГ «Пространство интеграции». URL: <https://e-cis.info/cooperation/3782/91012/> (дата обращения 01.12.2021).

Представляется целесообразным заключение международных договоров с государствами – донорами иностранной рабочей силы о равных правах в получении бесплатной медицинской помощи. В связи со сложной эпидемиологической обстановкой по COVID-19 необходимо рассмотреть включение в состав обязательного медицинского освидетельствования проведение теста на антитела и обязательной вакцинации для невакцинировавшихся и не переболевших мигрантов, прибывших на территорию России с целью осуществления трудовой деятельности, а также обратившихся за получением разрешения на временное проживание, вида на жительство либо для получения статуса беженца или временного убежища. Также в целях имплементации норм международного права в национальное законодательство необходимо закрепить международно-правовое понятие «трудящийся-мигрант» в Федеральном законе «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и других отечественных правовых актах.

Список литературы

1. Водопетов С.А. 2021. Влияние пандемии COVID-19 на социально-экономическое положение иностранных трудовых мигрантов в Российской Федерации. *Социология*, 2: 153–157.
2. Григорьева К.С. 2018. Добровольное медицинское страхование иностранных трудовых мигрантов в России. *Социологическая наука и социальная практика*, 6 (3): 152–164. DOI: 10.19181/snsp.2018.6.3.6008
3. Евтушенко В.И., Дуюн С.И. 2015а. Конституционно-правовой статус иностранного гражданина и лица без гражданства в Российской Федерации: проблемы определения. *Право и политика*, 1: 94–98. DOI: 10.7256/1811-9018.2015.1.10030
4. Евтушенко В.И., Дуюн С.И. 2015б. Об определении общего правового статуса мигранта. *Современное право*, 5: 35–39.
5. Исаева Н.Ю. 2014. Мигранты как внешний фактор экологического влияния при туберкулезе. *Инфекция и иммунитет*, 4 (4s): 18–23.
6. Рязанцев С.В., Молодикова И.Н., Брагин А.Д. 2020. Влияние пандемии COVID-19 на положение мигрантов на рынках труда стран СНГ. *Балтийский регион*, 12 (4): 10–38.
7. Тонков Е.Е., Синенко В.С. 2016-а. Комплексные отрасли в системе права и системе законодательства. *Журнал российского права*, 11 (239): 5–12.
8. Тонков Е.Е., Синенко В.С. 2016-б. Комплексные отрасли права: плодотворная идея или отказ от формальной определенности в правовой науке? *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право*, 2 (25): 53–75.
9. Makogon B.V., Markhgeim M.V., Minasyan A.A., Nintsieva T.M., Novikova A.E. 2019-a. Legal form of action: the issues of content and methodology. *Revista Inclusiones*, 6 (S2-5): 402–409.
10. Makogon B.V., Markhgeim M.V., Minasyan A.A., Novikova A.E., Yarychev N.U. 2019-b. Logical classification of legal procedural restrictions. *Revista Inclusiones*, 6 (S2-5): 395–401.
11. Markhgeim M.V., Novikova A.E., Tonkov E.E., Evtushenko V.I., Zagaynova G.G. 2019. Constitutional and legal aspect of the legal experiment of migration regulation in the Russian Federation and Germany. *Humanities & Social Sciences Reviews*, 7 (5): 1031–1034.

References

1. Vodopetov S.A. 2021. Vliyanie pandemii COVID-19 na social'no-jekonomicheskoe polozhenie inostrannykh trudovykh migrantov v Rossijskoj Federacii [Impact of the COVID-19 pandemic on the socio-economic situation of foreign labor migrants in the Russian Federation]. *Sociologija*, 2: 153–157.
2. Grigor'eva K.S. 2018. Voluntary Health Insurance of Foreign Migrant Workers in Russia. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*, 6 (3): 152–164 (in Russian). DOI: 10.19181/snsp.2018.6.3.6008
3. Evtushenko V.I., Dujun S.I. 2015. Konstitucionno-pravovoj status inostrannogo grazhdanina i lica bez grazhdanstva v Rossijskoj Federacii: problemy opredelenija [Constitutional and legal status of a foreign citizen and stateless person in the Russian Federation: problems of definition]. *Pravo i politika*, 1: 94–98. DOI: 10.7256/1811-9018.2015.1.10030

4. Evtushenko V. I., Dujun S.I. 2015. Ob opredelenii obshhego pravovogo statusa migrant [On the determination of the general legal status of a migrant]. *Sovremennoe pravo*, 5: 35–39.
5. Isaeva N.Ju. 2014. Migranty kak vneshnij faktor jekologicheskogo vlijaniya pri tuberkuleze [Migrants as an external factor of environmental impact in tuberculosis]. *Infekcija i immunitet*, 4 (4s): 18–23.
6. Rjazancev S.V., Molodikova I.N., Bragin A.D. 2020. Vlijanie pandemii COVID-19 na polozhenie migrantov na rynkah truda stran SNG [Impact of the COVID-19 pandemic on the situation of migrants in the labor markets of the CIS countries]. *Baltijskij region*, 12 (4): 10–38.
7. Tonkov E.E., Sinenko V.S. 2016-a. Kompleksnye otrasli v sisteme prava i sisteme zakonodatel'stva. [Complex industries in the system of law and legislation]. *Zhurnal rossijskogo prava*, 11 (239): 5–12 (in Russian)
8. Tonkov E.E., Sinenko V.S. 2016-b. Kompleksnye otrasli prava: plodotvornaja ideja ili otkaz ot formal'noj opredelennosti v pravovoj nauke? [Complex branches of law: a fruitful idea or a rejection of formal certainty in legal science?]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Pravo*, 2 (25): 53–75.
9. Makogon B.V., Markhgeim M.V., Minasyan A.A., Nintsieva T.M., Novikova A.E. 2019-a. Legal form of action: the issues of content and methodology. *Revista Inclusiones*, 6 (S2-5): 402–409.
10. Makogon B.V., Markhgeym M.V., Minasyan A.A., Novikova A.E., Yarychev N.U. 2019-b. Logical classification of legal procedural restrictions. *Revista Inclusiones*, 6 (S2-5): 395–401.
11. Markhgeym M.V., Novikova A.E., Tonkov E.E., Evtushenko V.I., Zagaynova G.G. 2019. Constitutional and legal aspect of the legal experiment of migration regulation in the Russian Federation and Germany. *Humanities & Social Sciences Reviews*, 7 (5): 1031–1034.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дизер Олег Александрович, заместитель начальника Белгородского юридического института МВД России им. И.Д. Путилина (по научной работе), доктор юридических наук, доцент, полковник полиции, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Oleg A. Dizer, Deputy Head of the I.D. Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (for scientific work), Doctor of Law, Associate Professor, Police Colonel, Belgorod, Russia

УДК 340.121

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-4-715-721

Е.Н. Трубецкой о соотношении права и нравственности

Кравец К.В.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
308000, Россия, г. Белгород, ул. Победы, д. 85
E-mail: kravets.kst@gmail.com

Аннотация. Представлен анализ взглядов российского правоведа и философа Евгения Николаевича Трубецкого (1863–1920) на проблему соотношения норм права и нравственности в социальном регулировании. Е.Н. Трубецким предложена концепция нравственного идеализма, выступающая одной из вариаций естественно-правовой доктрины, признающей наличие права позитивного (положительного) и права нравственного (естественного). Определяющей проблемой философии права – вопросом, от которого зависит дальнейшее развитие юриспруденции, ученый считал определение вечного начала нравственности, так называемого «закона добра», поиск его источника и допустимость эволюции. Он был противником господствующего в русской либерально-правовой науке эволюционного направления, сторонники которого не признавали вечного начала, лежащего в основе нравственности. Право и нравственность в учении Трубецкого связаны идеей объективного и всеобщего добра, составляющего смысл и цель человеческой жизни.

Ключевые слова: Е.Н. Трубецкой, право, нравственность, всеобщее добро, всеединство, концепция, теория.

Для цитирования: Кравец К.В. 2021. Е.Н. Трубецкой о соотношении права и нравственности. НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право, 46 (4): 715–721. DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-4-715-721

E.N. Trubetskoy on the Relationship of Law and Morality

Kravets K.V.

Belgorod National Research University
85 Pobedy St, Belgorod 308000, Russia
E-mail: kravets.kst@gmail.com

Annotation. The article analyzes the views of the famous Russian jurist and philosopher Evgeny Nikolaevich Trubetskoy (1863-1920) on the problem of the correlation of law and morality in social regulation. E.N. Trubetskoy was a prominent representative of the concept of unity, the founder of which in Russian philosophical thought was V.S. Solovyov. The axiological trinity of truth, goodness and beauty was recognized as the basis of the metaphysics of unity. On this theoretical postulate, E.N. Trubetskoy built his concept of moral idealism, acting as one of the variations of the natural law doctrine recognizing the existence of positive (positive) law and moral (natural) law, the defining problem of the philosophy of law - the question on which the further development of jurisprudence depends, the scientist considered the definition of the eternal principle of morality, the so-called "law of good", the search for its source and the permissibility of evolution. He was an opponent of the evolutionary trend prevailing in Russian liberal legal science, whose supporters did not recognize the eternal principle underlying morality. Law and morality in Trubetskoy's teaching are connected by the idea of objective and universal goodness, which constitutes the meaning and purpose of human life.

Keywords: E.N. Trubetskoy, law, morality, universal goodness, unity, concept, theory.

For citation: Kravets K.V. 2021. E.N. Trubetsky on the Relationship of Law and Morality. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 46(4): 715–721 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-4-715-721

Введение

Проблема соотношения права и морали сопровождает развитие юридической науки со времени ее зарождения. Становление в России юридического университетского образования способствовало появлению оригинальных концепций правопонимания, каждая из которых так или иначе затрагивала эту тему. Практически во всех работах (лекциях) по энциклопедии права [Чичерин, 1900; Петражицкий, 1907; Суворов, 1907; Трубецкой, 1907; Коркунов, 1909; Тарановский, 2001] содержались разделы о соотношении права и нравственности в регулировании социальных отношений, освещались проблемы христианской философии права и его нравственного обоснования.

В современной историографии проблема нравственно ориентированного права и история развития российской доктрины о соотношении права и морали исследовалась в работах Т.Ю. Шидловской [1995]; В.Г. Графского [1998]; В.С. Горбаня [2017]; Е.В. Сафроновой [2020]; А.И. Овчинникова [2020]; О.И. Цибулевской [2004] и др.

Особый научный интерес представляет изучение различных направлений российской юридической доктрины, сфокусированной на тему соотношения права и нравственности. В последние десятилетия стали появляться работы, посвященные анализу взглядов ряда видных представителей дореволюционной политико-правовой мысли, в частности: И.А. Ильина [Сазонова, 1998], Л.И. Петражицкого [Поснов, 2006], С.Л. Франка [Фомина, 2010]; В.С. Соловьева [Кравец, 2018], Н.А. Бердяева [Сафронов, 2020], А.С. Яценко [Кравченко, 2015] и др. В этой связи немалый интерес представляет исследование концепции нравственного идеализма Е.Н. Трубецкого.

Евгений Николаевич Трубецкой (1863–1920) – крупный российский ученый-правовед, видный общественно-политический деятель, философ и публицист. По убеждению С.Н. Булгакова: «Евгений Николаевич Трубецкой являлся нелицемерным и верным исповедником христианской веры»¹ [Булгаков, 1920]. В этой краткой фразе выражено магистральное направление творческой деятельности ученого. Е.Н. Трубецкой был ярким представителем концепции всеединства, основоположником которой в русской философской мысли был В.С. Соловьёв [1897].

Основой метафизики всеединства признается аксиологическое триединство истины, добра и красоты. Именно на этом теоретическом постулате Е.Н. Трубецкой выстраивал свою концепцию нравственного идеализма.

Признак права – внешняя свобода лица

Е.Н. Трубецкой был сторонником естественно-правовой доктрины. В подготовленном им курсе энциклопедии права рассматривается целый ряд подходов к определению права (право как воля государства; право как порядок; право как интерес; право как принудительная сила; право как общая воля; право как часть нравственности), каждую из которых он считал недостаточно убедительной.

Трубецкой считал ошибочным, что существенными признаками права выступает связь с государством. По его мнению, «...право есть внешняя свобода, предоставленная и ограниченная нормой» [Трубецкой, 1907, с. 29]. Однозначной связи между правом и государством нет, право существует помимо него.

¹ Булгаков С.Н. Князь Е.Н. Трубецкой – исповедник христианской веры. Ялтинский курьер, 1920, 2 (15) февраля, № 141, С. 3.

Другие признаки права (наличие внешнего авторитета; принуждение; интерес; нравственное содержание и др.) также несущественны. Так, право может реализовываться вне принуждения; может не выражать интересов; может быть безнравственным по содержанию. Ключевыми признаками права, как явления, должно признаваться только то, без чего оно не существует, устранение которых приводит к исчезновению самого понятия права. Таким признаком ученый считал внешнюю свободу (ограничение внешней свободы). «Под него подойдут, – писал он, – не только нормы права, установленные и признанные государством или какими бы то ни было внешними авторитетами, но и те нормы, на которых утверждается самый авторитет государства и всякий вообще внешний авторитет» [Трубецкой, 1907, с. 30].

Однако ограничение внешней свободы характеризует не только правовые, но и нравственные нормы. Мораль также призвана ограничивать произвол одних лиц с целью защиты (реализации внешней свободы) других. Запретительные нравственные нормы (не убий, не прелюбодействуй, не укради и пр.) призваны оградить внешнюю свободу от внешнего насилия.

Наличие общего признака, характеризующего право и нравственность, не должно, по мнению Е.Н. Трубецкого, приводить к мысли об отождествлении права и морали. Сферы регулирования права и морали пересекаются, многие нормы имеют и правовое и моральное содержание, но случаи несовпадения также не редки. Под определение правовых норм подходят только те моральные нормы, которые имеют правовое значение. Однако одна и та же нравственная норма может иметь и не иметь правового значения. Например, ложь – явление аморальное, но не любое вранье порицается нормами права. Хотя ложь в форме клеветы такое содержание имеет. Ученый приходил к выводу, что внутренний личный настрой не касается сферы внешней свободы другого лица и поэтому не является содержанием права. «Предметом чьего-либо права могут быть только чужие действия, а не чужое настроение, так как сфера внешней свободы каждого лица непосредственно затрагивается только действиями» [Трубецкой, 1907, с. 32].

Мотивация правомерного поведения (настроение) не влияет на внешнюю свободу другого лица. Так, продавец может не обвешивать (обманывать) покупателя, так как он совестливый человек, так как дорожит своей репутацией или боится наказания. Право покупателя распространяется только на действия продавца, затрагивающие область (сферу) внешней свободы.

Не совсем точным Е.Н. Трубецкой считал распространенное в российской науке утверждение, что мораль есть нормы внутренние, а право – внешние; нравственность определяет и поведение, и мотивацию человека, а право лишь действия. По его мнению, поведение обуславливается мотивацией, а значит, она не безразлична праву. В частности, в уголовном праве побудительные мотивы совершения преступления всегда учитываются, именно на основе этого определяется степень вины. «Различие между правом и нравственностью выражается вовсе не в том, что право "не принимает во внимание внутреннего настроения", а в том, что внутреннее настроение, мотивы, вызывающие те или другие действия, не составляют содержания права» [Трубецкой, 1907, с. 34].

Сфера мотивации, доказывал он, определяет не содержание правовых норм, а служит источником побуждений к соблюдению либо нарушению права. Нравственная сфера определяется целью осуществления добра, выражающегося и в побуждениях, и в действиях, независимо от наличия либо отсутствия правовых установлений. Сфера права определяется целью реализации внешней свободы; правовые нормы ее предоставляют или ограничивают вне зависимости от морали. Нравственные нормы могут совпадать с правовыми, но не отождествляться. Немало нравственных требований, не имеющих никакого правового значения, как и немало правовых предписаний, не имеющих морального содержания.

Ключевое различие нравственного и правового регулирования, делал вывод Е.Н. Трубецкой, выражается в следующем: «Содержанием права является исключительная

внешняя свобода лица. Содержанием нравственности является добро, или благо, при чем требования добра могут касаться как сферы внутренних, так и внешних проявлений нашей свободы, как действий лица, так и его настроения» [Трубецкой, 1907, с. 34]. Право и нравственность – это две пересекающиеся окружности, где область пересечения – совпадение предписаний, а область расхождения – нормативное несовпадение и даже противоречие.

Всеобщий закон добра

Важнейшей задачей правовой науки Е.Н. Трубецкой считал поиск оптимального соотношения права и нравственности – «нормальных отношений», по его выражению. Он отмечал, что с одной стороны нормы права и морали могут не совпадать и даже противоречить друг другу, но с другой, цель нравственности – служить благу и добру – должно в идеале стать целью права. Только в этом смысле оно может иметь свое оправдание. Он разделял ключевой славянофильский постулат: «Право должно стать правдою – в этом заключается его главная жизненная задача» [Трубецкой, 1907, с. 35]. Целью теоретико-правовой науки Трубецкой считал определение «требований добра» и степени их изменчивости.

Определяющей проблемой философии права – вопросом, от которого зависит дальнейшее развитие юриспруденции, ученый считал определение вечного начала нравственности, так называемого «закона добра», поиск его источника и допустимость эволюции.

Е.Н. Трубецкой был противником господствующего в русской либерально-правовой науке эволюционного направления, сторонники которого не признавали вечного начала, лежащего в основе нравственности, полагая, что мораль изменчива и зависит от эволюции человеческого разума. В качестве доказательства приводились установленные факты изменчивости правовых норм в истории человечества. Экстраполируя этот тезис на сферу нравственности, эволюционисты приходили к выводу об отсутствии вечной истины и изменчивости моральных предписаний в зависимости от развития культуры человеческого общества. Трубецкой считал, что в основе подобных умозаключений «лежит крупное недоразумение», которое в крайнем выражении может привести к отрицанию нравственности. Мир, признавал он, находится в постоянном развитии, но это «не исключает таких неизменных законов сущего и таких вечных законов должного, которые определяют собою развитие мировой жизни, дают направление потоку явлений, но сами находятся вне движения, вне развития и не подлежат изменению» [Трубецкой, 1907, с. 37].

Ученый делал справедливый, по нашему мнению, вывод, что нельзя путать аксиому добра с представлениями человека о добре. Меняется не истина, а наши представления о ней. Причем ошибаться может не только человек, но целое общество. Трубецкой признавал наличие вечных законов мироздания. «Законы блага, – писал он, – существуют объективно, независимо от того, вошли или не вошли они в человеческое сознание» [Трубецкой, 1907, с. 37]. Мерилом добра не могут быть субъективные представления людей о нем. В противном случае – мораль у каждого своя. Вера в истину определяет предположение о нравственности как объективном и всеобщем законе добра. Именно вера в объективность добра определяет нравственное сознание.

Проблему определения требований всеобщего и неизменного закона добра Трубецкой считал важнейшей. Осмысление проблемы привело его к умозаключению, что благом является общественная солидарность, а разделение – злом. Все представления о добре совпадают в одном: ради общего блага человек должен поступиться личным произволом. В связи с этим именно солидарность выступает основным требованием должного и объективным законом добра. «Благо человека не в его эгоистическом обособлении, а в солидарности с другими людьми, при чем этом принцип выражается во всей своей полноте и широте в христианской заповеди всеобщей человеческой любви, т. е. такой солидарности, которая не ограничивается одной сферой человеческих действий, но охватывает собою и внутреннюю сферу душевного настроения» [Трубецкой, 1907, с. 44].

Трубецкой отрицал возможность внеобщественного существования личности, а потребность в социальном взаимодействии считал естественной потребностью человека. Он задавался риторическим вопросом, что для человеческого рода благо: жить в обществе, связанном узами братства, где каждый любит другого, как самого себя, или в обществе, раздираемом противоречиями, где каждый преследует эгоистические цели? Ответ однозначен: «...любовь есть благо, эгоизм есть зло» [Трубецкой, 1907, с. 45].

Трубецкой вообще считал эгоистическое существование лишенным смысла. В рассуждениях о всеобщем законе солидарности как объективной истине и связанном с ним темой смысла жизни он выступает христианским философом, не видящим смысла человеческого существования в достижении личного благосостояния, комфорта, чувственных удовольствий, эстетического или умственного наслаждения. Жизнь, наполненная лишь личными интересами и удовольствиями, – это жизнь «ходячего мертвеца», лишенная смысла, базирующаяся на иллюзии личной воли. «Смысл жизни раскрывается в любви и только в ней одной... одна только любовь торжествует над смертью... приобщает нас к жизни мирового целого, к тому, что существует вечно...» [Трубецкой, 1907, с. 47].

Жизнь человеческого общества имеет логическое оправдание лишь при условии признания объективного добра, составляющего ее смысл и цель. При этом Трубецкой полагал, что объективное добро не факт внешней действительности, это идеал, ориентирующий и оценивающий действительность.

Вечная идея права

Признание существования вечного закона добра привело Е.Н. Трубецкого к обоснованию существования вечной идеи права. Он разделял идеи сторонников естественно-правовой концепции, признающих наличие кроме права позитивного (положительного) – права нравственного (естественного), составляющего идеальную основу для общественного правопорядка.

Позитивное право всегда связано с государством, его развитие определяется конкретными социально-экономическими условиями развития человеческих обществ. Назначение нравственного (естественного) права быть критерием оценки действующего и стимулом для его развития.

Е.Н. Трубецкой утверждал, что безусловной ценностью правопорядка выступает человеческая личность, а все права базируются на ее безусловном естественном праве. При этом по содержанию предписания естественного права и есть предписания нравственные. «Естественное право есть синоним нравственно должного в праве. <...> Всякое позитивное право может требовать от людей повиновения не иначе, как во имя нравственного права...» [Трубецкой, 1907, с. 57].

Причем естественное право не содержит вечных предписаний. Проанализировав идеи представителей естественно-правовой доктрины (Гуго Гроция, Томаса Гоббса, Жан-Жака Руссо, Фридриха Карла фон Савиньи и др.), Трубецкой пришел к выводу, что основная ошибка европейской доктрины в определении естественного права как комплекса неизменных правил, вытекающих из природы разума. По его мнению, неизменное требование естественного права проявляется лишь том, что оно «предписывает, чтобы внешняя свобода лица всегда была ограничена свободой других лишь в той мере, в какой этого требует добро»; «отдельному лицу должен быть предоставлен максимум внешней свободы, совместной с благом общества как целого» [Трубецкой, 1907, с. 59].

Заключение

Таким образом, концепция нравственного идеализма Е.Н. Трубецкого выступает одной из вариаций естественно-правовой доктрины, согласно которой признается наличие права позитивного (положительного) и права нравственного (естественного). Право и

нравственность – две пересекающиеся окружности, где область пересечения – совпадение предписаний, а область расхождения – нормативное противоречие. Смысл права – внешняя свобода лица, а смысл нравственности – абсолютное добро. Определяющей проблемой философии права – вопросом, от которого зависит дальнейшее развитие юриспруденции, ученый считал определение вечного начала нравственности, так называемого «закона добра», поиск его источника и допустимость эволюции. Трубецкой был противником господствующего в русской либерально-правовой науке эволюционного направления, сторонники которого не признавали трансцендентального начала, лежащего в основе нравственности. Право и нравственность в учении Трубецкого связаны идеей объективного и всеобщего добра, составляющего смысл и цель человеческой жизни.

Список литературы

1. Бог. Человек. Конституция. Библейская философия права в научном наследии А.П. Лопухина (1852–1904). 2020. Под ред. А.И. Овчинникова. М., Проспект. 272 с.
2. Графский В.Г. 1998. Право и мораль в истории: проблемы ценностного подхода. Государство и право, 8: 145–119.
3. Горбань В.С. 2017. Борьба за право как нравственная обязанность осуществления права. Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института, 1 (21): 176–181.
4. Кравец К.В. 2018. Взаимосвязь права и нравственности в философии В.С. Соловьева. Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право, 2 (43): 571–574. DOI: 10.18413/2075-4566-2018-43-3-571-574
5. Кравченко А.Е. 2015. Концепция права как этического минимума в отечественной правовой доктрине конца XIX – начала XX вв. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право, 14 (211): 162–164.
6. Петражицкий Л.И. 2018. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. В 2 ч. Часть 1. М., Юрайт, 295 с.
7. Поснов И.В. 2006. Соотношение права и нравственности в психологической теории права Л.И. Петражицкого. Вестник МГТУ, Труды Мурманского государственного технического университета, 1: 96–105.
8. Сазонова Т.Б. 1998. Право и правосознание в учении И. А. Ильина: дис. ... канд. юрид. наук. Благовещенск, 143 с.
9. Сафронов Н.А. 2020. Концепция христианского государства Н.А. Бердяева. NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право, 45 (4): 775–780. DOI: 10.18413/2712-746X-2020-45-4-775-780
10. Сафронова Е.В., Рутман В.Г. 2013. К вопросу о христианской философии права (из истории русской правовой мысли). Право. Научные исследования и разработки, 6 (6): 293–298.
11. Соловьев В.С. 1897. Право и нравственность: Очерки из прикладной этики. СПб., Изд. Я. Канторовича, 187 с.
12. Суворов Н.С. 2015. Лекции по энциклопедии права. Москва, URSS, cop. 129 с.
13. Тарановский Ф.В. 2001. Энциклопедия права. СПб., МВД России. С.-Петербург. ун-т, 552 с.
14. Фомина И.Р. 2010. Этика права С.Л. Франка: дис. ... канд. философ. наук. Тула, 180 с.
15. Цыбулевская О.И. 2004. Нравственные основания современного российского права: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Саратов, 58 с.
16. Шидловская Т.Ю. 2005. Соотношение права и морали в правотворческом процессе: На примере Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 23 с.

References

1. Bog. SChelovek. Konstituciya. Biblejskaya filosofiya prava v nauchnom nasledii A.P. Lopuhina (1852–1904) [God. Man. The Constitution. The Biblical Philosophy of Law in the Scientific Heritage of A.P. Lopukhin (1852–1904)]. 2020. Ed. A.I. Ovchinnikova. M., Publ. Prospekt, 272 p.
2. Grafskij V.G. 1998. Pravo i moral' v istorii: problemy cennostnogo podhoda [Law and morality in history: problems of the value approach]. Gosudarstvo i pravo, 8: 145–119.

3. Gorban V.S. 2017. The Struggle for Law as a Moral Duty for the Implementation of the Right. *Quartely scientific and practical journal North-Caucasus Humanitarian Institute Bulletin*, 1 (21): 176–181 (in Russian).
4. Kravets K.V. 2018. Relation Between Law and Morality in the Solovyov's Vision. *Belgorod State University Scientific bulletin. Philosophy. Sociology. Law*, 2 (43): 571–574 (in Russian). DOI: 10.18413/2075-4566-2018-43-3-571-574
5. Kravchenko A.E. 2015. The concept of law as an ethical minimum in Russian legal doctrine of the late XIX – early XX centuries. *Belgorod State University Scientific bulletin. Philosophy. Sociology. Law*, 14 (211):162–164 (in Russian).
6. Petrazhitsky L.I. 2018. Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriej npravstvennosti. [Theory of law and the state in connection with the theory of morality]. In 2 parts. Part 1. M., Publ. Yurajt, 295 p.
7. Posnov I.V. 2006. Sootnoshenie prava i npravstvennosti v psikhologicheskoy teorii prava L.I. Petrazhiczskogo. [The correlation of law and morality in the psychological theory of law by L.I. Petrazhitsky]. *Vestnik MGTU*, 1: 96–105.
8. Sazonova T.B. 1998. Pravo i pravosoznanie v uchenii I.A. Il'ina [Law and legal consciousness in the teachings of I. A. Ilyin]. Dissertation candidate of Law sciences'. *Blagoveshhensk*, 143 p.
9. Safronov N.A. 2020. The concept of the Christian state by N.A. Berdyaev. *NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 45 (4): 775–780 (in Russian). DOI: 10.18413/2712-746X-2020-45-4-775-780
10. Safronova E.V., Rutman V.G. 2013. K voprosu o khristianskoj filosofii prava (iz istorii russkoj pravovoj my'sli). [On the question of the Christian Philosophy of Law (from the history of Russian legal thought)]. *Pravo. Nauchny'e issledovaniya i razrabotki*, 6 (6): 293–298.
11. Soloviev V.S. 1897. Pravo i npravstvennost': Oчерки из prikladnoj e'tiki. [Law and Morality: Essays from Applied Ethics]. SPb., Publ. Ya. Kantorovicha, 187 p.
12. Suvorov N.S. 2015. Lekcii po e'ncziklopedii prava. [Lectures on the Encyclopedia of Law]. M., Publ. URSS, cop., 129 p.
13. Taranovsky F.V. 2001. E'ncziklopediya prava. [Encyclopedia of Law]. SPb., MVD Rossii. St. Petersburg University, 552 p.
14. Fomina I.R. 2010. E'tika prava S.L. Franka [Ethics of law S.L. Frank]. Dissertation of the candidate of philosophical sciences. Tula, 180 p.
15. Tsybulevskaya O.I. 2004. Npravstvenny'e osnovaniya sovremennogo rossijskogo prava [Moral foundations of modern Russian law]: abstract of the dissertation of the Doctor of Law. Saratov, 58 p.
16. Shidlovskaya T.Yu. 2005. Sootnoshenie prava i morali v pravotvorcheskom processe: Na primere Rossijskoj Federacii [The correlation of law and morality in the law-making process: On the example of the Russian Federation]: abstract of the dissertation of the Doctor of Law. M., 23 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кравец Константин Викторович, аспирант кафедры теории и истории государства и права юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Konstantin V. Kravets, Postgraduate student of the Department of Theory and History of State and Law of the Law Institute of the Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

УДК 340.15

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-4-722-735

Двуликий Янус: о природе русского средневекового и раннеמודерного права

Пенская Т.М., Туранин В.Ю., Пенской А.В.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

E-mail: penskaya@bsu.edu.ru

Аннотация. Проблемы, связанные с развитием русского права в эпоху Средневековья и раннего Нового времени, занимают в работах отечественных и зарубежных историков и правоведов отнюдь не последнее место. Традиция рассматривать эволюцию правовой системы с упором на анализ норм писаного, кодифицированного права, заложенная в XIX в., остается неизменной и по сей день. Связано это явление с лучшей сохранностью источников по истории писаного права. Вместе с тем давно установлено, что обычное право, правовой обычай и традиция играли в жизни русского общества в то время существенную роль. В статье автор выдвигает гипотезу, согласно которой в рассматриваемое время русское право было построено на единстве и борьбе двух начал – права обычного, «народного», и права писаного, «княжеского». При этом автор исходит из того, что обычное право на протяжении большей части этого периода играло более значимую роль, нежели писаное. Объясняется это, по мнению автора, слабостью власти, обусловленной несовершенством и неразвитостью государственной машины. В этих условиях власть была вынуждена мириться с существованием обычного права и той чрезвычайно важной ролью, которое оно играло в регулировании правовых отношений в русском обществе.

Ключевые слова: Средневековье, раннее Новое время, право, судопроизводство, обычное право, писаное право, Русь, Россия, власть, общество

Для цитирования: Пенская Т.М., Туранин В.Ю., Пенской А.В. 2021. Двуликий Янус: о природе русского средневекового и раннеמודерного права. NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право, 46(4): 722–735. DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-4-722-735

Two-faced Janus: On the Nature of Russian Medieval and Early Modern law

Tatyana M. Penskaya, Vladislav Yu. Turanin, Alexander V. Penskoy

Belgorod National Research University,

85 Pobedy St, Belgorod 308015, Russian Federation

E-mail: penskaya@bsu.edu.ru, turanin@bsu.edu.ru, 1030426@bsu.edu.ru

Abstract. Questions of the history of Russian law in the Middle Ages and early Modern occupy not the last place in the works of Russian and foreign historians and jurists. The tradition of considering the evolution of the legal system laid down in the XIX century with an emphasis on the analysis of the norms of written, codified law, remains unchanged to this day at the same time. This phenomenon is connected with the better preservation of sources on the history of written law. At the same time it was established long ago that customary law, legal custom and tradition played a significant role in the life of Russian society at that time. In the article the author puts forward a hypothesis, according to which, at the time under review, Russian law was built on the unity and struggle of two principles - the law of the common, "popular", and the law of the written, "princely". The author proceeds from the fact that customary law during most of this period played a more significant role than written law at the same time. This is explained, according to the author, by the weakness of the government, caused by the imperfection and underdevelopment of the state machine. Under these conditions, the authorities were forced to put up with

the existence of customary law and the extremely important role that it played in regulating legal relations in Russian society.

Keywords: Middle Ages, early Modern, law, legal proceedings, customary law, written law, Russia, Russia, power, society.

For citation: Penskaya T.M., Turanin V.Yu., Penskoj A.V. 2021. Two-faced Janus: On the nature of Russian Medieval and early Modern law. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 46(4): 722–735. DOI (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-4-722-735

Введение

В 1876 г. в журнале «Русская мысль» была опубликована небольшая, но содержащая ряд любопытных наблюдений статья отечественного правоведа А.Н. Филиппова. В частности, он указывал на то, что «у нас в истории [права] долго действует *двоеначалие*: рядом с законодательной властью, нормирующей правовые отношения, действует, как творческая сила, и обычное право народа» (курсив наш. – А. Ф.), причем, по мнению исследователя, это «двоеначалие» как сосуществование права обычного и права писаного кодифицированного существовало даже и в московский период истории русского права [Филиппов, 1876, с. 58].

Выдвинутый и обоснованный А.Н. Филипповым в этом небольшом исследовании тезис о «двоеначалии» средневекового русского права (которое, на наш взгляд, имело свое продолжение и позднее – в эпоху не только раннего Нового времени, но и много позже) не получил, к сожалению, должного развития в последующей отечественной историографии русского права. Нет, нельзя сказать, что сама по себе идея о сосуществовании двух правовых систем, права писаного, «официального», и права традиционного, основанного на обычае, никак не рассматривалась в отечественной историко-юридической традиции. Со времен Николая I, мечтавшего (и приложившего немало усилий для воплощения этой мечты в жизнь) о превращении Российской империи в *Rechtsstaat*, русская историко-юридическая наука развивалась под сильным влиянием немецкой исторической школы юриспруденции с ее особым вниманием к «народному праву» (*Volksrecht*), которое, по словам одного из основателей и виднейших представителей этой школы Ф.К. фон Савиньи, «живет в общем сознании народа» и является производным от «народного духа» (*Volksgeist*), «совокупно живущего и действующего во всех отдельных людях» и связанного с «индивидуальной природой отдельных народов» [Савиньи, 2011, с. 282, с. 283]. Отсюда и то внимание, которое и в старой, императорской России, уделялось изучению обычного права (в том числе и крестьянского, интерес к которому особенно вырос после реформы 1861 г.). Составление подробного историографического обзора изучения данной проблемы в отечественной историко-юридической традиции в ее прошлом и настоящем не входит в нашу задачу, тем более что такие обзоры уже делались другими авторами [Безгин, 2017; Пашенцев, Чернявский, 2016]. Для нас важнее другое – попытаться уяснить особенности системы средневекового русского права и особенности же взаимодействия обычного («народного») и писаного («княжеского») права (оставив при этом за скобками право церковное, каноническое).

Методы исследования

Приступая к работе над этой статьей, мы руководствовались следующими теоретико-методологическими соображениями. Прежде всего процитируем высказывание известного отечественного медиевиста А.Я. Гуревича. Характеризуя обычное право эпохи Средневековья, он отмечал, что прежде всего «средневековое право было *ratio vivens*, а не *ratio scripta*» и, как следствие, «уступая закону, писаному праву в стройности, систематично-

сти, недвусмысленности и законченности, обычай оказывался творческим фактором средневекового права, был средством, дававшим возможность самым различным слоям и группам общества участвовать в выработке и истолковании права» [Гуревич, 2007, с. 152].

Далее, касаясь различий между законом и обычаем, он отмечал, что «нормы, зафиксированные в законе, становились неизменными, впредь надлежало следовать букве закона, ни в чем от него не отступая, закон приобретал независимое бытие, отвлекаясь от породивших его обстоятельств». При этом, подчеркивал автор, наиболее важным в этом было то обстоятельство, что «запись права вела к своего рода "отчуждению" его от его творцов, которые впредь уже не могли оказать на него своего воздействия и изменить его», ибо «толкование закона в дальнейшем становилось исключительной монополией судей, властей, но не общества, которое тем не менее должно было ему подчиняться» [Гуревич, 2007, с. 152]. Такое отношение не могло не привести к тому, что, как отмечал В. Украинский, «с течением времени у крестьян с понятием "закон" соединяется представление о чем-то бессмысленно-разрушительном, что, врываясь в деревню (а средневековое общество по своей сути – общество деревенское, аграрное. – А. Ф.), словно стихийная сила коверкает, калечит крестьянскую жизнь, попирает сложившиеся в народе правовые нормы и воззрения» [Украинский, 1906, с. 71].

Нетрудно заметить, что при таких раскладах обычное право в известном смысле действительно было «народным», «демократическим», теснейшим образом связанным с повседневным бытом и жизнью, и потому ощущалось «своим» если не большинством, то, во всяком случае, значительной частью населения. И, вполне устраивая его, обычное право поэтому было чрезвычайно живучим и устойчивым, тогда как писаное, «княжеское право», отчужденное от этого «народа» и противостоящее привычному обычному праву, воспринималось как чуждая и враждебная сила, нарушающая общественные устои. Здесь необходимо вспомнить про выдвинутую французским антропологом К. Леви-Строссом концепцию «холодных» и «горячих» обществ. «Одни из них («холодные» – А. Ф.) стремятся, – писал он, – благодаря институтам, к которым они привязаны, аннулировать, квазиавтоматически, то действие, что могли бы оказать на их равновесие и непрерывность исторические факторы; другие («горячие» – А. Ф.) решительно интериоризируют историческое становление, чтобы сделать из него двигатель своего развития» [Леви-Стросс, 2008, 438]. При этом, подчеркивал исследователь, «холодные» общества (называемые нами по этой причине первобытными), желают его (неизбежный процесс, перемен и изменений привычного образа жизни – А. Ф.) игнорировать и *пытаются со сноровкой, недооцениваемой нами, сделать, насколько это возможно, постоянными состояниями, считаемые ими «первичными» относительно своего развития ...»* (здесь и далее курсив наш. – А. Ф.) [Леви-Стросс, 2008, с. 439]. В том же, что средневековое русское общество можно со всеми на то основаниями отнести к традиционалистским, отверженным к «старине» («все новое добро есть, но ветхое всего лучше есть и сильнее» [Розанов, 1904, с. 34]), нет сомнений.

Результаты и обсуждение

Итак, традиционализм средневекового русского общества (и это его свойство сохранилось еще очень и очень долго) неизбежно предопределил и отношение этого общества к такой «новине», как писаное право. Это отношение можно охарактеризовать если не как неприязненное, то, во всяком случае, как настороженное. Безусловно, с течением времени эффект привыкания к «новинам» срабатывал, и степень настороженности постепенно снижалась, однако этот процесс был очень и очень долгим и растянутым по времени. Связано это было с рядом обстоятельств. Прежде всего стоит заметить, что на протяжении всего Средневековья и большей части раннего Нового времени верховная власть (при этом неважно, идет ли речь о России или о других, соседних с ней государствах) не

обладала в должной степени развитой инфраструктурой власти («*sinews of power*» [См.: Brewer, 1989]) и соответствующим административным ресурсом с тем, чтобы навязывать свою волю обществу и диктовать ему свои условия игры. Как отмечал К.В. Петров (применительно к эпохе становления и развития централизованного Русского государства, но тем более эти слова имеют отношение к более ранним временам), «возможности российского государства (как институционального образования) в XVI–XVII вв. в различных сферах общественных отношений были неодинаковы и целиком зависели от конкретной политической ситуации: была фактическая возможность – было принуждение, не было возможности – отношения строились на другой основе». Как результат, продолжал он дальше, «слабой была не власть Ивана III или Василия III над своими боярами, *относительно слабым было государство в возможности осуществлять меры принуждения в отношении населения...*» [Петров, 2008, с. 376].

Эта институциональная слабость государства и его несовершенство как механизма реализации властных полномочий, которыми формально был наделен государь, неизбежно вела к тому, что верховная власть вынуждена была искать опоры в «земле», в тех социально-политических структурах и общественных институтах, что поддерживали существование социальной ткани общества (в широком ее смысле) и ее регулярное воспроизводство. Здесь необходимо отметить, что в последние десятилетия в историографии постепенно утвердилась мысль о том, что не стоит переоценивать степень «внутренней» сплоченности и «централизованности» раннемодерных государств. Именно в силу их относительной слабости верховная власть была вынуждена не только и не столько опираться на насилие, сколько искать взаимодействия с местными элитами («политическим народом», то есть с теми структурами, которые обладали должным влиянием и авторитетом на местах). Как отмечала К. Борки, она была вынуждена «делить контроль со множеством посреднических структур и с местными элитами, религиозными организациями и местными органами самоуправления, и множеством иных привилегированных образований» [Barkey, 2008, с. 10]. Обеспечивая себе лояльность местных элит и их готовность сотрудничать в обмен на уступки, в т.ч. и на сохранение пресловутой «старины» (посредством переговоров и поиска взаимовыгодного компромисса в первую очередь, как отмечали Дж. Брюэр и Э. Хелльмут [Brewer, Hellmuth, 1999, с. 12], что, впрочем, не исключало и применение насилия), верховная власть получала возможность реализовывать свои функции и добиваться своих целей.

Однако власть опиралась не только на местные элиты, привлекая различными способами их на свою сторону. Она стремилась заручиться и поддержкой «молчаливого большинства», основной массы народонаселения, подданных. Прочитируем мнение известного русиста Н. Коллманн. В одной из своих последних работ, касаясь проблемы легитимации царской власти в раннемодерном Русском государстве, она отмечала, что и в России, и в других государствах раннего Нового времени подданные были лояльны власти в том случае, если «государство в большей или меньшей степени отвечало представлениям, согласно которым правитель должен прислушиваться к своим подданным, хранить традицию и обеспечивать безопасность в обществе», не говоря уже о том, что на государя возлагались надежды, что он будет поддерживать справедливость в обществе и восстанавливать ее, если она будет нарушена [Kollmann, 2012, с. 416, 417]. Следовательно, «земля», «мир» ожидали от государя, что он будет поддерживать традиционный порядок и судить праведно, опираясь на обычай прежде всего. В этой формуле легитимности писаному, кодифицированному праву, в особенности если оно официально не являлось «изводом», «редакцией старины», места по существу не было или же оно играло второстепенную, подчиненную по отношению к обычаю роль.

Наблюдения Н Коллманн и иных зарубежных исследователей, увязывающих во-едино степень успешности реализации верховной властью своих функций с лояльностью к ним подданных тем любопытнее, что они находят свои параллели в работах отечествен-

ных исследователей. Так, Ю.Г. Алексеев указывал на патерналистский, патриархальный и, как следствие, неформальный, не оформленный в виде какого-либо писаного документа (хартии) характер русской государственности [Алексеев, 2001], а Н.Н. Покровский, в свою очередь, в предисловии к работе Ю.Г. Алексеева отмечал, что в раннемодерном Русском государстве верховная власть «была не так уж и сильна, что местные особенности и различия очень долго давали себя знать в едином государстве... Система власти базировалась не на единственном понятии "государство", а на двух понятиях – "государство" и "общество", на продуманной системе не только прямых, но и обратных связей между ними... Центральная государственная власть того времени не была в состоянии доходить до каждой отдельной личности; исполняя свои функции, она должна была опираться на эти первичные социальные общности (крестьянские и посадские общины-«миры», дворянские корпорации-«города» и пр. – А. Ф.). Но это автоматически означало *серьезные права таких организаций, их немалую роль в политической системе всей страны...*» [Алексеев, 1991, с. 5].

Но не только этим была обусловлена «вторичность» писаного права на Руси. Есть и другое, не менее, может быть, а более важное обстоятельство, о котором, как правило, не принято было прежде говорить, а именно уровень развития письменной культуры и вообще, роли письма и документа, грамоты, хартии в жизни общества. Проблема эта сложная, изученная явно недостаточно и до последнего времени явно ненаходившаяся в приоритете у исследователей права. Вместе с тем стоит привести ряд любопытных наблюдений, которые имеют непосредственное отношение к поднятой нами проблеме. Прежде всего стоит, на наш взгляд, обратить внимание на тезис, выдвинутый Э. Коэн. Анализируя особенности развития права и правовой культуры в средневековой Франции, она писала, что распространение писаного права в эту эпоху было связано в первую очередь с распространением грамотности (причем не «обыденной», но «высокой», и эта наша оговорка не случайна) и распространением ее использования на все новые и новые сферы жизнедеятельности общества. Как результат, на протяжении длительного времени писаное, кодифицированное право представляло собой по большей части памятник культуры («высокой культуры»), и лишь в последнюю очередь свод действующего права [Cohen, 1993, с. 8]. В самом деле, в условиях, когда рукописная книга стоила дорого и требовала немалых усилий для своего изготовления, сделать юридические кодексы не то чтобы общедоступными, а хотя бы снабдить их копиями наиболее важные судебные присутствия, являлось весьма нетривиальной задачей и с финансовой, и с технической сторон. Прорыв на этом направлении стал возможен с изобретением книгопечатания (да и то не сразу – первопечатные книги сами по себе тоже были недешевы, и к тому же требовалось преодолеть определенное недоверие общества к этому новому способу передачи информации).

Но и это еще не все. Характеризуя бытование письменности в средневековой Руси, британский славист С. Франклин писал, что в домонгольский период истории ее развитие «шло на крайних территориях, максимально удаленных друг от друга: с одной стороны, в самых торжественных и формализованных религиозных ритуалах; с другой стороны, в суевериях финансовых и даже домашних дел, определявших неформальную жизнь города». Пространство между церковной, «сакральной» письменностью (сохранились сотни манускриптов, содержащих произведения церковной или околоцерковной книжности) и письменностью повседневной, обыденной, «профанной» (на нынешний момент найдено более 1 тыс. берестяных грамот), по его словам, было освоено русским обществом лишь в самой малой степени [Franklin, 2002, с. 278]. Между тем именно сюда, в это промежуточное пространство, и попадала «Русская Правда» и иные подобные ей юридические кодексы и иная «административная» (или «формальная») письменность. В этом отношении средневековая Русь предстает перед нами как общество «бесписьменное». Однако, по мнению С. Франклина (и мы в том с ним согласны), это обстоятельство «никоим образом не говорит об отсталости и неразвитости светских учреждений». Напротив, считал он, оно косвенно ука-

зывает на «на устойчивость традиционных социальных отношений, на осознанную обществом функциональную адекватность традиционных способов поведения без участия письменности, на самодостаточность традиции. К вопросу о степени традиционности и консервативности мышления средневекового русского общества!) и ее сопротивление тем типам структурных перемен, какие могли бы потребоваться при "логическом" (в духе Византии), узаконенном использовании технологии письма» [Franklin, 2002, с. 277].

В.М. Живов, касаясь причин такой «бесписьменности» средневекового русского общества (хотя, казалось бы, откуда ей взяться, если Русь в культурном отношении испытала сильное влияние Византии – истинной преемницы Римской империи, римской культуры, в т. ч. и юридической), полагал, что все дело заключается в отсутствии того, что он назвал «римской прививкой», включавшей в себя обширнейший пласт письменной «формальной», в т. ч. и юридической, письменной культуры. «Киевская Русь римской прививки не получает, – писал он, – легального дискурса не вырабатывает и соответствующих социальных институций не развивает. Не делает этого, естественно, и наследующая ей Русь Московская, еще более отдалившаяся от чужого римского прошлого» [Живов, 2002а, с. 296]. Почему, возникает вполне логичный вопрос. Ведь, казалось бы, заимствуя у Византии основы ее культуры, средневековая Русь эту «прививку» должна была непременно получить?

В.М. Живов дает ответ на этот вопрос: по его мнению, проблема заключалась в характере рецепции византийской культурной традиции на Руси. С одной стороны, указывал он, сама Византия особо не стремилась делиться с кем бы то ни было своими сокровищами («глупо отдавать свое добро и раскрывать перед другими народами знание сущего, коим гордится и за что чтим всеми ромейский род» – говорил по этому поводу император Феофил¹, а с другой стороны – и сама Русь не испытывала особой потребности в заимствовании именно этой стороны византийской культуры [Живов, 2002а, с. 295. Ср.: Иванов, 2003, с. 339–344]. Своего рода манифестом этой, в каком-то смысле даже воинствующей незаинтересованности звучат слова знаменитого расколоучителя протопопа Аввакума: «Не ищите риторики и философии, ни красноречия, но здравым истинным глаголом последующе, поживите. Понеже *ритор и философ не может быть христианин*. При этом стоит заметить, что, судя по обмолвкам в письмах и иных творениях неистового протопопа, сам он был знаком с основами «гуманистической» традиции, он отверг ее...»².

Это равнодушие к позднеантичной составляющей византийской культурной традиции, было обусловлено, судя по всему, не только тем, что средневековая русская культура (в отличие, от, к примеру, западноевропейской), формировалась на своего рода «культурной целине». Но была, по мнению В.М. Живова, и другая, не менее, если не более, важная причина. Выделив в самой византийской культурно традиции два начала, «гуманистическое», ориентированное по большей части на античное культурное наследие, и «аскетическое», делавшее упор на раннехристианские культурные ценности, исследователь пришел к выводу, что на Руси было заимствовано именно «аскетическое» начало с его негативным отношением к «эллинизму» и его премудростям. Отсюда проистекает и характерная черта средневековой русской образованности и связанной с нею книжности – они носили ярко выраженный «катехитический характер» и были ориентированы на корпус религиозных текстов [Живов, 2002в, с. 81]. Светская культурная составляющая здесь практически не присутствовала (в т.ч. числе и юридическая). Больше того, как отмечал В.М. Живов (и мы

¹ Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей. Изд подг. Любарский Я.Н. Спб., Алетейя, 2009. – 400 с. (IV. 27, С. 125) – (Византийская библиотека. Источники).

² Аввакум. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. Иркутск, Восточно-Сибирское книжное издательство, 1979. – 367 с. (С. 120) – (Литературные памятники Сибири).

присоединяемся к его выводам), «функции византийско-церковнославянских юридических памятников относятся к ... сфере идеологии; *эти памятники воспринимаются как часть христианской культуры и получают религиозную, а не практическую значимость...*» [Живов, 2002а, с. 297]. Так что даже к тем памятникам византийского «воцерковленного» и подвергнувшегося одновременно «эллинизации» и «варваризации» римского права с его особым отношением к формальной стороне вопроса на Руси относились не как к действующему праву, а как к некоей Истине, том самом «знании о сущем», а не как к действующему здесь и сейчас праву, нуждающемуся в изучении, комментировании и распространении. Поэтому на Руси не сложилась традиция теоретического изучения права (неважно, византийского ли или же собственно русского) посредством хотя бы того же глоссирования, как в Западной Европе.

Добавим к этому, что если на Западе главным носителем «гуманистического» начала (и, следовательно, римского легального дискурса) со времен раннего Средневековья был город, который в большей или меньшей степени унаследовал традицию позднеантичного имперского полиса, то средневековые русские города формировались и развивались на иной культурной почве, никак или крайне мало связанной с позднеантичной, и уже в силу этого не могли выступать в качестве носителей легального дискурса, пусть даже и в византийском его изводе.

Итак, подведем предварительный итог. В эпоху Средневековья на Руси сложилась характерная историко-культурная ситуация, которая препятствовала закреплению и широкому распространению «формальной» административной письменности, составной и неотъемлемой частью которой являлась соответствующая юридическая культура, основанная на писаном праве. Основанное на традиции и обычае чрезвычайно консервативное мировосприятие обществом универсума имело настолько устойчивый характер, что, как отмечал уже неоднократно цитировавшийся нами прежде В.М. Живов, «при любых послаблениях государственной религиозной и культурной политики... вновь являет свою жизненность, пробиваясь, как зелень через потрескавшийся камень», даже спустя столетия после возникновения [1988, с. 38].

В условиях, когда само государство, которое как будто должно было быть заинтересовано в развитии легального дискурса, не проявляло должной настойчивости в его внедрении и развитии (как отмечал М.М. Кром, характеризуя развитие русской бюрократии во 2-й четверти XVI в., в эпоху пресловутого «боярского правления», объем деловой переписки и исходящих из центральных административных структур грамот соответствовал примерно тому уровню, который во Франции был достигнут еще в XIII в. [Кром, 2010, с. 374]), довольствуясь тем, что есть здесь и сейчас, удивляться тому, что писаное право на протяжении долгого времени находилось на обочине развития русской правовой культуры общества, не стоит. Власть, сама состоящая из людей, воспитанных в почтении и уважении к обычаю и соотносивших свои действия с ним, не обладавшая, как было отмечено выше, должным авторитетом и административным ресурсом, не настаивала на переходе на новую форму разрешения правовых коллизий, довольствуясь тем, что есть. Если, как отмечал М.А. Дьяконов, даже московские государи «еще не сознают, что их воля может творить право», поскольку «в их глазах *всякое право должно иметь санкцию старины*» [Дьяконов, 1908, с. 207] (так, Иван IV на знаменитом Стоглавом соборе говорил, что по благословлению освященного собора он и бояре исправили Судебник «по старине», «непоколибимо во веки»¹), то что тогда говорить о князьях средневековой Руси? И если английский дипломат и мемуарист Дж. Флетчер в 80-х гг. XVI в. писал о том, что «пись-

¹ Стоглав. Текст. Словоуказатель. 2015. М., СПб., Центр гуманитарных инициатив, 320 с. – С. 53.

менных законов у них (т. е. у русских. – А. Ф.) нет, кроме одной небольшой книги, в коей определяется время и образ заседаний в судебных местах, порядок судопроизводства и другие подобные тому судебные формы и обстоятельства» [Флетчер, 1991, с. 76], то принимая во внимание все вышеизложенные обстоятельства, надо ли говорить о том, что такое положение дел вовсе не является чем-то необычным и из ряда вон выходящим?

Однако надо ли полагать, исходя из всего сказанного прежде, что судебная система средневековой Руси и ее правовая культура в силу своей архаичности и примитивности были малоэффективны и средневековая Русь, а вслед за ней и раннемодерная Россия, являлись царством беззакония и произвола, временем торжества пресловутого «кулачного права» (как это принято обычно считать, исходя из некритического восприятия свидетельств тех же иностранных наблюдателей – а хотя бы и упомянутого выше Дж. Флетчера, который писал о том, что де у московитов единственным законом является «закон изуственный, то есть воля царя, судей и других должностных лиц, который должен признаваться источником своих законов и блюстителем правосудия» [Флетчер, 1991, с. 77])?

На наш взгляд, такой вывод был бы поспешным и преждевременным. Он основывался бы в таком случае на непонимании глубинной природы и сущности русской правовой культуры эпохи Средневековья и раннего Нового времени. И связано это в первую очередь с тем, что иностранные наблюдатели, а вслед за ними и историки, которые отнеслись к их показаниям сугубо потребительски, без должной критики и анализа, не обратили внимания на двойственный характер этой культуры. Они обратили внимание, образно говоря, на ту часть айсберга, которая находилась над водой и была доступна обозрению, а вот подводная его часть оказалась за пределами их внимания. И понятно, с чем это связано – русское общество той эпохи было обществом закрытым, с недоверием относившимся к иноземцам, которые в подавляющем числе были еще и иноверцами, и потому, исполненное пренебрежительного отношения к ним, оно совсем не стремилось делиться с «латинянами» и «люторами» тем самым «знанием о сущем». Обычное право и традиционная правовая культура относилась как раз к этой ненаблюдаемой части айсберга, тому закулисию, в которое иностранцы допущены не были.

Между тем именно здесь, в этой закрытой от постороннего взора сфере, и происходили наиболее важные события и процессы. Обратимся снова к свидетельству Дж. Флетчера. Он был прав (и не только он один – даже спустя сто лет, в конце XVII в., имперский дипломат И. Корб, сообщая своим читателям о том, что у русских есть свод писаного права «Соборное уложение», тем не менее указывал: «Кроме краткой описи хронологических чисел, формул судебных решений и некоторых до сих пор употреблявшихся обычаев, у москвитян нет никакого писаного права, воля царя и указ Думы считаются у них верховным законом» [Корб, 1997, с. 216]), когда писал, что у русских нет писаного права, кроме как небольшого кодекса, содержащего нормы процессуального права. Действительно, если обратиться к текстам Судебника 1497 г. и так называемого «царского» Судебника 1550 г., то нетрудно заметить, что большую часть статей в них составляют нормы, подробно расписывающие порядок судопроизводства и прочие подобные связанные с ним вопросы. К оставшейся части относятся, по преимуществу, те статьи, которые связаны с особо опасными преступлениями против общественного порядка и личности. Как отмечала Н. Коллманн, верховная власть в России в раннее Новое время «успешно реализовала свою претензию на судебную власть в уголовных делах, сохранив право на вынесение менее значимых судебных решений на местном уровне» [Kollmann, 2012, с. 23].

Но как, в таком случае, решались дела на местном уровне? Прямого ответа на этот вопрос нет, но его можно сделать, если обратиться к грамотам, которые выдавались центральными административными учреждениями. Так, например, выдавая служилому чело-

веку кормленую грамоту, московский государь предписывал населению волости, куда отъезжал на службу кормленщик, «чтите его и слушайте, а он вас ведает, и судит, и ходит у вас во всем по тому, как было преже сего...» [Памятники, 1955, с. 156].

Фразу «ведает, и судит, и ходит у вас во всем по тому, как было преже сего» нельзя истолковать иначе, кроме как отсылку к тем самым обычаям и неписаным нормам, которые определяли порядок разрешения возникающих юридических коллизий в данной волости, и к тем порядкам, которые регулировали особенности взаимоотношений между присылаемыми «сверху» администраторами и местным населением. Подтверждением этого нашего предположения служит текст другой кормленной грамоты. В ней четко и недвусмысленно сказано, что кормленщик людей отданной ему в кормление волости «ведает и ходит у вас по *старой пошлине*, как было преже сего» [Памятники, 1955, с. 157]. «Пошлина» же, упомянутая в этом словосочетании из формуляра грамоты, означала нечто иное, как искони заведенный обычай, исконное право и привилегия¹. Эта «пошлина» и есть та самая «старина» (в т. ч. и юридическая в широком понимании смысла этого термина), которая складывалась веками и соблюдения которой как неперемennого условия сохранения лояльности и готовности сотрудничать ожидали от верховной власти на местах и тамошние «сильные» люди, и простонародье.

Мы коснулись формуляра кормленных грамот, а вот что пишет касательно грамот губных, имеющих отношение к организации местного, «земского», самоуправления и судоропроизводства на местах, В.В. Бовыкин. По его словам, «ни в одной губной грамоте мы не увидим сколько-нибудь внятных инструкций, которым должны были следовать многочисленные адресаты», и связано это было, по его мнению, с тем, что «законодателю, по-видимому, совершенно нечего было сказать по этому поводу, и он всю организационную, прикладную и практическую часть дела отдал на откуп местной инициативе», сохранив за собой главное – «право изменять правила игры в любое время и возможность практически реализовывать это право – руководящие и контролирующие функции» (на что в губных грамотах есть прямые и недвусмысленные указания) [Бовыкин, 2015, с. 184]. Любопытный пассаж, кстати, есть в грамоте, которую дал Иван Грозный своим воеводам, оставленным наместничать в только что взятом русскими войсками Полоцке в феврале 1563 г. Царь писал им, касаясь порядка судоропроизводства в своей обретенной «отчине»: «А управа давати литовским людям, шляхте и брѣмитсром, и земским людям и земляном, бояром и воеводам, розспрос про здешние всякие обиходы, как у них обычи ведутца, да и с обычея сперва и судити и управы им в городе давати», причем судьи и дьяки, которые должны были вести судоропроизводство, должны были избираться из полочан, а царским наместникам вменялось в обязанность «надзирати над головами, кого в судьи выберет, и над бурмистры, чтоб земским людям и черным от судей, кого выберет, и от бурмистров однолично обиды и насилства некоторыми обычи не было» [Баранов, 2004, с. 145].

Таким образом, нетрудно заметить, что, жалуя своих подданных грамотами, верховная власть «надстраивала» над «пошлиной» новый ярус, положения которого фиксировались в писаном праве. И, что самое важное, этот ярус со временем приобретал все более и более значимый вес – государство постепенно наращивало свою «мускулатуру», административный ресурс, обеспечивая его фиксируемыми на бумаге нормами, расширяя со временем сферу действия писаного, кодифицированного в той или иной форме права. Причем стоит заметить, что верховная власть пока не ставила в принципе задачу заменить или, на худой случай, вытеснить обычное право на обочину развивающейся правовой

¹ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 18 (Потка – Преначальный). М., Наука, 1992, – 288 с.

культуры – на это у нее не было соответствующих возможностей и, если говорить начистоту, права. Нет, скорее речь шла о том, что она посредством фиксации норм обычного права или же упоминанием о них в тех же кормленных грамотах придавала обычаю официальный статус, уравнивая его, в определенном смысле, с княжеским правом. Тем самым, легитимизируя через государственные акты «пошлину» и придавая ей законный статус, государство, верховная власть де-факто соглашалась со сформировавшимся естественным путем тем самым «двуначалием» русского права, с упоминания о котором мы и начали эту статью.

Выводы

В существовании и постоянном воспроизводстве двуначалия русского права и в средневековой Руси, и в раннемодерном Русском государстве (в особенности в допетровскую эпоху), как отмечала Н. Коллманн, четко просматривалась двойственная и противоречивая природа правовой системы, формы и содержания, деклараций и реальности. «В то время, как законы утверждали примат царской юстиции, – писала она, – *судопроизводство и судебная практика отвечали представлениям местного населения о правосудии, ориентированном на поддержание целостности и стабильности сообществ, в которые это население было организовано*» [Kollmann, 2012, с. 7]. Поставленное перед необходимостью выбирать – или строгое следование принципу *dura lex sed lex*, или же поддержание социальной стабильности и порядка, – власть, стремясь не обострять отношения с «землей», без содействия которой выполнение функций, возложенных на власть, было бы практически невозможно, выбирала сохранение «пошлины», соблюдение которой и гарантировала столь важную «тишину» и лояльность. Но как могло быть иначе, если подданные московских государей и «не подозревали, что требования Судебника (в данном случае речь идет о Судебнике 1497 г., но эти слова имеют отношение и ко всем другим кодификациям русского средневекового и раннемодерного права. – А. Ф.) могут иметь безусловный приоритет перед обычаями и моральными нормами»? [Петров, 2008, с. 377].

Но если судья в московском судебном присутствии должен был, имея перед собой задачу блюсти государев интерес, ориентироваться не только и не столько на нормы писаного «княжеского права», сколько на «пошлину», соотносясь с обстоятельствами («смотря по тамошнему делу, как бы нашему делу прибылнее»), то в таком случае можно ли говорить о том, что в московском судопроизводстве царил произвол? Или же все-таки стоит согласиться с мнением Н. Коллманн, указывавшей, что если судья и выносил приговор, который мог не совпадать с нормами писаного права, то это являлось не «свидетельством произвола или "незаконности" в судебной культуре, но знаком того, что судебная культура функционировала сбалансировано и исправно»? [Kollmann, 2012, с. 8]. Пожалуй, вторая точка зрения ближе к истине, чем первая. И обычай, традиция, «пошлина», и связанный с ними неформальный, патриархальный подход к делу, основанный на понятиях правды и справедливости, но не закона, играли в этой системе долгое время существенно большую роль, нежели писаное право.

Вместе с тем несомненно, что сфера деятельности писаного права, на первых порах ограничивавшаяся подробной регламентацией порядка судопроизводства и особо тяжкими преступлениями (в первую очередь «душегубства и розбою с поличным») постепенно расширялась, захватывая все новые и новые области, а власть все больше входила во вкус законотворчества, привыкая к тому, что ее воля может творить право. И отмеченное выше «отчуждение» писаного права от его творцов, от общества, от «земли», не могло не иметь негативных последствий и для правовой культуры, и для общего настроения в отношениях власти и «земли». Те же разбои и татьба нередко были следствием того, что, как отмечал

Н.Я. Аристов, «большая часть разбойников бежали из общества, вынужденные необходимостью, от разных невзгод, недоразумений и безнравья жизни», ибо «права свободного житья, сложившиеся издавна и вошедшие в плоть и кровь русского человека, просили не тех обычных порядков, которые вводились сплеча и часто насильно, хотя вовсе несродны были народным стремлениям». «Интересы администрации часто шли вразрез с нуждами и желаниями народа, – продолжал дальше исследователь, – *живучие и упорные предания старины не ладили с административными нововведениями*» и, как результат, «порядки, несоответствовавшие стремлениям народным, породили увлечения, пьяные вспышки, – молодцы улетали в леса и степи или на реки и моря» [Аристов, 1875, с. 106]. «Пошлина» уходила в прошлое с трудом и с кровью, и процесс этот растянулся на века – в консервативной русской деревне правовой обычай сохранил свое значение вплоть до начала XX в. [Безгин, 2017].

Список литературы

1. Алексеев Ю.Г. 1991. Государь всея Руси. Новосибирск, Наука, 240 с.
2. Алексеев Ю.Г. 2001. Судебник Ивана III. Традиция и реформа. СПб., Дмитрий Буланин, 448 с.
3. Аристов Н.Я. 1875. Об историческом значении русских разбойничьих песен. Воронеж, тип. Н.Д. Гольдштейна, 165 с.
4. Баранов К.В. 2004. Записная книга Полоцкого похода 1562/63 года. В кн.: Русский дипломатий. Вып. 10. Отв. ред. А.В. Антонов. М., изд. «Древлехранилище»: 119–154.
5. Безгин В.Б. 2017. Мужичья правда. Обычное право и суд русских крестьян. М., Common place, 334 с.
6. Бovyкин В.В. 2015. Очерки по истории местного самоуправления эпохи Ивана Грозного. СПб., ИПК Вести, 423 с.
7. Гуревич А.Я. 2007. Избранные труды. Средневековый мир. СПб., Изд-во С.-Петерб. ун-та, 560 с.
8. Дьяконов М.А. 1908. Очерки общественного и государственного строя древней Руси. СПб., Издание Юридического книжного склада «Право», 509 с.
9. Живов В.М. 1988. Круглый стол: 1000-летие Крещения Руси. Советское славяноведение, 6: 36–39.
10. Живов В.М. 2002. История русского права как лингвoseмиотическая проблема. Postscriptum. В кн.: Живов В.М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., Языки славянской культуры: 291–305.
11. Живов В.М. 2002. Особенности рецепции византийской культуры в древней Руси. В кн.: Живов В.М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., Языки славянской культуры: 73–115.
12. Иванов С.А. 2003. Византийское миссионерство: Можно ли из варвара сделать христианина. М., Языки славянской культуры, 376 с.
13. Корб И. 1997. Дневник путешествия в Московское государство Игнатия Гвариента, посла императора Леопольда I к царю и великому князю Петру Алексеевичу в 1698 г., веденный секретарем посольства Иоганном Георгом Корбом. В кн.: Рождение империи. М., Фонд Сергея Дубова: 21–258.
14. Кром М.М. 2010. Вдовствующее царство: политический кризис в России 30–40-х годов XVI века. М., Новое литературное обозрение, 888 с.
15. Леви-Стросс К. 2008. Неприрученная мысль. В кн.: Леви-Стросс К. Тотемизм сегодня. Неприрученная мысль. М., Академический проект: 143–501.
16. Памятники русского права. 1955. Выпуск 3. Памятники права периода образования централизованного Русского государства XIV–XV вв. Под ред. Л.В. Черепнина. М., Гос. изд-во юрид. лит-ры, 527 с.
17. Пашенцев Д.А., Чернявский А.Г. 2016. Формирование русской исторической школы права. Образование и право, 2: 188–194.
18. Петров К.В. 2008. Имел ли Судебник 1497 г. значение закона в его современном понимании? (По поводу статьи С.Н. Кистерова «Великокняжеский Судебник 1497 г. и судебная

практика первой половины XVI в.)). Очерки феодальной России. Вып. 12. М.-СПб., Альянс-Архео: 365–382.

19. Розанов С.П. 1904. Материалы по истории русских Пчел. М., Общество любителей древней письменности: 128 с.

20. Савиньи Ф.К. фон. 2011. Система современного римского права. Пер. с нем. Г. Жигулина. Том I. М., Статут, 510 с.

21. Украинский В. 1907. Крестьянская община и аграрная реформа. М., Тип-я Г. Лиснера и Д. Собко, 117 с.

22. Филиппов А.Н. 1886. Народное обычное право как исторический материал. Русская мысль, 9: 56–71.

23. Флетчер Дж. 1991. О государстве Русском. В кн.: Проезжая по Московии (Россия XVI–XVII веков глазами дипломатов). М., Международные отношения: 25–138.

24. Barkey J. 2008. Empire of Difference: The Ottomans in Comparative Perspective. Cambridge: Cambridge University Press: 341 p.

25. Barkey J. 2008. Empire of Difference: The Ottomans in Comparative Perspective. Cambridge, Cambridge University Press, 341 p.

26. Brewer J. 1989. The sinews of power. War, money and the English state, 1688–1783. London, Unwin Hyman, 253 p.

27. Brewer J., Hellmuth E. 1999. Introduction. In: Rethinking Leviathan: The Eighteenth-century State in Britain and Germany. Oxford & New York, Cambridge University Press: 1–22.

28. Cohen E. 1993. The crossroads of justice: law and culture in late medieval France. Leiden, New York: E.J. Brill, 231 p.

29. Franklin S. 2002. Writing, Society and Culture in Early Rus. Cambridge, Cambridge University Press, 325 p.

30. Kollmann N.S. 2012. Crime and Punishment in Early Modern Russia. Cambridge, Cambridge University Press, 504 p.

References

1. Alekseev Yu.G. 1991. Gosudar` vseya Rusi [Sovereign of All Russia]. Novosibirsk, Publ. Nauka, 240 p.

2. Alekseev Yu.G. 2001. Sudebnik Ivana III. Tradiciya i reforma [Code of Laws of Ivan III. Tradition and Reform]. SPb., Publ. Dmitriy Bulanin, 448 p.

3. Aristov N.Ya. 1875. Ob istoricheskom znachenii russkix razbojnich`ix pesen [About the historical significance of Russian robbery songs]. Voronezh, Publ. Tipografiya N.D. Gol`dshtejna: 165 p.

4. Baranov K.V. 2004. Zapisnaya kniga Poloczkogo poxoda 1562/63 goda [Notebook of the Polotsk campaign of 1562/63]. In: Russkij diplomatarij [Russian diplomatarium]. Issue 10. Ed. by A.V. Antonov. M., Publ. Drevlexranilishhe: 115–154.

5. Bezgin V.B. 2017. Muzhiczkaya pravda. Oby`chnoe pravo i sud russkix krest`yan [Peasant Truth. Common law and court of Russian peasants]. M., Publ. Common place, 334 p.

6. Bovy`kin V.V. 2015. Oчерки po istorii mestnogo samoupravleniya e`poxi Ivana Groznogo [Essays on the history of local self-government in the era of Ivan the Terrible]. SPb., Publ. IPK "Vesti", 423 p.

7. Gurevich A.Ya. 2007. Izbranny`e trudy`. Srednevekovy`j mir [Selected Works. Medieval world]. SPb., Publishing house of St. Petersburg. University, 560 p.

8. D`yakonov M.A. 1908. Oчерки obshhestvennogo i gosudarstvennogo stroya drevnej Ru-si [Essays on the social and state structure of ancient Rusi]. SPb., Publication of the Legal Book Warehouse "Pravo", 509 p.

9. Zhivov V.M. 1988. Krugly`j stol: 1000-letie Kreshheniya Rusi [Round table: 1000th anniversary of the Baptism of Rus]. Sovetskoe slavyanovedenie, 6: 36–39.

10. Zhivov V.M. 2002. Istoriya russkogo prava kak lingvosemioticheskaya problema. Postscriptum [History of Russian law as a linguosemiotic problem. Postscriptum]. In: Zhivov V.M. Razy`skaniya v oblasti istorii i predy`storii russkoj kul`tu-ry` [Research in the field of history and prehistory of Russian culture]. M., Publ. Yazy`ki slavyanskoj kul`tury`: 291–305.

11. Zhivov V.M. 2002. Osobennosti recepcii vizantijskoj kul`tury` v drevnej Rusi [Features of the reception of Byzantine culture in ancient Russia] In: Zhivov V.M. Razy`skaniya v oblasti istorii i

predy`storii russkoj kul`tury` [Research in the field of history and prehistory of Russian culture]. M., Publ. Yazy`ki slavyanskoy kul`tury`: 73–115.

12. Ivanov S.A. 2003. Vizantijskoe missiонерство: Mozhno li iz varvara sdelat` xristianina [Byzantine Missionary: Is It Possible to Make a Christian from a Barbarian]. M., Publ. Yazy`ki slavyanskoy kul`tury`: 376 p.

13. Korb I. 1997. Dnevnik puteshestviya v Moskovskoe gosudarstvo Ignatiya Gvarienta, posla imperatora Leopold`a I k czaryu i velikomu knyazyu Petru Alekseevichu v 1698 g., vedennyj sekretarem posol`stva Iogannom Georgom Korbom [Diary of a trip to the Moscow state of Ignatius Gvarient, ambassador of Emperor Leopold I to the Tsar and Grand Duke Peter Alekseevich in 1698, kept by the secretary of the embassy Johann Georg Korb]. In: Rozhdenie imperii [Birth of the Empire]. M., Publ. Sergei Dubov Foundation, 21–258.

14. Krom M.M. 2010. Vdovstvuyushhee czarstvo: politicheskij krizis v Rossii 30–40-x godov XVI veka [The Dowager Kingdom: Political Crisis in Russia in the 30s-40s of the 16th Century]. M., Publ. Novoe literaturnoe obozrenie, 888 p.

15. Zhivov V.M. 1988. Kruglyj stol: 1000-letie Kreshheniya Rusi [Round table: 1000th anniversary of the Baptism of Rus]. Sovetskoe slavyanovedenie, 6: 36–39.

16. Levi-Stross K. 2008. Nepriruchennaya my`sľ [Untamed thought]. In: Levi-Stross K. Totemizn segodnya. Nepriruchennaya my`sľ [Totemism today. An untamed thought]. M., Publ. Akademicheskij proekt: 143–501.

17. Pamyatniki russkogo prava. [Monuments of Russian law]. 1955. Issue 3. Pamyatniki prava perioda obrazovaniya centralizovannogo Russkogo gosudarstva XIV–XV vv. [Monuments of law of the period of formation of the centralized Russian state XIV–XV centuries]. Edited by L.V. Cherepnin. M., State Publishing House of Legal Literature, 527 p.

18. Pashencev D.A., Chernyavskij A.G. 2016. Formirovanie russkoj istoricheskoy shko-ly` prava [Formation of the Russian Historical School of Law]. In: Obrazovanie i pravo, 2: 188–194.

19. Petrov K.V. 2008. Imel li Sudebnik 1497 g. znachenie zakona v ego sovremennom ponimanii? (Po povodu stat`i S.N. Kistereva «Velikoknyazheskij Sudebnik 1497 g. i sudebnaya praktika pervoj poloviny` XVI v.») [Did the 1497 Code of Law have the meaning of the law in its modern sense? (Regarding SN Kisterev's article "Grand Ducal Code of Laws of 1497 and Judicial Practice of the First Half of the 16th Century")]. In: Oчерki feodal`noj Rossii. Issue 12. M.-SPb., Publ. Al`yans-Arxeo: 365–382.

20. Rozanov S.P. 1904. Materialy` po istorii russkix Pchel [Materials on the history of Russian Bees]. M., Publ. Obshhestvo lyubitelej drevnej pis`mennosti: 128 p.

21. Stoglav. Tekst. Slovoukazatel` [Stoglav. Text. Word guide]. 2015. M.-SPb., Publ. Center for Humanitarian Initiatives, 320 p.

22. Ukrainskij V. 1907. Krest`yanskaya obshhina i agrarnaya reforma [Peasant community and agrarian reform]. M., Printing house of G. Lissner and D. Sobko, 117 p.

23. Filippov A.N. 1886. Narodnoe oby`chnoe pravo kak istoricheskij material [Popular customary law as historical material]. Russkaya my`sľ, 9: 56–71.

24. Fletcher Dzh. 1991. O gosudarstve Russkom [Of the Russe Common Wealth]. In: Proezhaya po Moskovii (Rossiya XVI–XVII vekov glazami diplomatov). [Driving through Muscovy (Russia of the XVI–XVII centuries through the eyes of diplomats)]. M., Mezhdunarodny`e otnosheniya: 25–138.

25. Barkey J. 2008. Empire of Difference: The Ottomans in Comparative Perspective. Cambridge, Cambridge University Press, 341 p.

26. Brewer J. 1989. The sinews of power. War, money and the English state, 1688–1783. London, Unwin Hyman, 253 p.

27. Brewer J., Hellmuth E. 1999. Introduction. In: Rethinking Leviathan: The Eighteenth-century State in Britain and Germany. Oxford & New York, Cambridge University Press: 1–22.

28. Cohen E. 1993. The crossroads of justice: law and culture in late medieval France. Leiden, New York: E.J. Brill, 231 p.

29. Franklin S. 2002. Writing, Society and Culture in Early Rus. Cambridge, Cambridge University Press, 325 p.

30. Kollmann N.S. 2012. Crime and Punishment in Early Modern Russia. Cambridge, Cambridge University Press, 504 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Пенская Татьяна Михайловна, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

Туранин Владислав Юрьевич, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор юридических наук, г. Белгород, Россия

Пенской Александр Витальевич, аспирант кафедры теории и истории государства и права Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tatyana M. Penskaya, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

Vladislav Yu. Turanin, associate Professor, head of the Department of Theory and History of State and Law of the Law Institute of the Belgorod National Research University, Belgorod, Russia, doctor of law, Belgorod, Russia

Alexander V. Penskoj, post-graduate student of the Department of Theory and History of State and Law of the Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

УДК 342.721

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-4-736-741

Правовые позиции высших судов в сфере обеспечения и защиты конституционного права на охрану здоровья и репродуктивных прав

Плотникова Е.С.

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина
Россия, 399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, д. 28
E-mail: a89158571116@mail.ru

Аннотация. Предпринята попытка анализа правоприменительной практики в сфере обеспечения и защиты конституционного права на охрану здоровья и репродуктивных прав, иных конституционных прав и свобод и принципа гендерного равенства в деятельности высших судов ряда зарубежных стран. Неблагоприятная демографическая ситуация и проблемы ухудшения репродуктивного здоровья являются факторами, побуждающими государства закреплять репродуктивные права в качестве основных прав и свобод, гарантируемых конституцией. Об этом говорит и изменение позиций конституционных судов в тех странах, где репродуктивные права в конституции не провозглашены. В то же время многие государства становятся на позицию признания права на жизнь с момента зачатия, что зачастую приводит к ограничению тех или иных репродуктивных прав, в частности права на аборт и контрацепцию. Данный анализ представляет интерес в силу ограниченного количества дел подобной категории в практике российских судов и пока незначительного объема опыта отечественных юристов-практиков, которые бы позволили выявить наиболее важные проблемы в отечественном регулировании анализируемой сферы общественных отношений.

Ключевые слова: гендерное равенство, репродуктивное здоровье, право на жизнь, репродуктивные права, право на охрану здоровья и медицинскую помощь, право на аборт, неприкосновенность частной жизни, эвтаназия.

Для цитирования: Плотникова Е.С. 2021. Правовые позиции высших судов в сфере обеспечения и защиты конституционного права на охрану здоровья и репродуктивных прав. *Nomothetika: Философия. Социология. Право*, 46(4): 736–741 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-4-736-741

Legal Positions of the Highest Courts in the Field of Ensuring and Protecting the Constitutional Right to Health and Reproductive Rights

Elena S. Plotnikova

I.A. Bunin Yelets State University
28 Kommunarov St, Lipetsk region, Yelets 399770, Russian Federation
E-mail: a89158571116@mail.ru

Abstract. This article attempts to analyze the law enforcement practice in the field of ensuring and protecting the constitutional right to health and reproductive rights, other constitutional rights and freedoms and the principle of gender equality in the activities of the highest courts of a number of foreign countries. The unfavorable demographic situation and problems of deteriorating reproductive health are factors that induce states to consolidate reproductive rights as fundamental rights and freedoms guaranteed by the constitution. This is evidenced by the change in the positions of the constitutional

courts in those countries where reproductive rights are not proclaimed in the constitution. At the same time, many states take the position of recognizing the right to life from the moment of conception, which often leads to the restriction of certain reproductive rights. In particular, the rights to abortion and contraception. In addition, in recent decades, close attention of the entire world community has been directed to the development of reproductive technologies. In connection with the high rates of scientific progress, the emergence of new methods of treating infertility, new disputes and problems arise not only in matters of ethics, morality and medicine, but also in the field of legal regulation. This analysis is of interest due to the limited number of cases of this category in the practice of Russian courts and so far the insignificant amount of experience of domestic legal practitioners, which would reveal the most important problems in the domestic regulation of the analyzed sphere of public relations.

Keywords: gender equality, reproductive health, the right to life, reproductive rights, the right to health and medical care, the right to abortion, privacy, euthanasia.

For citation: Plotnikova E.S. 2021. Legal Positions of the Highest Courts in the Field of Ensuring and Protecting the Constitutional Right to Health and Reproductive Rights. *Nomothetika: Philosophy. Sociology. Law*, 46(4): 736–741 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-4-736-741

Введение

В рамках настоящего исследования необходимо проанализировать деятельность высших судов ряда стран, которые признали и применяли конституционное право на охрану здоровья. В частности, Верховный суд Канады и Конституционный суд Южной Африки [Dikson, Nasbaum, 2011] неоднократно принимали решения, применяя конституционное право на охрану здоровья к случаям вне контекста аборт. Это право на охрану здоровья, которое трактуется данными судами как право на невмешательство в решения о лечении и отношения между врачом и пациентом, пересекается с правом на неприкосновенность частной жизни, автономию и физическую неприкосновенность личности, защищенную гарантиями процессуального права. Решения органов судебной власти Канады и Южной Африки могут служить образцом для формирования как юридического, так и политического дискурса в отношении репродуктивных прав во взаимосвязи с правом на охрану здоровья.

Охватывание этого дискурса будет иметь различные юридические и политические последствия для защитников репродуктивных прав. Во-первых, это может служить основой для оспаривания определенных видов ограничений на право абортов, которые относятся к числу конституционных в соответствии со сложившейся судебной практикой в области репродуктивных прав. Кроме того, это позволяет деполитизировать защиту репродуктивных прав, обеспечить их нейтральный по гендерному признаку контекст и тем самым обеспечить поддержку самых широких слоев населения. Конечно, дискурс, предлагающий право выбора абортов в качестве аспекта права на охрану здоровья, также имеет определенные ограничения. Это не улучшает доступ к абортам для женщин не только вследствие правовых запретов, но и по финансово-экономическим причинам [Павлова, 2007]. Аборты, по мере того, как растет доступность медицинского обслуживания, без государственного вмешательства становятся инструментом обеспечения конфиденциальности, автономии, равенства и достоинства женщины в современном обществе.

Объекты и методы исследования

Объектом настоящего исследования являются общественные отношения, складывающиеся на современном этапе развития в сфере конституционно-правового регулирова-

ния репродуктивных прав человека и их защиты и получившие надлежащую оценку в правовых позициях высших судебных органов зарубежных стран.

Методологической основой исследования является диалектический метод научного познания, а также комплексный системный подход к анализу проблем, касающихся вопросов конституционно-правового регулирования репродуктивных прав человека.

Результаты и их обсуждение

Право выбора аборт является многогранным, включающим множество разных прав. Как известно, право на аборт описывается как право на неприкосновенность частной жизни, что означает право принимать определенные личные, основополагающие и потенциально изменяющие жизнь решения без вмешательства со стороны государства¹. Это также отчасти право на равенство – право, которое имеет важное значение для того, чтобы женщины могли реализовывать свой потенциал, не опасаясь быть принужденными к незапланированному и нежелательному деторождению [Singh, 2006].

Понимание репродуктивных прав как элемента права на охрану здоровья уже давно имеет место в судебной практике. Так, Верховный Суд Канады поясняет: «Решение об аборте во всех его аспектах по своей сути прежде всего медицинское решение и основная ответственность за него возлагается на врача» [Романовский, 2016]. При рассмотрении дела Джейн Рой суд, по крайней мере частично, затронул вопрос об автономии принятия решений в области медицины. Адвокаты Джейн Рой начали основную часть своей речи в Верховном суде с утверждения: «Право искать и получать медицинскую помощь для защиты здоровья и благополучия – это фундаментальная личная свобода, признанная Решениями этого настоящего суда». Таким образом, утверждают истцы, их наиболее значимый аргумент можно выразить в краткой формуле: «личное право заботиться о своем здоровье является основополагающим правом». В другой части своих доводов истцы описывали это право еще шире, как «право заботиться и защищать свое здоровье в тех формах, которые человек считает для себя наилучшими»².

Аналогичным образом Верховный суд в деле Доу против Болтона (случай, сходный с делом Рой против Уэйда) неоднократно сравнивал процедуру аборт с другими хирургическими процедурами, отмечая, что спорный закон штата Джорджия в этом случае регулировал аборты способами, которые невозможны для других операций, и подчеркнул важность медицинского заключения врача в определении уместности аборт в каждом конкретном случае³. Такое всеобъемлющее понимание, пояснил Суд, позволяет врачу сделать правильное медицинское заключение, действуя на благо пациента. Поэтому, как и в деле Рой против Уэйда, суд предположил, что не только права женщины на неприкосновенность частной жизни, но также и обязанность врача действовать во благо пациента могут быть нарушены некоторыми видами ограничений на аборт [Hunter, Blackmun, 2006].

В деле Грисволд против Коннектикута следы медицинского подхода к репродуктивным правам видны, например, в возражении Суда о том, что запрет в штате Коннекти-

¹ Planned parenting. Ministry Against Rounds, 530 F.3d 724, 726 (8th Cir. 2008) (en banc) (rejection of the constitutional requirement for informed consent law requiring women to say that upon receiving an abortion, they “end” the life of a whole, separate, unique, living person). Available at: https://afj.org/wp-content/uploads/2018/08/Planned-Parenthood-Minn.-v.-Rounds_-686F.3d889-12-01-09.pdf (accessed: 16.08.2021).

² United States Supreme Court. Roe v. Wade 410 U.S. 113 (1973). Available at: <https://supreme.justia.com> (accessed: 16.08.2021).

³ Refusing to Provide Health Services. 2021. Guttmacher Institute. Available at: <https://www.guttmacher.org/state-policy/explore/refusing-provide-health-services> (accessed: 19.11.2021).

кут контрацептивов «является непосредственным вмешательством в личные взаимоотношения супругов»¹.

Разумеется, автономия личности может быть ограничена. Прецедентное право предполагает, что данное ограничение может быть обусловлено необходимостью защиты общества и государства. Таким образом, хотя признание Верховным судом США права на охрану здоровья в случаях абортс было особенно устойчивым, он отказался признать право на эвтаназию².

Интерес вызывает позиция ряда западных исследователей, указывающих, что, хотя право выбора эвтаназии не соотносится с правом на охрану здоровья, право требовать медицинское вмешательство, чтобы положить конец своей жизни, будет охватываться широким пониманием «негативного» права на охрану здоровья, что характерно для англосаксонских стран [Соловьев, 2010, с. 47]. Таким образом, несколько искусственно в научный оборот пытаются ввести новые категории, расширительно трактующие данное право как свободу от вмешательства государства и общества в автономию личности распоряжаться своей жизнью, в том числе и прекращать её по собственному усмотрению.

С подобной концепцией действительно трудно согласиться. Так, в знаковом для США деле *Washington v. Glucksberg* суд не был уверен в том, что такое право существует. Совпадающее мнение судей обеспечило необходимые пять голосов в принятии решения, отрицающего право требовать медицинское вмешательство, чтобы закончить физическое существование. Вместо этого судьи настаивали на том, что даже если бы имелось такое право, интерес государства к сохранению человеческой жизни обладает достаточным приоритетом, чтобы преодолеть это право.

Более того, большинство судей предположили, что может существовать конституционное право на получение необходимых паллиативных лекарств, позволяющих избежать излишних страданий в случае прогрессирующего неизлечимого заболевания. Как утверждает суд в деле *Washington v. Glucksberg*, «негативное» право на охрану здоровья может быть ограничено действительными государственными интересами. Суд счел, что этот запрет является рациональным в том смысле, что он способствует таким убедительным государственным интересам, как сохранение человеческой жизни и защита психически больных и инвалидов от врачебной халатности и принуждения. Это также позволило воспрепятствовать тем гражданам, кто хотел бы покончить с жизнью из-за финансовых или психологических осложнений. Суд также счел, что если он объявит самоубийство с помощью врача конституционно защищенным правом, то тем самым направит государство по пути легализации добровольной, а возможно, и недобровольной эвтаназии [Лушкова, 2005, с. 45].

Заключение

В современном мире государственная политика должна быть направлена на обеспечение доступа к необходимым услугам в области репродуктивного здоровья. Одним из шагов в этом направлении является более широкое распространение информации о возможностях, предоставляемых женщинам, в целях повышения осведомленности широкой общественности. Второй шаг заключается в освещении возможных пагубных последствий, которые запретительные законы оказывают на репродуктивное здоровье и права женщин, особенно такими авторитетными органами, как профессиональные медицинские ассоциации. На международном уровне должна иметь место поддержка женщин, права

¹ United States Supreme Court. *Griswold v. Connecticut* 381 U.S. 479 (1965) Electronic resource. Available at: <https://supreme.justia.com> (accessed: 12.08.2021).

² Healthcare freedom of conscience Act. 2016. Available at: http://www.aul.org/downloads/2016-LegislativeGuides/ROC/Healthcare_Freedom_of_Conscience_Act_-_2016_LG.pdf (accessed: 19.11.2021).

которых были нарушены с помощью такого национального законодательства путем содействия подаче жалоб в международные комитеты по наблюдению за соблюдением договоров, комиссии по правам человека и суды, а также в отдел специальных процедур ООН, с тем чтобы добиться изменений в судебной системе на национальном и региональном уровнях¹.

Что касается селективных аборт по признаку пола, то общество должно стремиться к тому, чтобы эффективно учитывать последствия гендерных предпочтений и стереотипов в обществе. С учетом значительного воздействия законов, регулирующих вопросы, связанные с беременностью, на основные права женщин, государствам следует сотрудничать друг с другом в целях поощрения формирования правовых механизмов защиты репродуктивных прав женщин.

На наш взгляд, в США и ряде европейских стран существует коллизия понимания права на охрану здоровья и попытка утверждения расширительного толкования данного права посредством включения негативного компонента, т. е. предоставления женщине возможности осуществлять аборт, хотя бы это противоречило общественным интересам, но обеспечивало репродуктивную свободу осуществлять зачатие или прекращать беременность по желанию женщины. Это право уже существует, по крайней мере в зарождающейся форме, в конституционном праве США [Sippel, Suohu, Shtolc, 2008]. Оно уже имеет место быть, хотя и неявно, в рамках правовой доктрины. Несомненно, именно судебная практика в ближайшем будущем ответит на поставленные вопросы в правовых системах зарубежных стран. Представители феминистического движения в значительной степени избегали обсуждения аборт как в первую очередь медицинскую процедуру, вместо этого подчеркивая идею аборт как субъективное право, необходимое для обеспечения равноправия женщин. Подчеркивается концепция автономии принятия решений и равенства, лежащих в основе конституционного права на выбор аборт [Cook, Dickens, 2003].

На наш взгляд, более продуктивным является использование подхода, который подчеркивает аборт как форму медицинского обслуживания, вызванного объективными потребностями охраны здоровья женщин.

Проблематика аборт играет важнейшую роль в защите здоровья женщин, что отмечается большинством исследователей репродуктивных прав человека. Значительная часть правовых ограничений в данной области связана с судебной практикой, сложившейся в ряде государств. Основная дискуссия сосредоточена вокруг вопроса о том, должно ли законодательство, регулирующее аборт, содержать исключение для случаев, когда регулируемая процедура необходима для защиты здоровья женщины².

Если проблему аборт рассматривать через призму здравоохранения, право на доступ к абарту может считаться одним из аспектов реализации права на охрану здоровья.

Тем не менее, в Российской Федерации акценты анализируемой проблематики несколько смещены в силу значительных демографических проблем и тенденции сокращения населения, в связи с чем проблематика правовых механизмов обеспечения права на охрану здоровья женщины в большей степени сконцентрирована на преодолении негативных последствий чрезмерной практики аборт.

¹ World Health Organization: Sexual and Reproductive Health. 2018. WHO identification number: WHO/RHR/18.12 Electronic resource. Available at: <http://www.who.int/reproductivehealth/publications/intrapartum-care-guide-lines-ru> (accessed: 12.08.2021).

² Planned Parenthood Cincinnati Region v. Taft, 444 F.3d 502, 511-12, 517 (6th Cir. 2006). Available at: <https://www.courtlistener.com/opinion/2420560/planned-parenthood-cincinnati-region-v-taft> (accessed: 16.08.2021); Planned Parenthood of Idaho, Inc. v. Wasden, 376 F.3d 908, 930 (9th Cir. 2004). Available at: <https://www.courtlistener.com/opinion/2469200/planned-parenthood-of-idaho-inc-v-wasden> (accessed: 10.08.2021).

Список литературы

1. Лушкова С.И. 2005. Права человека и гражданина в контексте глобализации. В кн.: Правовая система России в условиях глобализации: сборник материалов круглого стола. М., С. 45–52.
2. Павлова Ю.В. 2007. Репродуктивная функция организма как форма реализации конституционного права человека на жизнь: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 21 с.
3. Романовский Г.Б. 2016. Правовая охрана материнства и репродуктивного здоровья. М., ООО «Перспект», 216 с.
4. Соловьев Е.Г. 2010. Репродуктивные права как элементы конституционных прав и свобод человека и гражданина: Дисс. ... канд. юрид. наук. Владикавказ, 182 с.
5. Cook R. J. Dickens B. M. 2003. Human rights dynamics of abortion law reform. *Human Rights Quarterly*, 25/1:1–59.
6. Dikson R., Nasbaum M. 2011. Abortion, Dignity and Approach to Opportunity. University of Chicago. Available at: <http://www.law.uchicago.edu/academics/publiclaw/index.html> (accessed: 12.08.2021).
7. Hunter N.D., Blackmun J. 2006. Abortion и Myth of Medical Independence, 72 *Brook. L. Rev.* pp. 147, 171–172.
8. Sippel S., Suohu S., Shtolc S. 2008. Advances in global sexual and reproductive health and rights leading to human rights change. *FORDHAM L. REV.*, pp. 459–481.
9. Singh S. 2006. Hospitalizations due to unsafe abortion: an estimated 13 developing countries. *The Lancet*, 368/9550: 1887–1892.

References

1. Lushkova S.I. 2005. Prava cheloveka i grazhdanina v kontekste globalizacii [Human and civil rights in the context of globalization]. In: *Pravovaya sistema Rossii v usloviyah globalizacii: Sbornik materialov «kruglogo stola»*. [The legal system of Russia in the context of globalization: a collection of materials of the round table]. Moscow, pp. 45–52. (in Russian)
2. Pavlova U.V. 2007. The reproductive function of the body as a form of realization of the constitutional human right to life: Abstract. dis. ... cand. jurid. sciences. M., 21 p. (in Russian)
3. Romanovskij G.B. 2016. Pravovaya ohrana materinstva i reproduktivnogo zdorov'ya. [Legal protection of maternity and reproductive health]. M., Publ. ООО Prospekt, 216 p.
4. Solov'ev E.G. 2010. Reproductive rights as elements of the constitutional rights and freedoms of man and citizen: Dissertation ... cand. jurid. sciences'. Vladikavkaz, 182 p. (in Russian)
5. Cook R. J. Dickens B. M. 2003. Human rights dynamics of abortion law reform. *Human Rights Quarterly*, 25/1: 1–59.
6. Dikson R., Nasbaum M. 2011. Abortion, Dignity and Approach to Opportunity. University of Chicago. Available at: <http://www.law.uchicago.edu/academics/publiclaw/index.html> (accessed: 12.08.2021).
7. Hunter N.D., Blackmun J. 2006. Abortion и Myth of Medical Independence, 72 *Brook. L. Rev.* pp. 147, 171–172.
8. Sippel S., Suohu S., Shtolc S. 2008. Advances in global sexual and reproductive health and rights leading to human rights change. *FORDHAM L. REV.*, pp. 459–481.
9. Singh S. 2006. Hospitalizations due to unsafe abortion: an estimated 13 developing countries. *The Lancet*, 368/9550: 1887–1892.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Плотникова Елена Сергеевна, аспирант
Елецкого государственного университета
им. И.А. Бунина, г. Елец, Липецкая область,
Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena S. Plotnikova, postgraduate student of
I.A. Bunina Yelets State University, Yelets, Li-
petsk region, Russia

УДК 342.9

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-4-742-751

Несовершенство закона о мелком хулиганстве как условие антиобщественного поведения в общественных местах и в сфере семейно-бытовых отношений

Стульнова Т.В., Холманский В.И.

Санкт-Петербургский университет МВД России,
Россия, 198206, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилутова, 1
E-mail: stulnova@gmail.com

Аннотация. Действующий закон, определяющий содержание и состав мелкого хулиганства, не отвечает требованиям борьбы с антиобщественными действиями, совершаемыми в общественных местах и в сфере семейно-бытовых отношений. Его законодательное определение вызывает у сотрудников полиции и судей двойное толкование объективной стороны противоправного деяния, включающей обязательную совокупность основного и факультативных признаков мелкого хулиганства. Основным признаком мелкого хулиганства, в соответствии с действующей нормой, выступают действия, нарушающие общественный порядок. Однако ни законодатель, ни высшие судебные органы за 17 лет действия нормы не разъяснили, что под ними следует понимать без сопровождающих их перечисленных в статье иных действиях, выступающих в качестве обязательного факультативного признака: нецензурная брань в общественных местах, оскорбительное приставание к гражданам, уничтожение или повреждение чужого имущества. Включение в редакцию диспозиции действующей статьи федеральным законом словосочетания «сопровождающееся нецензурной бранью в общественных местах» значительно сузило сферу охраняемых законом общественных отношений. В результате в настоящее время полиции невозможно квалифицировать как мелкое хулиганство скандалы, учиняемые повсеместно, в том числе в состоянии опьянения, по месту жительства в сфере семейно-бытовых отношений, нарушающие покой и нормальный отдых окружающих граждан. Исследование практики работы полиции показало, что значительное количество преступлений тяжкого и особо тяжкого характера против жизни и здоровья граждан, включая убийства, совершенные в сфере семейно-бытовых отношений, происходит в результате учинения либо продолжения вовремя не пресеченных подобных скандалов, ранее квалифицированных советским административным законодательством как мелкое хулиганство. Авторы предлагают пути устранения существующего пробела.

Ключевые слова. мелкое хулиганство, административная ответственность, антиобщественное поведение, семейное насилие.

Для цитирования: Стульнова Т.В., Холманский В.И. 2021. Несовершенство закона о мелком хулиганстве как условие антиобщественного поведения в общественных местах и в сфере семейно-бытовых отношений. NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право, 46(4): 742–751. DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-4-742-751

Imperfection of the Law on Petty Hooliganism as a Condition of Antisocial Behavior in Public Places and in the Sphere of Family and Household Relations

Tatiana V. Stulinova, Vitaliy I. Holmanskiy

Saint-Petersburg University MVD Russian,
1 Letchika Pilyutova St, Saint Petersburg 198206, Russian Federation
E-mail: stulnova@gmail.com

Abstract. The current law defining the content and composition of petty hooliganism does not meet the requirements of combating antisocial actions committed in public places and in the sphere of family and

household relations. Its legislative definition causes police officers and judges to have a double interpretation of the objective side of the illegal act, which includes a mandatory set of basic and facultative signs of petty hooliganism. The main sign of petty hooliganism, in accordance with the current norm, are actions that violate public order. However, neither the legislator nor the higher judicial bodies have explained for 17 years of the norm's validity what they should be understood as without accompanying other actions listed in the article, acting as a mandatory optional feature: obscene language in public places, insulting harassment of citizens, destruction or damage to someone else's property. The inclusion of the phrase "accompanied by obscene language in public places" in the editorial of the disposition of the current article by federal law significantly narrowed the scope of public relations protected by law. As a result, it is currently impossible for the police to qualify as petty hooliganism, scandals committed everywhere, including in a state of intoxication, at the place of residence in the sphere of family and household relations, disturbing the peace and normal rest of surrounding citizens. A study of the practice of police work has shown that a significant number of crimes of a grave and especially grave nature against the life and health of citizens, including murders committed in the sphere of family and household relations, occur as a result of the commission or continuation of such scandals that were not stopped in time, which were previously qualified by Soviet administrative legislation as petty hooliganism. The authors suggest ways to eliminate the existing gap.

Keywords: petty hooliganism, administrative responsibility, antisocial behavior, family violence.

For citation: Stulinova T.V., Holmanskiy V.I. 2021. Imperfection of the Law on Petty Hooliganism as a Condition of Antisocial Behavior in Public Places and in the Sphere of Family and Household Relations. NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 46(4): 742–751 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-4-742-751

Введение

Эффективность деятельности полиции в вопросах выполнения стоящих перед нею задач напрямую зависит от уровня совершенства ее нормативного правового обеспечения. Полиция как один из органов исполнительной власти обязана действовать по исполнению законов и иных соответствующих им подзаконных актов, не выходя за пределы обозначенного ими правового поля. Иначе даже непреднамеренные действия ее сотрудников, действовавших с позиции целесообразности, контролирующими, надзирающими и следственными органами могут быть признаны как не законными, нарушившими права и интересы граждан, со всеми вытекающими отсюда негативными правовыми последствиями для самих сотрудников полиции. Данное обстоятельство не было учтено инициаторами проведенной в стране реформы МВД России, которая, по всеобщему мнению, вместо того, чтобы сделать упор на совершенствование законов, составляющих правовую основу деятельности милиции, фактически ограничилась только переименованием милиции в полицию со значительными затратами на это многомиллионных средств из федерального бюджета и организационными штатными мероприятиями, в ходе которых фактически по формальным основаниям, включающим наличие выслуги лет и достижение предельно допустимого срока службы, из органов внутренних дел было уволено до 25 % личного состава. При этом какого-либо качественного изменения в нормативном правовом обеспечении правоохранительной деятельности сотрудников органов внутренних дел не произошло. Поэтому совершенно не удивителен тот факт, что, несмотря на проведенную в стране реформу МВД России и ожидаемые ее инициаторами результаты, качественно нового уровня в деятельности сотрудников полиции в настоящее время по истечению более десяти лет, прошедших после реформы, не наблюдается, а население страны все чаще дает ей негативную оценку. Это обстоятельство не может не беспокоить руководство МВД России и руководство страны.

Правовые и организационные проблемы, возникающие в деятельности полиции при исполнении закона о мелком хулиганстве при пресечении антиобщественного поведения в общественных местах и в сфере семейно-бытовых отношений

В соответствии с Федеральным законом «О полиции» к основным направлениям деятельности полиции относятся: защита личности, общества, государства от противоправных посягательств; предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений; обеспечение правопорядка в общественных местах¹. В рамках работы полиции именно в этих направлениях предлагаем рассмотреть вопрос о том, как обеспечена деятельность сотрудников полиции по предупреждению и пресечению противоправных деяний, связанных с таким распространенным в обществе, особенно в последние десятилетия, негативным явлением, каким является мелкое хулиганство. Как отметили ученые Дизер О.А. и Филиппов О.Ю., мелкое хулиганство занимает значительное место среди деяний, посягающих на общественный порядок [Дизер, Филиппов, 2015. с. 141]. Если рассматривать это негативное явление без привязки к его законодательному определению, установленному в статье 20.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, то оно во все времена представляло собой подчеркнуто грубое, откровенно вызывающе неуважительное отношение лица к окружающим его гражданам, попирающее все общепринятые в обществе нормы должного поведения, традиционные для членов общества нормы морали и нравственности. В нашем обществе всегда резко негативно относились к подобным антиобщественным проявлениям. Действовавшее в 60-х годах советское административное и уголовное законодательство даже предусматривало уголовную ответственность за повторное в течение года совершение мелкого хулиганства. Нормы административного права советского периода четко определяли состав мелкого хулиганства, который абсолютно однозначно воспринимался всеми судьями и сотрудниками правоохранительных органов, в первую очередь милиции. До последних лет существования союзного государства и до 2003 года административными правовыми нормами Российской Федерации объективная сторона мелкого хулиганства была представлена как нецензурная брань, оскорбительное приставание к гражданам, иные подобные действия, нарушающие общественный порядок и выражающие явное неуважение к обществу². Каждое из перечисленных в законе действий представляло собой окончанный состав административного правонарушения. Это было крайне немаловажно для сотрудников милиции, так как давало им право с целью пресечения дальнейшего развития совершенного противоправного деяния и задержания нарушителя применять к нему меры административного принуждения, включая задержание, силовое доставление в орган внутренних дел, привлечение к административной ответственности, применение в необходимых случаях, предусмотренные законом, физической силы и специальных средств.

Согласно разъяснениям, данным Пленумом Верховного суда РСФСР, к иным подобным действиям, нарушающим общественный порядок и выражающим явное неуважение к обществу, в частности, относились: оправление естественных надобностей в неустановленных для этого общественных местах, повреждение официально вывешенных в общественных местах плакатов, транспарантов, беспричинное обливание граждан водой, написание нецензурных слов на фасадах зданий и т. п. В принятом и вступившем в силу в 2002 г. Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях диспози-

¹ Статья 2 Федерального закона от 07 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // Собрание законодательства РФ, 14.02.2011, № 7, ст. 900.

² Статья 158 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях (утвержден Верховным Советом Российской Федерации 20.06.1984) (утратил силу) // Ведомости ВС РСФСР, 1984, № 27, ст. 909; статья 20.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 07.01.2002, № 1 (ч. 1), ст. 1.

ция статьи 20.1 в существующей с советских времен редакции просуществовала до декабря 2003 года, после чего в нее законодательно были внесены изменения, фактически кардинально изменившие ее содержание¹. Само внесение изменения, как показало проведенное нами исследование, связано с дополнением статей 115 УК РФ «Умышленное причинение легкого вреда здоровью», 116 УК РФ «Побои» частью 2, предусматривающий хулиганский мотив совершения указанных преступлений. По нашему мнению, основанному на результатах проведенного исследования, объективной необходимости, с научной и практической точек зрения, связывать указанные изменения, внесенные в перечисленные статьи уголовного кодекса, с изменением редакции нормы, определяющей мелкое хулиганство как административное правонарушение у разработчиков проекта закона и у законодателей не было. Тем не менее в результате внесенного изменения в деятельности полиции в части исполнения закона по пресечению мелкого хулиганства, совершаемого в общественных местах и в сфере семейно-бытовых отношений, возникли и по настоящее время существуют значительные проблемы. Самой же деятельности полиции в обеспечении общественного порядка, нормальных условий жизни, труда и отдыха граждан, по наблюдаемым результатам, как было отмечено выше, населением страны все чаще дается общая отрицательная оценка. Действующая редакция анализируемой статьи вызывает неоднозначное толкование ее объективной стороны не только у сотрудников полиции территориальных органов МВД России, но и у судей [Кивич, 2018]. Мишина Ю.В. отмечает: «Несмотря на то, что рассматриваемая правовая норма часто применяется сотрудниками полиции, качество собранных ими материалов нередко оставляет желать лучшего. Это приводит к возвращению значительной доли составленных протоколов на доработку, прекращению производства в связи с недоказанностью правонарушения, вынесению оправдательных решений» [Мишина, 2021, с. 43]. Т.Б. Светличная и Т.Г. Слюсарева приводят примеры, когда решение суда о применении в отношении мелкого хулигана санкции в виде административного ареста становится невозможным [Светличная, Слюсарева, 2018, с 298, 299].

Павлова Е.В. также отмечает, что «среди дел об административных правонарушениях, подведомственных судам, большой процент составляют те, что посягают на общественный порядок и общественную безопасность. Наиболее распространено среди них мелкое хулиганство. Рассмотрение дел указанной группы у судов не инициирует больших проблем на сегодняшний день, однако вопросы, требующие осмысления, все же остаются» [Павлова, 2021, с. 101].

Как отметил Дизер О.А., «объектом посягательства по ст. 20.1 КоАП РФ является общественный порядок, в широком смысле представляющий систему всех социальных связей, в узком – охватывающий ту часть общественных отношений, которые возникают в публичной сфере общественной жизни» [Дизер, 2017, с. 11]. Научный анализ содержания объективной стороны правонарушения показывает, что она предусматривает наличие одновременной обязательной совокупности основного и факультативного признаков. В качестве основного признака выступает нарушение общественного порядка. При этом, как считает Власова С.А., общественный порядок представляет собой сложное и многогранное явление общественной жизни, но до настоящего времени в науке не выработан единый подход к понятию общественного порядка, что обоснованно влечет необходимость дальнейших научных исследований в данной области [Власова, 2005, с. 5].

В подтверждение сделанного вывода можно привести ряд достаточно разнородных мнений отдельных ученых, определяющих понятие общественного порядка. В частности,

¹ Пункт 6 статьи 3 Федерального закона от 08 декабря 2003 г. № 161-ФЗ «О приведении Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и других законодательных актов в соответствие с Федеральным законом «О внесении изменений и дополнений Уголовный кодекс Российской Федерации» // "Собрание законодательства РФ", 15.12.2003, № 50, ст. 4847.

ученые Дизер О.А., Сидорова И.В., Филиппов О.Ю. достаточно объективно полагают, что «общественный порядок как правовая категория представляет собой урегулированную нормами права и иными социальными нормами систему общественных отношений, установление, развитие и охрана которых обеспечивают поддержание состояния общественного личного спокойствия граждан, уважение их чести, человеческого достоинства и общественной нравственности» [Дизер, Сидорова, Филиппов, 2020, с. 5]. М.Е. Труфанов также считает, что «общественный порядок как юридический термин, до сих пор так и не закреплён законодательно и не определен доктринальным толкованием, хотя для опытного субъекта правоприменения ясно, что под общественным порядком следует понимать определенную совокупность отношений между людьми, с их действиями и поступками в общественных местах» [Труфанов, 2019, с. 231].

В качестве факультативного признака выступают перечисленные в диспозиции статьи действия, сопровождающие нарушение общественного порядка: нецензурная брань в общественном месте, оскорбительное приставания к гражданам, повреждение или уничтожение чужого имущества. Однако после принятия и введения в действия указанного закона ни законодатели, ни Верховный суд РФ не дали никаких разъяснений, что же все-таки следует понимать под действиями, нарушающими общественный порядок, без перечисленных в статье действий, сопровождающих анализируемое нарушение. Кроме этого, внесение в диспозицию статьи словосочетания «сопровождающееся нецензурной бранью в общественных местах» в практической деятельности сотрудников полиции значительно сузило сферу охраняемых законом общественных отношений. В результате, начиная с декабря 2003 г., последние 18 лет все скандалы, учиненные в жилом секторе в сфере семейно-бытовых отношений, в том числе учиненные из хулиганских побуждений, не позволяют их квалифицировать как мелкое хулиганство. При этом не имеет никакого значения, на какой жилплощади учинен подобный скандал: в отдельной квартире, нарушивший покой соседей по лестничной площадке, по подъезду, по дому, или в коммунальных квартирах, где кухня, ванная комната, коридор относятся не к общественным местам, а к местам общего пользования. Если в период действия советского законодательства и позднее, до внесения анализируемого изменения в закон о мелком хулиганстве, сотрудникам милиции, прибывшим в адреса по вызову граждан о подобных скандалах, для применения мер административного принуждения с целью пресечения дальнейшего развития противоправного деяния или задержания нарушителя достаточно было заявлений или объяснений жильцов, подтверждающих наличие в действиях нарушителя признаков мелкого хулиганства, то в настоящее время такого права у сотрудников полиции нет. Как бы это не выглядело парадоксально, но в настоящее время скандалы, учиненные в жилом секторе в сфере семейно-бытовых отношений и потенциально чреватые наступлением достаточно серьезных последствий, включая причинение вреда здоровью различных степеней тяжести, убийства и т. д., по правовой квалификации изначально приравниваются, в лучшем случае, к нарушениям местного законодательства в части нарушения тишины и покоя по аналогии с громким проигрыванием музыки в позднее время и только в тех субъектах, где оно принято. При этом, как отметила О.Г. Горскина, приведя в качестве примеров достаточно много регионов, где приняты подобные законы, такие действия следует квалифицировать как совершение мелкого хулиганства и при этом исходить не из места их совершения, а из места, где наблюдается их результат: нарушение общественного порядка [Горскина, 2011, с. 77]. Супонина Е.А., анализируя новый проект КоАП РФ в части рассматриваемого вопроса о мелком хулиганстве, также отметила, что «практически каждым субъектом федерации разработаны и приняты собственные законы о тишине, которые могут несколько отличаться от федерального законодательства, а также детализировать отдельные его требования» [Супонина, 2020, с. 428].

Однако не следует забывать, что после выведения полиции из подчинения местных органов государственной власти принятие таких законов на местах не позволяет полиции

в полной мере использовать имеющиеся у нее полномочия по пресечению перечисленных в них противоправных действий, по сравнению с полномочиями по пресечению правонарушений, совершенных в общественных местах, предусмотренных федеральным законом. Полиция, даже в соответствии с делегированной ей в некоторых регионах местными органами власти частью полномочий, правомочна только на месте составить акт о выявленном нарушении местного законодательства, передать его в структурное подразделение местного органа власти, сотрудники которого наделены основными полномочиями по составлению протоколов об административном правонарушении и передаче их в административную комиссию муниципального образования. Если же скандал произошел в дневное или вечернее время, то есть время, не установленное местным законом для защиты тишины и покоя граждан, то наряду с полицией остается, опять же, без задержания нарушителей покоя граждан и даже без составления акта о нарушении местного закона только ограничиться профилактической беседой с участниками скандала. Поэтому, как было отмечено выше, указанные действия полиции повсеместно в стране и вызывают негативную реакцию граждан, их непонимание, недоверие и недовольство безрезультативными действиями вызванных нарядов полиции.

Подобное непонимание действий полиции как органа исполнительной власти, действующего только в рамках полномочий, предоставленных ей законом по пресечению противоправных деяний, присуще и отдельным ученым. Так, в частности, Н.Г. Канунникова считает, что одной из причин большого количества административных правонарушений в виде мелкого хулиганства могут выступать «недостатки в деятельности правоохранительных органов вообще и органов внутренних дел в частности. Их качество работы по выявлению и пресечению подобного рода административных правонарушений, по их рассмотрению» [Канунникова, 2017, с. 32]. Ее вывод как «справедливый» поддерживает ученый С.Ю. Анохина [2018, с. 34].

Как показало многолетнее изучение практики работы полиции, следственных и судебных органов Санкт-Петербурга, нарушения порядка в сфере семейно-бытовых отношений, как правило, возникают с учинения скандала в отношении проживающих в квартире родственников, соседей, знакомых и т. д. Возникшие скандалы на первой стадии развития, как правило, сопровождаются нецензурной бранью, словесными угрозами физической расправы, угрозами повреждения либо уничтожения имущества и т. п., то есть теми действиями, которые советским административным законодательством квалифицировались как мелкое хулиганство и пресекались сотрудниками милиции на вполне законных основаниях. Если в настоящее время указанные действия своевременно не пресекаются сотрудниками полиции, то словесные угрозы неизменно переходят в стадию их практической реализации, в ходе которой участниками наносятся побои с причинением телесных повреждений различной степени тяжести, бьется посуда, ломается мебель и т. п. Особенно значительное количество преступлений тяжкого и особо тяжкого характера против жизни и здоровья граждан, включая убийства, совершенные в сфере семейно-бытовых отношений, в последние годы происходит именно после отъезда вызванного жильцами квартир наряда полиции. В указанных случаях разбушевавшийся скандалист, абсолютно уверовав в свою безнаказанность, становится еще более агрессивным, более раздраженным вызовом потенциальной жертвой работников полиции. Нередко жертвой убийства или причинения тяжкого вреда здоровью становится сам зачинщик скандала, так как его изначально потенциальная жертва (жена, сожительница и т. п.), не получив должной помощи от вызванного ею наряда полиции, вынуждена самостоятельно защищать свою жизнь, здоровье, жизнь и здоровье своих детей, обороняясь всеми доступными ей способами и зачастую причиняя при этом зачинщику скандала вред его здоровью различной степени тяжести, иногда влекущий его смерть.

Кроме этого, не продуманное должным образом реформирование законодательства, начатое еще в 90-х годах прошлого века, привело к тому, что из категории противо-

правных и административно наказуемых деяний, так же как и из категории общественно опасных деяний, наказуемых в уголовном порядке, выпали отдельные категории антиобщественных действий. Эти действия или поведение нарушают общепринятые в обществе нормы морали, нравственности, нарушают общественный порядок, выражая явное неуважение к обществу. К ним, в частности, относятся: открытое оправление естественных надобностей в неустановленных для этого местах; появление в общественных местах в голом виде; открытая демонстрация половых органов в общественных местах (например, перед окнами женских общежитий) и т. п. Кстати, последние из перечисленных деяний ранее квалифицировались как злостное хулиганство, отличающееся цинизмом, и преследовались по статье 206 часть 2 «Хулиганство» УК РСФСР с санкцией, предусматривающей от 2 до 4 лет лишения свободы.

В последнее время в средствах массовой информации и даже на федеральном законодательном уровне много внимания уделяется проблеме предупреждения так называемого домашнего (семейного, бытового) насилия. Мы не отрицаем существующую проблему совершения противоправных деяний в сфере семейно-бытовых отношений, влекущих причинение их участникам вреда здоровью различной степени тяжести, вплоть до убийств. Как показала практика, в основе конфликтов, возникающих в жилом секторе между когда-то близкими людьми – действующими или бывшими супругами, сожителями, родственниками и т. д. – лежат личные неприязненные отношения. Причины возникновения неприязненных отношений находятся в различных областях социальной сферы. Однако, по нашему мнению, при указанных обстоятельствах совсем не всегда обязательно предлагаемое участниками дискуссий вмешательство государства в решение последующих частных социальных проблем, возникших в результате нарушений межличностных отношений граждан. Как правило, это в основном спорные вопросы, подлежащие решению в судебном порядке: раздел после развода совместно занимаемой жилплощади, раздел собственности, упорядочение участия в воспитании совместных детей и т. п.

Более того, мы солидарны с позицией Президента Российской Федерации В.В. Путина, высказанной им по этому поводу в одном из транслированных по телевидению интервью¹, и считаем, что никакой, даже самый совершенный закон не в состоянии восстановить утраченные между супругами или бывшими супругами когда-то близкие отношения. Мы также считаем, что нет необходимости государству создавать предлагаемые некоторыми «защитниками жертв домашнего насилия» всякого рода социальные центры временного (а по сути систематического, а то и постоянного) размещения пострадавших от этого насилия, гостиниц, центров и т. п. Криминальная хроника, транслируемая в последнее время по телевидению, наглядно демонстрирует ситуации, зачастую с трагическими последствиями, в общественных местах, по месту работы или временного пребывания кого-либо из жертв «домашнего насилия», возникшие в результате продолжения выяснения межличностных отношений между ее участниками. Отсюда с большой долей вероятности следует предположить, что очередными, фактически узаконенными государством местами выяснения возникших в свое время негативных отношений могут стать подобные социальные центры. С учетом этого возникают вопросы, касающиеся организации постоянной охраны подобных центров, источников финансирования этой охраны, а также содержания и материального обеспечения проживающих в них граждан и их детей и т. п.

Другое дело, когда действия кого-либо из участников семейно-бытовых отношений выходят за границы гражданско-правовых отношений и переходят в сферу административно- или уголовно-наказуемых деяний. Здесь, по нашему мнению, необходимо незамедлительное вмешательство государства в лице правоохранительных органов, в первую очередь полиции, как это было регламентировано советским административным и уголовным

¹ Путин прокомментировал закон о профилактике семейного насилия. URL: <https://ria.ru/20211209/putin-1762971732.html>

законодательствами, включая применение протокольной формы досудебной подготовки материалов сотрудниками милиции. Но для эффективности выполнения полицией функций по предупреждению или пресечению противоправных деяний, совершаемых в сфере семейно-бытовых отношений, необходима совершенная нормативная правовая основа. Такой основы в настоящее время, в отличие от законодательства советского периода, не существует.

С целью решения проанализированных проблем и совершенствования нормативного правового обеспечения профилактической и пресекательной деятельности полиции мы предлагаем разработанную редакцию нормы, определяющей понятие «мелкое хулиганство»:

«1. Мелкое хулиганство, то есть нарушение общественного порядка в общественных местах, а равно нарушение порядка в сфере семейно-бытовых отношений, выражающееся в нецензурной брани, оскорбительном приставании к гражданам, словесной угрозе физической расправы, уничтожения или повреждения чужого имущества, в оправлении естественных надобностей в неустановленных местах и иных подобных действиях, нарушающих общественный порядок и выражающих явное неуважение к обществу, –

Примечание:

а) под нарушением порядка в сфере семейно-бытовых отношений понимается учинение скандала в жилом помещении, нарушающего покой и отдых окружающих граждан, сопровождаемого нецензурной бранью, словесной угрозой физической расправы, угрозой уничтожения или повреждения имущества;

б) под иными подобными действиями, нарушающими общественный порядок и выражающими явное неуважение к обществу, понимаются действия, совершаемые из хулиганских побуждений, противоречащие общепринятым нормам морали, нравственности, такие как появление в общественных местах в голом виде, публичная демонстрация половых органов, беспричинное обливание граждан водой, написание нецензурных слов и оскорбительных выражений, а равно самовольное изображение непристойных и иных надписей, рисунков на стенах зданий, сооружений, памятниках, других культурных объектах, на объектах транспорта, повреждение официально разрешенных и размещенных в общественных местах транспарантов, плакатов, иных демонстрационных предметов».

Мы надеемся на объективное, компетентное и непредвзятое рассмотрение и реализацию нашего предложения, направленного через правовой отдел университета в МВД России в рамках подготовки проекта нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Заключение

Деятельность полиции весьма разнообразна. Однако основное предназначение полиции заключается в обеспечении нормальных условий для труда, отдыха и покоя граждан. Эффективность ее работы по решению этих основных задач находится в прямой зависимости от совершенства ее нормативного правового обеспечения. Отсюда вытекает прямая ответственность законодателей, разработчиков проектов законов, иных нормативных правовых актов: при подготовке указанных актов учитывать реалии настоящего времени, действительные повседневные проблемы, волнующие граждан, причины и условия их возникновения, пути устранения. Для этого при разработке и принятии отдельных нормативных актов, особенно правоохранительной направленности, им необходимо ориентироваться не столько на декларативные и в какой-то мере популистские зарубежные критерии соблюдения прав человека, собственное видение и субъективный подход к решению существующих проблем, что мы наблюдаем в последние десятилетия, а сколько учитывать результаты многолетних научных исследований в той или иной сфере регулирования общественных отношений, правоприменительную практику, судебную практику,

содержание действовавшего в советское время законодательства, которые за многие десятилетия доказали свою эффективность. Устранение пробела, существующего в административном законе, определяющем понятие и содержание мелкого хулиганства, несомненно, будет способствовать оздоровлению морального, нравственного и культурного уровня жизни нашего общества.

Список литературы

1. Анохина С. Ю. 2018. К вопросу о проблемах квалификации мелкого хулиганства. Алтайский юридический вестник, 3: 33–37.
2. Власова С.А. 2005. Особенности нормативного определения понятия "общественный порядок" в России. Российский следователь, 3: 5–6
3. Горскина О.Г. 2011. Отграничение мелкого хулиганства от смежных административных правонарушений по объективной стороне. Научный вестник Омской академии МВД России, 3: 74–78.
4. Дизер О. А. 2017. Общественная нравственность в структуре общественного порядка и роль правовых средств в ее охране. Юридическая наука и правоохранительная практика, 1: 8–14.
5. Дизер О.А., Сидорова И.В., Филиппов О.Ю. 2020. Ответственность за мелкое хулиганство: современное состояние и перспективы развития. Законодательство и практика, 2: 5–8.
6. Дизер О.А., Филиппов О.Ю. 2015. Мелкое хулиганство: ошибки толкования и применения нормы, предусматривающей ответственность. Юридическая наука и правоохранительная практика, 2: 140–145.
7. Канунникова Н.Г. 2017. К вопросу о правовых характеристиках объективной стороны мелкого хулиганства. Административное право и процесс, 5: 31–35.
8. Кивич Ю.В. 2018. Проблемы, возникающие при рассмотрении судами дел о мелком хулиганстве. В кн.: Конституционное и административное право: проблемы совершенствования публичной власти: сб. науч. трудов участников Международной научно-теоретической конференции, Ростов-на-Дону, 28 марта 2018 года: 98–104.
9. Мишина Ю.В. 2021. Проблемные аспекты привлечения к административной ответственности за мелкое хулиганство. Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки, 7 (3-2): 42–49.
10. Павлова Е.В. 2021. Проблемные аспекты, возникающие на стадии судебного разбирательства административного правонарушения мелкое хулиганство. Тенденции развития науки и образования, 72: 101–104.
11. Светличная Т.Б., Слюсарева Т.Г. 2018. Проблемные вопросы административной ответственности за мелкое хулиганство. Пробелы в российском законодательстве, 6: 297–300.
12. Супонина Е.А. 2020. Мелкое хулиганство: очередная перезагрузка или неудачный законопроект? В кн.: Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: сб. статей по материалам международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 27 марта 2020 года: 425–429.
13. Труфанов М. Е. 2019. Проблемы определения мелкого хулиганства. Полиция и общество: проблемы и перспективы взаимодействия, 1: 230–235.

References

1. Anohina S. Yu. 2018. K voprosu o problemah kvalifikacii melkogo huliganstva [To the question of the problems of qualification of petty hooliganism]. Altajskij yuridicheskij vestnik, 3: 33–37.
2. Vlasova S.A. 2005. Osobennosti normativnogo opredeleniya ponyatiya "obshchestvennyj poryadok" v Rossii [Features of the normative definition of the concept of "public order" in Russia]. Rossijskij sledovatel, 3: 5–6
3. Gorskina O. G. 2011. Otgranichenie melkogo huliganstva ot smezhnyh administrativnyh pravonarushenij po obieektivnoj storone [Delineation of petty hooliganism from related administrative offenses on the objective side]. Nauchnyj vestnik Omskoj akademii MVD Rossii, 3: 74–78.
4. Dizer O. A. 2017. Obshchestvennaya nravstvennost v strukture obshchestvennogo poryadka i rol pravovyh sredstv v ee ohrane [Public morality in the structure of public order and the role of legal means in its protection]. Yuridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika, 1: 8–14.

5. Dizer O. A., Sidorova I. V., Filippov O. Yu. 2020. Otvetstvennost za melkoe huliganstvo: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya [Responsibility for petty hooliganism: current state and development prospects]. *Zakonodatelstvo i praktika*, 2: 5–8.
6. Dizer O. A., Filippov O. Yu. 2015. Melkoe huliganstvo: oshibki tolkovaniya i primeneniya normy, predusmatrivayushchej otvetstvennost [Petty hooliganism: errors in the interpretation and application of the norm providing for liability]. *Yuridicheskaya nauka i pravohranitelnaya praktika*, 2: 140–145.
7. Kanunnikova N. G. 2017. K voprosu o pravovyh karakteristikah obiektivnoj storony melkogo huliganstva [On the question of the legal characteristics of the objective side of petty hooliganism]. *Administrativnoe pravo i process*, 5: 31–35.
8. Kivich Yu. V. 2018. Problemy, vznikayushchie pri rassmotrenii sudami del o melkom huliganstve [Problems that arise when the courts consider cases of petty hooliganism]. In: *Konstitucionnoe i administrativnoe pravo: problemy sovershenstvovaniya publichnoy vlasti* [Constitutional and administrative law: problems of improving public power]: materials of the international scientific and theoretical conference, Rostov–na–Donu, March 28, 2018: 98–104.
9. Mishina Yu. V. 2021. Problemnye aspekty privlecheniya k administrativnoj otvetstvennosti za melkoe huliganstvo [Problematic aspects of bringing to administrative responsibility for petty hooliganism]. *Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki*, 7 (3–2): 42–49.
10. Pavlova E. V. 2021. Problemnye aspekty, vznikayushchie na stadii sudebnogo razbiratelstva administrativnogo pravonarusheniya melkoe huliganstvo [Problematic aspects arising at the trial stage of an administrative offense misdemeanor hooliganism]. *Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya*, 72: 101–104.
11. Svetlichnaya T. B., Slyusareva T. G. 2018. Problemnye voprosy administrativnoj otvetstvennosti za melkoe huliganstvo [Problematic issues of administrative responsibility for petty hooliganism]. *Пробелы в российском законодательстве*, 6: 297–300.
12. Suponina E.A. 2020. Melkoe huliganstvo: ocherednaya Perezagruzka ili neudachnyj zakonoproekt [Petty hooliganism: another reset or an unsuccessful bill?]. *Aktualnye problemy administrativnogo i administrativno–processualnogo prava* [Actual problems of administrative and administrative procedural law]: materials of the international scientific and practical conference, Saint–Petersburg, March 27, 2020: 425–429.
13. Trufanov M. E. 2019. Problemy opredeleniya melkogo huliganstva [Problems of defining petty hooliganism]. *Policiya i obshchestvo: problemy i perspektivy vzaimodejstviya*, 1: 230–235.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Стульнова Татьяна Владимировна, кандидат юридических наук, доцент кафедры административной деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России, г. Санкт-Петербург, Россия

Холманский Виталий Иванович, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры административной деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России, г. Санкт-Петербург, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tat'yana V. Stulinova, PhD in Law, associate professor of the Department administrative activities of the internal affairs Saint-Petersburg University MVD Russian, Saint Petersburg, Russia

Vitaliy I. Holmanskiy, PhD in Law, senior lecturer of the Department administrative activities of the internal affairs Saint-Petersburg University MVD Russian, Saint Petersburg, Russia

УДК 34(075.32)

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-4-752-756

Юридическая урбаноология: междисциплинарное направление юридической науки

Таболин В.В.

Государственный университет управления,
Россия, 109542, Москва, Рязанский пр-т, 99

Аннотация. Рассмотрены теоретические основы юридической урбаноологии как нового междисциплинарного направления в юридической науке, позволяющего с позиции права объединить уже накопленные теоретические и практические знания о городах и процессах урбанизации в различных науках с целью определения их взаимосвязанности и системности, а также открытия новых областей теоретико-прикладных правовых исследований города. Дано понятие и определены предмет, объект и система юридической урбаноологии, предложена методологическая база юридической урбаноологии. Обосновано научно-теоретическое значение юридической урбаноологии в формировании комплексной урбаноологической теории для более полного и органичного понимания роли и места города в жизни людей, общества и государства, национальных и мировых процессов урбанизации и развития современной цивилизации.

Ключевые слова: город, юридическая наука, юридическая урбаноология, междисциплинарный метод.

Для цитирования: Таболин В.В. 2021. Юридическая урбаноология: междисциплинарное направление юридической науки. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право, 46 (4): 752–756. DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-4-752-756

Legal Urbanology: Interdisciplinary Direction of the Legal Science

Vladimir V. Tabolin

State University of Management,
99 Ryazan Ave., Moscow 109542, Russian Federation

Abstract. The article discusses the theoretical foundations of legal urbanology as a new interdisciplinary direction in legal science, which allows from the standpoint of law to combine the already accumulated theoretical and practical knowledge about cities and urbanization processes in various sciences, to determine their interconnectedness and consistency, as well as the discovery of new areas theoretical and applied legal research of the city. The concept is given and the subject, object and system of legal urbanology are defined, the methodological base of legal urbanology is proposed. The scientific and theoretical significance of legal urbanology in the formation of a complex urbanological theory for a more complete and organic understanding of the role and place of the city in the life of people, society and state, national and world processes of urbanization and the development of modern civilization has been substantiated.

Keywords: city, legal science, legal urbanology, interdisciplinary method.

For citation: Tabolin V.V. 2021. Legal Urbanology: Interdisciplinary Direction of the Legal Science. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 46 (4): 752–756 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-4-752-756

Введение

Современность данной темы заключается в том, что сегодня государственная власть и местное самоуправление сталкиваются с проблемой многозначности и непредсказуемости последствий принимаемых решений, в необходимости преодоления проблем существования и развития как малых городов, так и крупнейших мегаполисов России. На первый план выходит отсутствие реального системного представления о состоянии города и процессов его жизнедеятельности с точки зрения различных научных подходов. Отсюда возникает необходимость использовать административно-командные методы управления, которые далеко не всегда способны обеспечить долгосрочных позитивных изменений [Таболин, 2014, с. 46].

Юридико-урбанистическая междисциплинарность

Юридико-урбанистические исследования становятся естественным интегратором знаний большого круга гуманитарных, естественно-научных, инженерно-технических и информационно-технологических дисциплин, изучающих город: философии, права, экономики, социологии, географии, информатики, демографии, экологии, психологии, культурологии и др. Как представляется, междисциплинарное направление юридической науки – юридическая урбанистика позволит сделать существенный шаг к решению этой проблемы путем формирования системы правовых институтов (городское право, городское правозащитное пространство, правовые аспекты городской социологии, экономики, политологии, градостроительства, городского хозяйства, экологии города, психологии горожан, правовых проблем урбанизации и глобализации, процессов внедрения цифровых технологий в городскую власть и управление и др.), которая будет обеспечивать научно обоснованную и более реалистичную картину жизнедеятельности населения городов и процессов национальной и глобальной урбанизации, а также откроет ряд новых областей правовых исследований города [Юридическая..., 2021].

Антропоцентричность города очевидна в силу простой аксиомы: город – это населенный пункт, а значит, что население (жители, горожане) являются главными субъектами большинства вышеуказанных сфер общественных отношений. Более того, житель практически постоянно находится под действием тех или иных норм права – он реализует свои конституционные права и исполняет возложенные на него обязанности: когда он находится дома или перемещается по городу, делает покупки или развлекается, находится на работе и др. – практически во всех сферах его жизни обязанности преобладают.

Е.А. Капитонова [2021]. отмечает, что человек в обществе не может пониматься абсолютно свободным. Его индивидуальная свобода всегда должна согласовываться со свободами других членов социума, а автономия воли может реализовываться лишь в рамках, очерчивающих границы правомерного поведения. И чем в большее число правоотношений вступает конкретное лицо, тем с большим количеством ограничений оно сталкивается. Это в первую очередь относится к городам, в особенности к крупным.

Более того, Ю.А. Тихомиров [2019] обращает наше внимание на тот факт, что горожанин постоянно меняет свое правовое состояние, переходя из одного статуса в другой – в отраслевых кодексах и иных законах установлены профессионально-трудовой статус, предпринимательский статус, образовательный статус, медицинский статус, статус потребителя, статус налогоплательщика и т.п.

Исходя из подобных подходов, предметом исследования юридической урбанистики как междисциплинарного направления юридической науки является система городских общественных отношений, возникающих в социальных, экономических, политических, градостроительных, жилищно-коммунальных и других городских процессах жизнедеятельности населения и других субъектов, урегулированных социальными нормами и нормами права различных отраслей; историко-правовые и социально-правовые закономерности возникновения, развития и функционирования города; правовое воздействие на си-

стему научных знаний гуманитарных и естественных наук о городе и процессах урбанизации с целью формирования нового представления о характеристиках и свойствах современных городов и их жителей, проблемах и перспективах их развития, условиях существования городского сообщества и отдельных горожан как главных субъектов городских правоотношений.

Сложность объекта исследования юридической урбанологии определяется многоаспектностью предмета исследования и связана, по нашему мнению, с сущностью города, который представляет собой явление человеческой цивилизации, обладающее практически всеми характеристиками человеческой жизни и деятельности [Анциферов, 1926; Веллихов, 1928; Jacobs, 1961; Бойкова и др., 2001; Город в теории и практике... 2020]. Кроме того, к объектам исследования юридической урбанологии необходимо отнести процессы глобальной урбанизации, носящие далеко не однозначный характер в своих проявлениях и требующие продуманного научно обоснованного правового регулирования на национальном и международном уровнях [Быстрицкий, 1994; Алексеев, Зубаревич, 2000; Галич, 2000]. Причем международный уровень регулирования этих процессов приобретает все более актуальный характер, и не только потому что высокими темпами растет объем национального «городского законодательства», но и потому что роль мировых городов (и их сетевые формы) резко возрастает в связи с беспрецедентными проектами глобальной цифровизации и развития технологий искусственного интеллекта (например, концепция Smart Planet).

Системность юридической урбанологии рассматривается в виде укрупненных междисциплинарных правовых комплексов, являющихся совокупностями не только норм различных отраслей права, но и других социальных и моральных норм, традиций и обычаев, научных концепций и идей, мнений различных ученых, объединенных в различные научные междисциплинарные институты.

Ю.А. Веденеев справедливо отмечает, что образование междисциплинарных комплексов – это одновременно фундаментальная тема и проблема развития самой юридической науки в целом. Это вопрос расширения предмета и методов исследования юридической науки или ее новая онтология и эпистемология, т.е. новые аспекты существования и исследования правовой реальности и новый междисциплинарный язык описания и объяснения государственно-правовых явлений и процессов [Веденеев, 2017].

Междисциплинарность, в свою очередь, предполагает более широкое использование научных подходов и методов в исследованиях урбанологических процессов, и, опираясь на существующие общенаучные подходы и методы, юридическая урбанология формирует новые методологические возможности исследования города. В частности, наряду с законодательным, экономическим и социальным подходами, предлагается использовать психологический, географический и информационный подходы. Используя традиционные общенаучные методы, юридическая урбанология выделяет обобщению особое место, так как главным способом ее формирования, является «собрание» знаний отдельных наук о городе под единую правовую «оболочку», позволяющую получить более общее и более реалистичное представление о городе.

Заключение

Подводя итог, можно сказать, что научно-теоретическое значение юридической урбанологии заключается в возможности формирования основ комплексной урбанологической теории для более полного и органичного понимания роли и места города в жизни людей, общества и государства, национальных и мировых процессов урбанизации и развития современной цивилизации. Исследования носят перспективный характер, так как в мировой гуманитарной науке о городах пока отсутствуют подобные комплексные междисциплинарные направления исследований. Кроме того, использование юридико-

урбанолагічнага падыхода адкрывае ў рамках гуманітарных і натуральных навук новыя гарызонты актуальных даследаванняў розных сфер чалавечскай жыццядзейнасці.

Спісок літаратуры

1. Алексеев А.И., Зубаревич Н.В. 2000. Кризис урбанизации: формирование нового образа жизни. Проблемы прогнозирования, 4: 138–146.
2. Анциферов Н.П. 1926. Пути изучения города, как социального организма. Опыт комплексного подхода. Л., Книгоизд-во «Сеятель» Е.В. Высоцкого, 150 с.
3. Бойкова М.В., Ильина И.Н., Салазкин М.Г. 2001. Будущее городов. Города как агенты глобализации и инноваций. Форсайт, 4: 32–48.
4. Быстрицкий А. 1994. Urbs et orbis. Городская цивилизация в России. Новый мир, 12: 12–22.
5. Веденеев Ю.А. 2017. Юридическая наука в системе междисциплинарных связей. Lex Rusica, 6 (127): 9–31.
6. Велихов Л.А. 1928. Основы городского хозяйства. Общее учение о городе, его управлении, финансах и методах хозяйства. М.-Л: Гос. изд-во, 466 с.
7. Галич З.Н. 2000. Урбанизация и мегаполизация как глобальный процесс. Экономические и социальные проблемы России, 1: 7–21.
8. Город в теории и практике. 2020. Под общ. ред В.В. Таболина. М., Юстицинформ, 352 с.
9. Капитонова Е.А. 2021. Правовой модус личности в конституционном праве. М., Проспект, 208 с.
10. Таболин В.В. 2014. Проблемы осуществления местного самоуправления в условиях административно-командной системы государственного управления. Государственная власть и местное самоуправление, 6: 46–50.
11. Тихомиров Ю.А. 2019. Поведение в обществе и право. Журнал российского права, 5: 5–20.
12. Юридическая урбанология. Урбанологическая теория. В 2 т. 2021. Под общ. ред. В.В. Таболина. М., Юстицинформ, 824 с.
13. Jacobs J. 1961. The death and life of great American cities. New York: Vintage Books, 458 p.

References

1. Alekseev A.I., Zubarevich N.V. 2000. Krizis urbanizacii: formirovanie novogo obraza zhizni [The crisis of urbanization: the formation of a new way of life]. Problemy prognozirovaniya, 4: 138–146.
2. Anciferov N.P. 1926. Puti izucheniya goroda, kak social'nogo organizma. Opyt kompleksnogo podhoda [Ways to study the city as a social organism. The experience of a complex approach]. L., Book publishing house "Sower" by E.V. Vysotsky, 150 p.
3. Bojkova M.V., Il'ina I.N., Salazkin M.G. 2001. Budushchee gorodov. Goroda kak agenty globalizacii i innovacij [The future of cities. Cities as agents of globalization and innovation]. Forsajt, 4: 32–48.
4. Bystrickij A. 1994. Urbs et orbis. Gorodskaya civilizaciya v Rossii [Cities and orbits. Urban civilization in Russia]. Novyj mir, 12: 12–22.
5. Vedeneev YU.A. 2017. YUridicheskaya nauka v sisteme mezhdisciplinarnyh svyazej [Legal science in the system of interdisciplinary relations]. Lex Rusica, 6 (127): 9–31.
6. Velihov L.A. 1928. Osnovy gorodskogo hozyajstva. Obshchee uchenie o gorode, ego upravlenii, finansah i metodah hozyajstva [Fundamentals of urban economy. General teaching about the city, its management, finances and methods of economy]. M.-L., Publ. Gos. izd-vo, 466 p.
7. Galich Z.N. 2000. Urbanizaciya i megapolizaciya kak global'nyj process [Urbanization and megapolization as a global process]. Ekonomicheskie i social'nye problemy Rossii, 1: 7–21.
8. Gorod v teorii i praktike [The city in theory and practice]: monografiya kollektiv avtorov. 2020 / pod obshch. red V.V. Tabolina. M., Publ. YUsticinform, 352 p.
9. Kapitonova E.A. 2021. Pravovoj modus lichnosti v konstitucionnom prave [The legal mode of personality in constitutional law]. M., Publ. Prospekt, 208 p.
10. Tabolin V.V. 2014. Problemy osushchestvleniya mestnogo samoupravleniya v usloviyah administrativno-komandnoj sistemy gosudarstvennogo upravleniya [Problems of the implementation of

local self-government in the conditions of the administrative command system of public administration]. Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie, 6: 46–50.

11. Tihomirov YU.A. 2019. Povedenie v obshchestve i pravo [Social behavior and law]. Zhurnal rossijskogo prava, 5: 5–20.

12. YUridicheskaya urbanologiya. Urbanologicheskaya teoriya [Legal Urbanology. Urbanological theory]. In 2 Vol. 2021. pod obshch. red. V.V. Tabolina. M., Publ. YUsticinform, 824 p.

13. Jacobs J. 1961. The death and life of great American cities. New York: Vintage Books, 458 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Таболін Владимир Викторович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры публичного права и правового обеспечения управления Государственного университета управления, г. Москва, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir V. Tabolin, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Public Law and Legal Management of the State University of Management, Moscow, Russia

УДК 340.1

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-4-757-766

Природа и сущность правоприменительного юридического процесса: постановка проблемы

Хабиева З.Д., Ярычев Н.У.

Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова,
Россия, 364093, г. Грозный, ул. А. Шерипова, 32
E-mail: belvp46@gmail.com

Аннотация. Авторы в порядке постановки проблемы излагают точку зрения о природе и сущности не получившего в правовой науке должного освоения правоприменительного юридического процесса. Рассмотрены теоретические основы изучаемого предмета: правореализация и правоприменение, включая правоприменительную деятельность и правоприменительный процесс, затем – ключевые положения теории юридического процесса и его видов. Отмечены разные мнения относительно сущности, содержания, видов и т.д. юридического процесса, что объясняется наличием в правовой науке узкого и широкого подходов к определению его понятия. В своем большинстве ученые поддерживают идею о широком понимании юридического процесса как комплексной системы правовых форм государственной деятельности, распространяя его и на другие сферы. При классификации юридического процесса выделен правоприменительный процесс, включающий в себя юрисдикционный и другие (позитивного свойства) процессы. С авторской позиции правоприменительный юридический процесс – это только юрисдикционный процесс, осуществляемый всеми формами судопроизводства. Следовательно, природа и сущность правоприменительного юридического процесса проявляется в ходе и по результатам конституционного, гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства и заключается в судебном рассмотрении и разрешении в процессуальной форме юридических дел (правовых споров) в целях получения юридического, социально-значимого результата.

Ключевые слова: правореализация, правоприменение, правоприменительный процесс, юридический процесс, правообразовательный процесс, правореализационный процесс, сущность, правоприменительный юридический процесс.

Для цитирования: Хабиева З.Д., Ярычев Н.У. 2022. Природа и сущность правоприменительного юридического процесса: постановка проблемы. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право, 46 (4): 757–766. DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-4-757-766

The Nature and Essence of the Law Enforcement Legal Process: Problem Statement

Zaira D. Khabieva, Nasrudi U. Yarychev

Kadyrov Chechen State University,
32 A. Sheripova St, Grozny 364093, Russian Federation
E-mail: belvp46@gmail.com

Abstract. The authors, in order to pose the problem, state their point of view about the nature and essence of the law enforcement legal process that has not received proper development in legal science. The theoretical foundations of the subject under study are considered: legal realization and law enforcement, including law enforcement activities and law enforcement process, then the key provisions of the theory of

the legal process and its types. Research in this vein required starting it with certain aspects of legal realization, which includes its special form – law enforcement, the value of which lies in ensuring and obtaining appropriate results. There are different opinions on the essence, content, types, etc. of the legal process, which is explained by the presence in legal science of narrow and broad approaches to the definition of its concept. For the most part, scientists support the idea of a broad understanding of the legal process as a complex system of legal forms of state activity, extending it to other areas. The signs of the legal process (legal activity, special subject composition, procedural nature, relevance to the resolution of legal cases, etc.) indicate its essence, which should be understood as a complex legal means by which procedural activities for the consideration and resolution of legal cases (legal disputes) are regulated. From the author's point of view, the law enforcement legal process is only a jurisdictional process carried out by all forms of legal proceedings. Consequently, the nature and essence of the law enforcement legal process manifests itself during and according to the results of constitutional, civil, arbitration, administrative and criminal proceedings and consists in judicial review and resolution in procedural form of legal cases (legal disputes) in order to obtain a legal, socially significant result.

Keywords: legal realization, law enforcement, law enforcement process, legal process, legal education process, legal realization process, essence, law enforcement legal process

For citation: Khabieva Z.D., Yarychev N.U. 2022. The Nature and Essence of the Law Enforcement Legal Process: Problem Statement. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 46(4): 757–766 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-4-757-766

Введение

Предваряя рассмотрение проблемы, прежде всего отметим, что вопросу реализации права, одной из форм которой является правоприменение (и правоприменительный процесс, правоприменительная деятельность соответственно), в правовой науке уделено большое внимание, так как именно благодаря правореализационному процессу нормы права в широком их понимании (как правовые установления, правовые средства, правовые формы, способы, средства и т.д.) воплощаются, претворяются в реальную жизнь, социальное бытие и становятся основным средством правового регулирования общественных отношений.

Реализация нормы права представляет собой процесс превращения идеальных юридических моделей, отражающих нужные для общества состояния, в практическую реальность, в действующую систему общественных отношений.

Характерно, что реализацию права можно рассматривать и как своеобразный процесс, и как его конечный результат. Вместе с тем, нельзя не заметить, что вопросы относительно реализации права, классификации форм этой реализации и т.д. не «закрыты», в этом плане продолжаются дискуссии.

Для настоящей работы полагаем достаточным и методологически обоснованным ограничиться изложением сущности форм правореализации и юридического процесса (его видов) как основе предмета настоящего исследования – правоприменительного юридического процесса.

В теории права устоявшимся является подход, согласно которому выделяются такие формы реализации права, как соблюдение, исполнение, использование и применение права. Применение права является особой формой реализации права. Применение права – это комплекс мыслительных и фактических, организационных и юридических операций (действий) субъектов правоприменения в целях обеспечения процесса реализации правовых предписаний, завершающийся решением компетентного органа по конкретному юридическому делу.

Н.Н. Вопленко отмечает: «В отличие от соблюдения, исполнения и использования результаты правоприменения характеризуются повышенной степенью социальной значимости. Это определяется особой важностью тех общественных отношений, которые регу-

лируются правоприменительной деятельностью. Государство не может и не должно ставить развитие определенных сторон социальной жизни в зависимость от личного произвола отдельных лиц, случайностей и иных факторов неуправляемости, а, наоборот, обязано программировать достижение «эффекта гарантированного результата». Ценность правоприменения как раз и состоит в его способности максимально обеспечивать социально ценные результаты правоприменения» [Вопленко, 2009, с. 400].

В контексте настоящей работы для уяснения природы и сущности правоприменительного юридического процесса, наряду с правоприменением, важным становится рассмотрение отдельных вопросов и юридического процесса (его видов).

Юридический процесс и его виды

Обратимся к теории юридического процесса, состояние которой А.А. Павлушина охарактеризовала следующим образом: «Теория юридического процесса при всей своей разнородности представляет в рамках российской общей теории права самостоятельное, изолированное вплоть до самого последнего времени образование, практическая значимость которого и до настоящего времени не оценена; в практике правового регулирования она фактически не используется, а теоретическую исследованность процесса ни в коем случае нельзя признать состоявшейся, законченной, утвердившейся в науке» [Павлушина, 2005, с. 9].

Несмотря на то, что прошло уже определенное время, утверждение А.А. Павлушиной применимо и к современной научной мысли о теории юридического процесса, включающей в себя вопросы сущности, содержания, видовой классификации, формы и т.д.

В свое время видный ученый-теоретик профессор В.М. Горшенев о значении юридического процесса высказался так: «Основное назначение этой категории состоит в том, чтобы всемерно способствовать в методологическом плане настойчивому проведению требования по преодолению идеи процессуального нигилизма в юридической науке и во всех сферах юридической практики. Кроме того, введение понятия юридический процесс позволяет представить его как специфический комплекс, устойчивое структурное образование, заключающее в себе органическое сочетание общих свойств всего целого и специфических особенностей каждого структурного подразделения» [Горшенев, 1979, с. 3].

Прошли годы, но дискуссионность в определении понятия юридического процесса остается. К примеру, до настоящего времени нет (не выработано) даже унифицированного понятия юридического процесса. И главным моментом такой ситуации следует признать наличие в правовой науке так называемых узкого и широкого подходов к его пониманию и дефиниции.

Сторонники узкого понимания юридического процесса когда-то поставили знак равенства между данным понятием и судебным правом; их основной довод заключался в так называемом традиционном понимании термина «процесс», к которому отнесены были гражданский и уголовный процессы [Проблемы судебного права, 1983, с. 17]. Четко и недвусмысленно в этом плане высказался, к примеру, П.Ф. Елисейкин: «Мы не разделяем широкое понимание процесса, охватывающее все организационные формы правоприменительной деятельности (а, по мнению отдельных авторов, все формы реализации права). Полагаем, что юридический процесс есть лишь правоохранительная деятельность компетентных органов государства – его юрисдикционных органов» [Елисейкин, 1979, с. 37].

Видный теоретик права С.С. Алексеев также считал, что «расширительное толкование понятия "процесс" "обескровливает, выхолащивает" это "богатое и содержательное понятие", которое может быть воспринято лишь в специальном юридическом смысле, сложившемся исторически, то есть применительно к уголовному и гражданскому судопроизводствам» [Алексеев, 1971, с. 122].

Однако со временем ситуация изменилась, и анализ научных взглядов свидетельствует о том, что на сегодня преобладающим является «широкое» понимание юридического процесса, то есть получила признание следующая точка зрения В.М. Горшенева и его сторонников о распространяемости юридического процесса и на другие сферы (не только судебной деятельности в так называемых классических видах судопроизводства) и правовые формы государственной деятельности: «Юридический процесс – это комплексная система органически взаимосвязанных правовых форм деятельности уполномоченных органов государства, должностных лиц, а также заинтересованных в разрешении различных юридических дел иных субъектов права, которая: а) выражается в совершении операций с нормами права в связи с разрешением определенных юридических дел; б) осуществляется уполномоченными органами государства и должностными лицами в пользу заинтересованных субъектов права; в) закрепляется в соответствующих правовых актах – официальных документах; г) регулируется процедурно-процессуальными нормами, д) обеспечивается соответствующими способами юридической техники» [Горшенев, 1985, с. 8].

При этом заметим, важно то, что широкое понимание юридического процесса было показано в увязке с правовым регулированием общественных отношений: «Укажем также, что всестороннее исследование проблем юридического процесса, возможность его широкого понимания в совокупности представляют собой скрытый резерв поиска путей и методов дальнейшего повышения эффективности правового регулирования» [Горшенев, 1985, с. 14].

Изложенная позиция воспринята многими современными авторами. Отметим точки зрения отдельных из них: «Юридический процесс должен рассматриваться как последовательная смена каких-либо правовых явлений, состояний, возникающих в жизни общества и вызываемых юридически значимыми действиями, совершаемыми носителями публичной власти, гражданами и юридическими лицами. Такое движение юридических явлений, переход из одного юридического состояния в другое происходит в ходе правового регулирования государством общественных отношений» [Гадьлышнина, 2003, с. 119].

В другом случае под юридическим процессом понимается «комплексная система осуществления всех видов юридической деятельности, осуществляемых в процессуальной форме, направленных на разрешение юридических дел в целях удовлетворения интересов субъектов права» [Беляев, Сорокина, 2011, с. 38].

По мысли Е.Г. Лукьяновой, многообразие подходов к определению юридического процесса сводится к пяти основным направлениям, существующим в современной юридической науке: «...а) как юрисдикционную и иную охранительную деятельность органов правосудия, направленную на разрешение споров о праве и осуществление правового принуждения в рамках правосудия и в связи с ним; б) как юрисдикционную и иную охранительную деятельность уполномоченных органов государства и иных субъектов; в) как всю правоприменительную и правотворческую деятельность компетентных органов («организационные общественные отношения», складывающиеся в процессе правотворчества и правоприменения); г) как процесс реализации материально-правовых норм безотносительно к формам такой реализации (в данном случае трудно определить границу между материальными и процессуальными явлениями в праве); д) как любая юридическая деятельность государственных (и муниципальных. – *Авт.*) органов (правотворческая, правоприменительная, контрольная, учредительная, распорядительная)» [Лукьянова, 2003, с. 41].

С нашей позиции, правовая категория «юридический процесс» призвана регулировать не только осуществление правосудия, но и другие позитивные процессы реализации права; юридический процесс, кроме правоприменительной деятельности, имеет отношение и к правотворчеству, деятельности, также подчиняющейся определенным процессуальным правилам (форме).

Уместно отметить, что широкое понимание юридического процесса разделяется также представителями отраслевых юридических наук.

Относительно признаков юридического процесса скажем, что это, прежде всего, юридическая деятельность как в юрисдикционных, так и других, позитивного свойства, процессах. К другим признакам (особенностям, чертам и т.д.) юридического процесса следует отнести особый субъектный состав, включающий в себя как субъектов, так и других участников процесса. Безусловно, юридический процесс – это комплексная (по В.М. Горшеневу – полиструктурная) система, отличающаяся системностью. Кроме того, юридический процесс всегда осуществляется в процессуальной форме (каждой разновидности юридического процесса присуща, свойственна «своя» процессуальная форма). Конечно же, юридический процесс – это всегда деятельность, причем, юридическая и процессуальная.

В то же время Е.Г. Лукьянова считает, что процесс – это средство упорядочения и организации общественных отношений [2003, с. 79]. И такое суждение возражений не вызывает, поскольку считаем возможным юридический процесс отнести к средствам процессуально-правового регулирования указанных отношений.

В число признаков юридического процесса входят также рассмотрение и разрешение юридических дел (правовых споров), то есть наличие автономного объекта, по результатам которого принимаются (выносятся) юридически значимые процессуальные акты – документы. К другим признакам юридического процесса ученые относят соответствие правовым и процессуально-правовым принципам, рациональность и некоторые другие.

В своей совокупности признаки юридического процесса выражает его природу и сущность. Полагаем, что под сущностью юридического процесса следует понимать комплексное правовое средство, при помощи которого регламентируется процессуальная деятельность по рассмотрению и разрешению юридических дел (правовых споров) с целью получения результата правового характера.

Все изложенное позволяет перейти к видовой классификации юридического процесса – вопросу, по которому нет устоявшегося подхода и высказываются различные точки зрения. По нашему мнению, в этом нет ничего удивительного (нелогичного), если принимать во внимание деление юридического процесса на его только широкое либо узкое понимание, тогда как и других оснований (критериев) для его видовой конфигурации достаточно.

Думается, что наиболее приемлемым и отвечающим природе и сущностно-содержательным реалиям классификации юридического процесса будет подход, согласно которому он должен быть классифицирован прежде всего на такие типы, как правообразовательный и правореализационный. В первый из них включим правотворчество (правотворческий процесс) – это специфическая деятельность управомоченных субъектов по подготовке, утверждению и официальному оглашению нормативно-правовых актов. Конечным результатом такой деятельности становится соответствующее нормативно-правовое предписание (нормативный акт).

Правоприменительный процесс относится к правореализационному типу и он (по В.М. Горшеневу) занимает доминирующее место в системе юридического процесса [Горшенев, 1979, с. 9].

Так, по мнению В.В. Лазарева, «правовое регулирование процесса применения права происходит по следующим основным направлениям: 1) в нормативных актах указываются необходимость и пределы правоприменения; 2) устанавливаются субъекты правоприменения и круг лиц, участвующих в деле (также порядок их привлечения к процессу); 3) в той или иной мере определяется порядок совершения правоприменительных действий; 4) закрепляется правовой режим доказательств по делу, предпринятых по нему расходов и прочее; 5) до определенной степени (в общей форме) предопределяется результат правоприменения; 6) устанавливаются возможные случаи пересмотра правоприменительных решений; 7) в нормах права предусматривается юридическая ответственность субъектов правоприменения и ее пределы» [Лазарев, 1975, с. 168].

В свою очередь, правоприменительный процесс подразделяется на юрисдикционный юридический процесс (с нашей позиции, он присущ только судопроизводству) и на

неюрисдикционные (их еще называют позитивными) процессами; главным отличием между ними является наличие (отсутствие) правового спора. По этому поводу Н.Н. Вопленко высказывается так: «Юрисдикционный способ применения права является наиболее характерным и традиционным выражением правоприменительной деятельности путем рассмотрения судебными органами споров о праве или решения вопроса назначения наказания виновному лицу» [Вопленко, 2009, с. 409].

В зависимости от категории разрешаемого спора и от судебного органа, осуществляющего его разрешение, юрисдикционные процессы – это гражданский, арбитражный, уголовный, конституционный и административный процессы.

В связи со сказанным, следует заметить определенную сложность в понимании административного процесса, о котором в науке административного права уже давно идут непрекращающиеся дискуссии и который «расчленен» структурно на управленческий, процедурный и правоприменительный административный процесс. Как представляется, о юрисдикционном административном процессе следует вести речь только как о судебной деятельности соответствующего порядка.

Классифицируя юридический процесс, следует назвать и учредительный юридический процесс, который стоит как бы особняком в силу своей специфики и фактически не включается ни в правообразование, ни в правореализацию.

О нем пишет В.М. Горшенев, как о «специфической деятельности уполномоченных органов государства, должностных лиц и общественных организаций по реализации норм материального права, устанавливающих их правомочия по формированию, ликвидации или преобразованию органов государства, должностных лиц и иных управляющих субъектов. Данная деятельность выражается главным образом в совершении действий по подготовке условий организации, проведению выборов или назначению управляющих субъектов и утверждению соответствующих учредительных результатов. <...> В учредительном процессе легко обнаруживаются все элементы процессуальной формы, в которых можно проследить специфические черты и особенности каждой из разновидностей. При этом обращает на себя внимание такое обстоятельство, что юридическая характеристика производств и стадий некоторых видов учредительного процесса нашло свое законодательное закрепление» [Горшенев, 1979, с. 5].

Указанному процессу также посвящена кандидатская диссертация Л.Н. Гиниятуллиной, по мнению которой «учредительный юридический процесс представляет собой сложное материально-процессуальное образование, базирующееся на взаимодействии материальных и процессуальных правовых норм и соответствующих им правоотношений, являющихся результатом правового регулирования, складывающихся в определенной последовательности, направленных на формирование, ликвидацию или преобразование органов, учреждений, должностных лиц и иных субъектов права и выступающих в качестве особого нормативного порядка осуществления властной управленческой деятельности по осуществлению (реализации) соответствующих правовых норм» [Гиниятуллина, 2007, с. 36].

Таким образом, исходя из природы и сущности правоприменения, а также основных аспектов теории юридического процесса и его видовой конфигурации, мы вплотную подошли к возможности дальнейшего исследования по заявленной теме о природе и сущности правоприменительного юридического (именно) процесса.

Правоприменительный юридический процесс: доктринальное осмысление понятия

Как уже отмечалось, правоприменительный процесс занимает главное (по В.М. Горшеневу – доминирующее) место в системе юридического процесса, и, следовательно, является его видом. Однако исторически (и фактически) сложилась такая практика, при которой в подавляющем большинстве случаев в названии (употреблении, исполь-

зовании и т.д.) такой правовой категории, как правоприменительный юридический процесс слово «юридический» как бы опускается, не называется; возможно и потому, что конструкция «правоприменительный процесс» более удобна в употреблении (произношении), хотя, полагаем, имеется заметная разница в сущности и содержании правоприменительного и правоприменительного юридического процессов.

Так, еще у истоков научной разработки теории юридического процесса он классифицировался как учредительный, правотворческий и правоприменительный процессы. В дальнейшем как теоретики, так и представители отраслевых наук в своих работах в основном употребляли понятие «правоприменительный процесс», исключая его юридический характер.

Аналогичная картина наблюдается и в современной науке – превалирующим остается использование словосочетания «правоприменительный процесс». И только в отдельных трудах можно встретить такое название, как правоприменительный юридический процесс. К примеру, в статье о роли юридического процесса в правоприменительной деятельности И.С. Куксин пишет: «Существует общетеоретическое понятие юридического процесса, одним из видов которого является правоприменительный юридический процесс. Полагаем, что правоприменение и правоприменительный юридический процесс – это синонимичные понятия, поскольку правоприменение, как и правоприменительный юридический процесс, проходит ряд строго очерченных этапов, стадий. Правоприменение достигает цели исключительно в рамках правоприменительного юридического процесса. Правоприменительный юридический процесс – есть легальная форма правоприменения. Следовательно, правоприменительный юридический процесс – это регламентируемая нормами права целенаправленная, динамическая деятельность органов государственной власти, носящая комплексный характер и представляющая собой совокупность последовательных взаимосвязанных правовых процедур, действий, возникающих по поводу принудительного восстановления правопорядка» [Куксин, 2008, с. 104].

Как следует из такого подхода, автор ставит знак равенства между понятиями правоприменительного процесса и правоприменительного юридического процесса (правоприменения), считает их идентичными, хотя, повторимся, это не так.

Прежде, чем высказать свою позицию по данному вопросу, назовем еще одну статью, в которой также речь идет о правоприменительном юридическом процессе, причем в прямой постановке вопроса, что следует из самого названия статьи. Ее авторы Л.Д. Чулюкин и В.В. Гурьянова подчеркивают, что «проблема понимания сущности правоприменительного юридического процесса представляет значительный интерес для юридической науки и практики, ее исследование раскрывает малоизученные стороны правоприменительной деятельности. В настоящее время проблема правоприменительного процесса приобрела особую актуальность в связи с реформированием процессуального законодательства, принятием Кодекса административного судопроизводства РФ. Исследование данной проблемы необходимо в целях выявления пробелов законодательного регулирования правоприменительного юридического процесса, совершенствования механизма преодоления правоприменительных ошибок и повышения эффективности и качества современной практики применения права» [Чулюкин, Гурьянова, 2018, с. 125].

По существу этого мнения возражений нет, но обратим внимание, что эти авторы, кроме упоминания (в этой цитате и названии статьи), фактически исследуют не правоприменительный юридический процесс (как заявлено), а – правоприменительный процесс (именно); ими не показано различие указанных понятий.

Вместе с тем в контексте нашего исследования важно обратить внимание на такую мысль данных авторов: «В зависимости от компетенций участников правоприменительно-

го процесса следует выделять юрисдикционный и неюрисдикционный процесс. В рамках юрисдикционного правоприменительного процесса соответствующие субъекты разрешают юридические споры и дела о правонарушениях» [Чулюкин, Гурьянова, 2018, с. 127].

С нашей точки зрения, именно юрисдикционный и неюрисдикционный характер деятельности субъектов правоприменительного процесса выступает основанием для различения правоприменительного процесса вообще и его разновидности – правоприменительного юридического процесса. Считаем, что в том случае, когда осуществляется юрисдикционная деятельность, необходимо вести речь о правоприменительном юридическом процессе. В иных случаях правоприменения правомерно говорить только о правоприменительном процессе (процессах) позитивного характера (лицензионный, избирательный, бюджетный и т.д.).

Таким образом, мы фактически обращаемся к так называемому узкому пониманию юридического процесса и ставим знак равенства между судопроизводством в его конституционных формах (конституционное, гражданское, арбитражное, административное и уголовное) и правоприменительным юридическим процессом.

В результате гражданский, арбитражный, уголовный, административный и конституционный процессы – это правоприменительные юридические процессы, сущность которых составляет юридическая деятельность по рассмотрению и разрешению юридических дел и правовых споров в соответствующей процессуальной форме.

Такова наша позиция в вопросе (и в порядке постановки научной проблемы) о природе и сущности правоприменительного юридического процесса.

Заключение

В настоящей статье в порядке постановки научной проблемы представлена авторская позиция относительно природы и сущности правоприменительного юридического процесса как разновидности последнего. Показано, что одной из важнейших форм правоприменения является правоприменение (правоприменительная деятельность, правоприменительный процесс). Выявлены особенности правоприменения, осуществляемого в процессуальной форме управомоченными субъектами, направленного на рассмотрение и разрешение юридических дел (правовых споров) в целях достижения поставленных целей и получения соответствующих результатов, выраженных в правоприменительных актах.

Отмечено, что в современной юридической науке дискуссионными являются вопросы относительно понятия и содержания юридического процесса и его процессуальной формы, видовой конфигурации данного процесса, их природы, сущности и роли в процессуально-правовом регулировании общественных отношений.

Рассмотрение научных подходов к понятию юридического процесса и его видов дало возможность определиться с понятием юридического процесса как комплексной системы процессуального характера и его природой и сущностью. Выделены такие его типы, как правообразовательный и правореализационный процессы. Последний включает в себя правоприменительный процесс, подразделяемый на юрисдикционный и другие, позитивные процессы.

Все изложенное дает возможность высказать авторскую точку зрения, согласно которой правоприменительный юридический процесс – это только юрисдикционный процесс, осуществляемый во всех формах судопроизводства.

Следовательно, природа и сущность правоприменительного юридического процесса проявляется в ходе и по результатам только судопроизводства – конституционного, гражданского, арбитражного, административного и уголовного – и заключается в судеб-

ном рассмотрении и разрешении в процессуальной форме юридических дел (правовых споров) в целях получения юридического, социально-значимого результата.

Список литературы

1. Вопленко Н.Н. 2009. Очерки общей теории права. Волгоград, Издательство ВолГУ, 898 с.
2. Павлушина А.А. 2005. Теория юридического процесса: итоги, проблемы, перспективы развития. Под ред. В.М. Ведяхина. Самара, Самарская государственная экономическая академия, 480 с.
3. Горшенев В.М. 1979. О разновидностях юридического процесса. В кн.: Актуальные проблемы юридического процесса в общенародном государстве: межвузовский тематический сборник. Под ред. В.М. Горшенева. Ярославль, Ярославский государственный университет: 3–10.
4. Полянский Н.Н., Строгович М.С., Савицкий В.М., Мельников А.А. 1983. Проблемы судебного права. Под ред. В. М. Савицкого. Москва, Наука, 223 с.
5. Алексеев С.С. 1971. Социальная ценность права в советском обществе. Москва, Юрид. лит., 221 с.
6. Бенедик И.В., Горшенев В.М., Крупин В.Г., Мельников Ю.И., Олейников С.Н., Погребной И.М., Шахов И.Б. 1985. Теория юридического процесса. Под общ. ред. В.М. Горшенева. Харьков, Вища шк., Изд-во при Харьк. Ун-те, 192 с.
7. Гадлышина З.И. 2003. О некоторых актуальных проблемах административно-процессуального права. В кн.: Актуальные проблемы юридической науки и образования на современном этапе. Материалы научно-практической конференции, посвященной 50-летию восстановления юридического факультета в Казанском государственном университете (Казань, 30–31 октября 2002 г.). Казань, Изд-во Казан. ун-та: 118–124.
8. Беляев В.П., Сорокина В.В. 2011. Процессуальная форма юридической деятельности: вопросы теории и практики. Москва, Юрлитинформ, 144 с.
9. Лукьянова Е.Г. 2003. Теория процессуального права. Москва, Норма, 233 с.
10. Лазарев В.В. 1975. Эффективность правоприменительных актов (Вопросы теории). Казань, Изд-во Казан. ун-та, 207 с.
11. Гиниятуллина Л.Н. 2006. Учредительный юридический процесс в представительном органе муниципального образования: по материалам Республики Татарстан: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.02. Казань, 204 с.
12. Куксин И.С. 2008. Роль юридического процесса в правоприменительной деятельности. Вестник Омского университета. Серия Право, 4 (17): 104–109.
13. Чулюкин Л.Д., Гурьянова В.В. 2018. Сущность и виды правоприменительного юридического процесса. Вестник экономики, права и социологии, 3: 125.

References

1. Voplenko N.N. 2009. Ocherki obshchej teorii prava [Essays on the general theory of law]. Volgograd, Volgograd State University Publishing House. 898 p.
2. Pavlushina A.A. 2005. Teoriya yuridicheskogo processa: itogi, problemy, perspektivy razvitiya [Theory of legal process: results, problems, prospects of development]. Ed. V.M. Vedyahina. Samara, Samara State Academy of Economics, 480 p.
3. Gorshenev V.M. 1979. O raznovidnostyah yuridicheskogo processa [About the varieties of the legal process]. In: Actual problems of the legal process in the national state: interuniversity thematic collection. Ed. V.M. Gorsheneva. YAroslavl', Yaroslavl State University: 3–10.
4. Polyanskij N.N., Strogovich M.S., Savickij V.M., Mel'nikov A.A. 1983. Problemy sudebnogo prava [Problems of judicial law]. Ed. V. M. Savickogo. M., Publ. Nauka, 223 p.
5. Alekseev S.S. 1971. Social'naya cennost' prava v sovetskom obshchestve [The social value of law in Soviet society]. M., Publ. YUrid. lit., 221 p.
6. Benedik I.V., Gorshenev V.M., Krupin V.G., Mel'nikov Yu.I., Oleinikov S.N., Pogrebnoi I.M., Shakhov I.B. 1985. Teoriya yuridicheskogo processa [Legal process theory]. Kharkiv, Vishcha shk., Publishing house at Kharkiv. Un-te, 192 p.

7. Gadyl'shina Z.I. 2003. O nekotoryh aktual'nyh problemah administrativno-processual'nogo prava [About some actual problems of administrative procedural law]. In: Actual problems of legal science and education at the present stage. Materials of the scientific and practical conference dedicated to the 50th anniversary of the restoration of the Faculty of Law at Kazan State University (Kazan, October 30–31, 2002). Kazan, Kazan Publishing House: 118–124.
8. Belyaev V.P., Sorokina V.V. 2011. Processual'naya forma yuridicheskoy deyatel'nosti: voprosy teorii i praktiki [Procedural form of legal activity: issues of theory and practice]. M., Publ. YUrlitinform, 144 p.
9. Luk'yanova E.G. 2003. Teoriya processual'nogo prava [Theory of procedural law]. M., Publ. Norma, 233 p.
10. Lazarev V.V. 1975. Effektivnost' pravoprimeritel'nyh aktov (Voprosy teorii) [Effectiveness of law enforcement acts (Theory issues)]. Kazan, Kazan Publishing House, 207 p.
11. Giniyatullina L.N. 2006. Uchreditel'nyj yuridicheskij process v predstavitel'nom organe municipal'nogo obrazovaniya: po materialam Respubliki Tatarstan [The constituent legal process in the representative body of the municipality: based on the materials of the Republic of Tatarstan]: dissertation ... Candidate of Legal Sciences: 12.00.02. Kazan, 204 p.
12. Kuksin I.S. 2008. Rol' yuridicheskogo processa v pravoprimeritel'noj deyatel'nosti. [The role of the legal process in law enforcement]. Bulletin of Omsk University. Series "Law", 4 (17): 104–109.
13. CHulyukin L.D., Gur'yanova V.V. 2018. Sushchnost' i vidy pravoprimeritel'nogo yuridicheskogo processa. [The essence and types of law enforcement legal process]. Bulletin of Economics, Law and Sociology, 3: 125.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Хабиева Заира Докуевна, старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса Чеченского государственного университета имени А.А. Кадырова, г. Грозный, Россия

Ярычев Насруди Увайсович, доктор педагогических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Чеченского государственного университета имени А.А. Кадырова, г. Грозный, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Zaira D. Khabieva, Senior Lecturer of the Department of Civil Law and Procedure of the Kadyrov Chechen State University, Grozny, Russia

Nasrudi U. Yarychev, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Kadyrov Chechen State University, Grozny, Russia

УДК 342.56

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-4-767-774

Генезис конституционного регулирования судоустройства в России

Шерстнев В.Н.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: 1594546@bsu.edu.ru

Аннотация. Современное судоустройство Российской Федерации является объектом трансформации, опосредованной прикладными аргументами и соответствующими им конституционно-правовыми установлениями. Такая трансформация направлена на оптимизацию судебной системы; обеспечение права граждан на доступ к правосудию; учет современных процессов дистанционной работы, а также гарантирование реализации важнейших судоустроительных принципов. Данная работа раскрывает общие и специфические черты конституционного регулирования судоустройства в Российском государстве, включая рамочные императивы советских конституций. Полагаем, исторический опыт способствует установлению факторов, оказавших влияние на современное состояние судоустройства в Российской Федерации.

Ключевые слова: судоустройство, судебная система, суд, принципы, судья, присяжные заседатели.

Для цитирования: Шерстнев В.Н. 2021. Генезис конституционного регулирования судоустройства в России. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право, 46(4): 767–774. DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-4-767-774

The Genesis of the Constitutional Regulation of the Judicial System in Russia

Valery N. Sherstnev

Belgorod National Research University,
85 Pobedy St, Belgorod 308015, Russian Federation
E-mail: 1594546@bsu.edu.ru

Abstract. The modern judicial system of the Russian Federation is an object of transformation mediated by applied arguments and corresponding constitutional and legal provisions. This transformation is aimed at optimizing the judicial system; ensuring the right of citizens to access justice; taking into account modern processes of remote work, as well as guaranteeing the implementation of the most important judicial principles. This work reveals the general and specific features of the constitutional regulation of the judicial system in the Russian state, including the framework imperatives of the Soviet constitutions. We believe that historical experience contributes to the establishment of factors that have influenced the current state of the judicial system in the Russian Federation. The study of the genesis of the constitutional formalization of shipbuilding foundations in the Russian state allowed us to conclude that it is characterized by a range of norms from their minimum number and content in increments to an independent legal institution.

Keywords: judicial system, judicial system, court, principles, judge, jurors.

For citation: Sherstnev V.N. 2021. The Genesis of the Constitutional Regulation of the Judicial System in Russia. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 46(4): 767–774 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-4-767-774

Введение

В соответствии с энциклопедической трактовкой судоустройство представляет совокупность принципов и норм, определяющих организацию и деятельность системы судебных органов¹.

Однако в теории права распространен подход, согласно которому судоустройство ассоциируют с такими элементами, как общие принципы организации и деятельности судебной власти, судебная система в узком смысле (как система судебных учреждений), формы судопроизводства, основы статуса судей, народных заседателей, присяжных заседателей и иные вопросы организации деятельности судов, в том числе функционирование органов судейского сообщества. Есть мнение, что все представленные элементы следует объединить в рамках понятия «судебная система», объясняя тем, что это соответствует федеральному конституционному закону «О судебной системе Российской Федерации», который не ограничивается формализацией системы судебных учреждений, раскрывая в общем виде принципы функционирования судебной власти, статус ее представителей и т.д.² Полагаем, такой подход некорректен, и в этой связи предпочтительно использовать термин «судоустройство», содержательно выходящий за пределы судебной системы. Кроме того, совокупность традиционно включаемых в судопроизводство элементов регулируется не только названным федеральным конституционным законом, но и рядом иных специальных законов. Поэтому, в силу доктринальных и нормативных аргументов, считаем обоснованным использовать употребление в рамках данной работы термина «судоустройство».

Уточним, что судоустроительный аспект динамичен, зависим от актуальных внутригосударственных процессов [Макогон, 2012; Новикова, 2019; Makogon et al., 2019], а также постоянно выступает предметом доктринальных изысканий [Качмазов, Каргинов, 2011; Кодинцев, 2020]. Конституционные поправки [Макеева, 2014], а также многочисленные законодательные изменения затронули и его [Воронов, 2018; Новикова, Власенко, 2019; Терехин, 2010]. Целью данного исследования является анализ конституционных норм российского государства с 1918 г. для установления закономерностей или выявления особенностей базовой формализации важнейшего правового института.

Формализация конституциями российского государства основ судоустройства

Итак, результаты осуществленного анализа показали, что в первой российской конституции отсутствовали нормы, детально регулирующие судопроизводство. Упоминание о нем было лишь только в контексте одного из вопросов общегосударственного значения, отнесенного к ведению Всероссийского съезда Советов и Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов (п. 49)³.

В российской Конституция 1924 г. не было и такого упоминания. Это можно связать с тем, что в советской Конституции 1923 г. установление основ судоустройства было

¹ Энциклопедия юриста, 2005/ URL. https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_law/2205/%D0%A1%D0%A3%D0%94%D0%9E%D0%A3%D0%A1%D0%A2%D0%A0%D0%9E%D0%99%D0%A1%D0%A2%D0%92%D0%9E (дата обращения 05.11.2021).

² Энциклопедия юриста, 2005/ URL. https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_law/2205/%D0%A1%D0%A3%D0%94%D0%9E%D0%A3%D0%A1%D0%A2%D0%A0%D0%9E%D0%99%D0%A1%D0%A2%D0%92%D0%9E (дата обращения 05.11.2021).

³ Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским съездом Советов 10.07.1918) // СУ РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582.

отнесено к ведению Союза Советских Социалистических Республик в лице его высших органов (пп. «п» п. 1) ¹.

В данной же Конституции самостоятельная Глава седьмая посвящалась Верховному Суду Союза ССР. Согласно п. 43 в целях утверждения революционной законности на территории Союза ССР при Центральном Исполнительном Комитете Союза ССР учреждался Верховный Суд и его компетенция. Как видим, ни о каком принципе самостоятельности не то, что судебной власти, но и органа судебной власти, в то время речи не было.

Структурно Верховный Суд Союза ССР действовал в составе пленарного заседания, гражданско-судебной и уголовно-судебной коллегий, а также военной и военно-транспортной коллегий (п. 44).

Состав пленарного заседания Верховного Суда Союза ССР образовали одиннадцать членов, в том числе председатель и его заместители, четыре председателя пленарных заседаний высших судов союзных республик и один представитель Объединенного Государственного Политического Управления Союза ССР, причем председатель, его заместитель и остальные пять членов назначались Президиумом Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР (п. 45), что еще раз подчеркивало зависимую юридическую природу Верховного Суда Союза ССР.

Более того, в состав Верховного Суда Союза ССР входил Прокурор Верховного Суда Союза ССР. Он и его заместитель также назначались Президиумом Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР. В обязанности Прокурора Верховного Суда Союза ССР входили: дача заключений по всем вопросам, подлежащим разрешению Верховного Суда Союза ССР, поддержание обвинения в судебном заседании и в случае несогласия с решениями пленарного заседания Верховного Суда Союза ССР опротестование их в Президиуме Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР.

Таким образом, включение норм о Прокуроре в главу, посвященную Верховному Суду, также оказало влияние на его юридическую принадлежность и отсутствие самостоятельности.

Анализ советской и российской конституций 1936 и 1937 гг. показал уже традиционную формализацию установления основ законодательства о судеустройстве в качестве ведения Союза Советских Социалистических Республик в лице его высших органов государственной власти и органов государственного управления (п. «х» ст. 14 Конституции СССР 1936 г.) ².

Соответственно к ведению Российской Советской Федеративной Социалистической Республики в лице ее высших органов власти и органов государственного управления была отнесена организация судебных органов РСФСР (п. «ш» ст. 19) ³.

В заявленных конституциях была обособлена самостоятельная глава, посвященная суду и прокуратуре. Фиксировался принцип осуществления правосудия судами с перечислением их конкретных инстанций (ст. 102 Конституции СССР).

На примере ст. 107 Конституции РСФСР укажем, что правосудие в РСФСР осуществлялось Верховным Судом РСФСР, Верховными Судами автономных республик, краевыми, областными судами, судами автономных областей, судами национальных округов, судами административных округов, специальными судами СССР, создаваемыми по

¹ Основной Закон (Конституция) Союза Советских Социалистических Республик (утв. ЦИК СССР 06.07.1923) // СУ РСФСР. 1923. № 81. Ст. 782.

² Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (утв. Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 05.12.1936) // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1936. № 283.

³ Постановление Чрезвычайного XVII Всероссийского Съезда Советов от 21.01.1937 «Об утверждении Конституции (Основного Закона) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики» (вместе с Конституцией) // СУ РСФСР. 1937. № 2. Ст. 11.

постановлению Верховного Совета СССР, народными судами. Таким образом, конституционно и исчерпывающе устанавливалась судебная система вне связи с прокуратурой.

Кроме того, в конституциях содержалась краткая характеристика и легислатура высшей судебной инстанции. Так, Верховный Суд РСФСР признавался высшим судебным органом РСФСР (ст. 109). На Верховный Суд СССР возлагался надзор за судебной деятельностью судебных органов СССР, а также судебных органов союзных республик в пределах, установленных законом (ст. 104), а на Верховный Суд РСФСР – за судебной деятельностью всех судебных органов РСФСР, автономных республик и областей (ст. 109).

Верховные Суды избирались Верховными Советами на пятилетний срок (ст. 105 Конституции СССР 1936 г. и 110 Конституции РСФСР 1937 г.).

Согласно ст. 112 Конституции РСФСР 1937 г. краевые и областные суды, суды автономных областей, суды национальных и административных округов избирались краевыми, областными Советами депутатов трудящихся, или Советами депутатов трудящихся автономных областей, или Советами депутатов трудящихся национальных и административных округов сроком на пять лет.

Также был определен порядок избрания народных судов гражданами района на основе всеобщего, прямого и равного избирательного права при тайном голосовании сроком на три года (ст. 113 Конституции РСФСР 1937 г.).

В ст. 109 Конституции СССР 1936 г. еще было установление об избрании народных заседателей районных (городских) народных судов на общих собраниях рабочих, служащих и крестьян по месту их работы или жительства, военнослужащих – по воинским частям сроком на два года. Аналогичной нормы в Конституции РСФСР 1937 г. не было.

Что касается судей, то упоминание о них было лишь в контексте принципов независимости и подчинения их только закону (ст. 112 Конституции СССР 1936 г. и 116 Конституции РСФСР 1937 г.).

Исходя из заявленного наименования, в тексте исследуемых глав отражены нормы о прокуратуре, которая осуществляла высший надзор за точным исполнением законов всеми Министерствами / Народными Комиссариатами и подведомственными им учреждениями, равно как отдельными должностными лицами, а также гражданами СССР / на территории РСФСР (ст. 113 Конституции СССР 1936 г. и ст. 117 Конституции РСФСР 1937 г.).

Статус прокуратуры, исходя из норм ст. 118 Конституции СССР 1936 г. и ст. 121 Конституции 1937 г. был трансформирован, получив независимость: органы прокуратуры осуществляли свои функции независимо от каких бы то ни было местных органов, подчиняясь только Генеральному Прокурору СССР.

Далее представлены результаты анализа советской и российской конституций 1977 г. и 1978 г. по поводу заявленного предмета. Уточним, что советская конституция исключила из своего состава нормы об отнесении к государственному ведению вопросов, связанных с судостроением. Однако в Конституции РСФСР 1978 г. такие установления сохранились и количественно приросли. На основе п.п. «г» и «о» ст. 72 к ведению федеральных органов государственной власти Российской Федерации были отнесены: установление системы федеральных органов... судебной власти, порядка их организации и деятельности; судостроение. Кроме того, п. «к» ст. 81.1 к совместному ведению федеральных органов государственной власти Российской Федерации и органов государственной власти республик в составе Российской Федерации было отнесено судостроение¹.

Важнейшим установлением Конституции РСФСР 1978 г. стал принцип разделения государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную (ст. 3).

¹ Конституция (Основной Закон) Российской Федерации – России (принята ВС РСФСР 12.04.1978) (ред. от 10.12.1992) // Ведомости ВС РСФСР. 1978. № 15. Ст. 407.

В рассматриваемых конституциях судоустроительный аспект был пополнен нормами, связанными с назначением/избранием судей высших судебных инстанций или специализированных судов.

Так, согласно п. 11 ст. 104 Конституции РСФСР 1978 г. к исключительному ведению Съезда народных депутатов Российской Федерации относилось утверждение Председателя Верховного Суда Российской Федерации, Председателя Высшего арбитражного суда Российской Федерации; избрание Конституционного Суда Российской Федерации. По аналогии с указанной нормой п. 11 ст. 108 Конституции СССР 1977 г. к исключительному ведению Съезда народных депутатов СССР относит утверждение Председателя Верховного Суда СССР и Главного государственного арбитра СССР¹.

Согласно п.п. 4 и 9 ст. 109 Конституции РСФСР 1978 г. Верховный Совет Российской Федерации: избирал Верховный Суд Российской Федерации, Высший арбитражный суд Российской Федерации, судей краевых, областных, Московского и Санкт-Петербургского городских судов и арбитражных судов; устанавливал порядок организации и деятельности федеральных органов судебной власти. Снова укажем на базовость здесь п. 4 ст. 113 Конституции СССР 1977 г.: полномочия Верховный Совет СССР в отношении Верховного Суда СССР и Главного государственного арбитра СССР и ее коллегии.

В Конституции РСФСР 1978 г., как и в ст. 121 Конституции СССР, имелась статья, отражающая российские судоустроительные реалии: избрание судей Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации и Высшего арбитражного суда Российской Федерации производится при наличии заключений соответствующих постоянных комиссий палат и комитетов Верховного Совета Российской Федерации (ст. 117). Особое внимание избранию Конституционного Суда Российской Федерации Съездом народных депутатов Российской Федерации было уделено в ст. 119 Конституции РСФСР 1978 г. Бланкетно указывалось, что порядок избрания и деятельности Конституционного Суда Российской Федерации определялся Законом Российской Федерации о Конституционном Суде Российской Федерации.

Отметим, что к судоустроительной процедуре согласно ст. 127.3 Конституции СССР имел отношение Президент СССР. Он представлял Верховному Совету СССР кандидатуры на посты Председателя Верховного Суда СССР, Главного государственного арбитра СССР, а затем представлял этих должностных лиц Съезду народных депутатов СССР на утверждение; входил с представлениями в Верховный Совет СССР и на Съезд народных депутатов СССР об освобождении от обязанностей указанных должностных лиц, за исключением Председателя Верховного Суда СССР; назначал судей военных трибуналов.

Обе рассматриваемые конституции в структурном аспекте претерпели изменения. Так, в Конституции СССР 1977 г. был обособлен раздел «Правосудие, арбитраж и прокурорский надзор», включивший Главу 20 «Суд и арбитраж» и Главу 21 «Прокуратура».

В Конституции РСФСР 1978 г. был обособлен раздел IX «Правосудие и прокурорский надзор», включивший Главу 21 «Судебная система Российской Федерации» и Главу 22 «Прокуратура». Как видим, обе конституции меняют подход к структурированию и наименования глав вне синхронизации.

В ст. 163 Конституции РСФСР 1978 г., в отличие от Конституции РСФСР 1937 г., перечислявшей судебные инстанции в рамках принципа реализации правосудия только судом, отдельно от указанного принципа, представлялась судебная система Российской Федерации. Ее составляли: Конституционный Суд Российской Федерации, Верховный Суд Российской Федерации, Высший арбитражный суд Российской Федерации, Верховные Суды и Высшие арбитражные суды республик в составе Российской Федерации, краевые, областные, городские суды и арбитражные суды, суды и арбитражные суды авто-

¹ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята ВС СССР 07.10.1977) // Ведомости ВС СССР. 1977. № 41. Ст. 617.

номных областей и автономных округов, районные (городские) народные суды и военные суды, мировые судьи.

Уточним, что такой подход соответствовал ст. 151 Конституции СССР 1977 г., за исключением упоминания в ней термина «судебная система».

Кроме того, конституционно отмечалось, что организация и порядок деятельности судов Российской Федерации, арбитражных судов и военных судов определяются законами Российской Федерации (ст. 163). Применительно к Конституционному Суду Российской Федерации указан конкретный одноименный Закон (ст. 165). Таким образом, в государстве появляется специальное судоустроительное законодательство.

В ст. 165 Конституции РСФСР 1978 г. было уделено внимание характеристике и составу высших органов судебной власти в государстве. В их числе:

– Конституционный Суд Российской Федерации – высший орган судебной власти по защите конституционного строя; состоит из 15 судей;

– Верховный Суд Российской Федерации – высший судебный орган Российской Федерации, осуществляющий надзор за судебной деятельностью судов Российской Федерации, кроме Конституционного Суда Российской Федерации и арбитражных судов Российской Федерации. Верховный Суд Российской Федерации состоит из Председателя, его заместителей, членов Верховного Суда Российской Федерации и народных заседателей;

– Высший арбитражный суд Российской Федерации – высший экономический судебный орган Российской Федерации, осуществляющий надзор за судебной деятельностью арбитражных судов Российской Федерации. Высший арбитражный суд Российской Федерации состоит из Председателя, его заместителей и членов Высшего арбитражного суда Российской Федерации.

В ст. 153 Конституции СССР соответственно давалась подробная характеристика только Верховного Суда СССР. В отдельной ст. 163 предписывалось, что разрешение хозяйственных споров между предприятиями, учреждениями и организациями осуществлялось органами государственного арбитража в пределах их компетенции.

Российская Конституция 1978 г. вводила базовый принцип судоустройства: все суды Российской Федерации образуются на началах выборности судей и народных заседателей (ст. 164). В советской Конституции для сравнения имелось изъятие из заявленного принципа для судей военных трибуналов. Они назначались Президентом СССР, а народные заседатели избирались собраниями военнослужащих открытым голосованием (ст. 152).

В советской и российской конституциях подробным образом излагался порядок избрания и сроки судей различных уровней судебных инстанций и народных заседателей.

Так, на примере российской Конституции судьи Конституционного Суда Российской Федерации избирались Съездом народных депутатов Российской Федерации.

Мировые судьи избирались населением округа, на который распространялась их юрисдикция, сроком на пять лет.

Народные судьи районных (городских) народных судов избирались соответствующими Верховными Советами республик в составе Российской Федерации, краевыми, областными, Московским и Санкт-Петербургским городскими Советами народных депутатов, Советами народных депутатов автономных областей и автономных округов.

Судьи краевых, областных, Московского, Санкт-Петербургского городских судов, арбитражных и военных судов избирались Верховным Советом Российской Федерации.

Судьи Верховного Суда Российской Федерации, Высшего арбитражного суда Российской Федерации, Верховных Судов и Высших арбитражных судов республик в составе Российской Федерации, судов и арбитражных судов автономных областей и автономных округов избирались соответственно Верховным Советом Российской Федерации, Верховными Советами республик в составе Российской Федерации, Советами народных депутатов автономных областей и автономных округов.

Народные заседатели районных (городских) народных судов избираются на собраниях граждан по месту их жительства или работы открытым голосованием, а народные заседатели вышестоящих судов – соответствующими Советами народных депутатов. Народные заседатели военных судов избираются собраниями военнослужащих по месту службы открытым голосованием. Судьи всех судов избирались сроком на десять лет. Народные заседатели всех судов – сроком на пять лет.

В Конституции РСФСР 1978 г. по сравнению с предыдущей Конституцией 1937 г. правовому статусу судей посвящено большее число норм. В дополнение к принципу независимости судей и подчинения их только закону (ст. 167) в ст. 165 было определено, что полномочия судей в Российской Федерации не ограничены определенным сроком, поскольку иное не установлено Конституцией и законами Российской Федерации. Таким образом, отражался принцип несменяемости судей. В ст. 167 был зафиксирован принцип недопустимости вмешательства в деятельность судей, присяжных заседателей и народных заседателей. Им обеспечивались условия для беспрепятственного и эффективного осуществления их прав и обязанностей [Тресков, 2018].

Необходимо обратить внимание на появившийся принцип неприкосновенности судей, присяжных заседателей и народных заседателей (ст. 167). Указанный подход российской Конституции отражал нормы советского Основного закона 1977 г. (ст. 155).

Расширился круг принципов судостроительства за счет вновь появившихся принципов ответственности народных заседателей перед избравшими их органами или избирателями; отчетности народных заседателей перед избравшими их органами или избирателями; отзыва народных заседателей в установленном законом порядке (ст. 152 Конституции СССР 1977 г. и ст. 165 Конституции РСФСР 1978 г.).

Несмотря на то, что органы прокуратуры, исходя из конституционных положений, не относились к органам судебной власти, тем не менее отметим их трансформацию. Они, как и прежде реализовали функцию высшего надзора. Вместе с тем, согласно ст. 165 Конституции СССР 1977 г., Генеральный прокурор СССР был ответственен перед Съездом народных депутатов СССР и Верховным Советом СССР и им подотчетен. Но уже согласно ст. 179 Конституции РСФСР 1978 г. органы прокуратуры Российской Федерации составляют единую систему и осуществляют свои полномочия независимо от каких бы то ни было местных органов, подчиняясь только Генеральному прокурору Российской Федерации.

Заключение

Таким образом, генезис конституционной формализации судостроительных основ в российском государстве характеризуется диапазоном норм от минимально их количества и содержательного наполнения в приращении до самостоятельного правового института. В финальном этапе развития он включает в себя не только структурно обособленную специальную главу с параметрами судебной системы, судей, народных заседателей, принципов организации и деятельности, но также иные значимые нормы уровня принципов государственного строительства, полномочий высших органов публичной власти, оказывающих непосредственное влияние на судостроительный аспект.

Список литературы

1. Воронов А.Ф. 2018. О реформе судостроительства и ее процессуальных аспектах. Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение, 10 (255): 17–24.
2. Качмазов О.Х., Каргинов С.Н. 2011. Проблемы государственного строительства, судостроительства и судопроизводства в Российской Федерации. Владикавказ: Издательско-полиграфическое предприятие им. В. Гассиева, 253 с.
3. Кодинцев А.Я. 2020. Современная историография советского судостроительства в 1930–1950-е годы. Российский судья, 1: 59–64.

4. Макеева Ю.К. 2014. Актуальные проблемы конституционного регулирования вопросов судоустройства в Российской Федерации. Экономика, социология и право, 1: 173–177.
5. Макогон Б.В. 2012. Современное государство в условиях глобализации. Пробелы в российском законодательстве, 2: 29–31.
6. Новикова А.Е. 2019. Риск как объект конституционно-правовой науки. Монография. М.: Издательский дом «Юр-ВАК», 98 с.
7. Новикова Г.М., Власенко В.А. 2019. Судоустроительные изменения в России на современном этапе. Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление, 5 (108): 56–59.
8. Терехин В.А. 2010. Модернизация судоустройства и судебных инстанций как приоритетное направление судебной политики. Российская юстиция, 5: 37–41.
9. Тресков А.П. 2018. Конституционная легализация принципов судебной власти: советский период. Пробелы в российском законодательстве, 6: 53–55.
10. Makogon B.V., Markhgeim M.V., Minasyan A.A., Nintsieva T.M., Novikova A.E. 2019. Legal form of action: the issues of content and methodology. Revista Inclusiones, 6 (2-5): 402–409.

References

1. Voronov A.F. 2018. O reforme sudoustrojstva i ee processual'nyh aspektah [On the reform of the judicial system and its procedural aspects]. Pravo v Vooruzhennyh Silah – Voenno-pravovoe obozrenie, 10 (255): 17–24.
2. Kachmazov O.H., Karginov S.N. 2011. Problemy gosudarstvennogo stroitel'stva, sudoustrojstva i sudoproizvodstva v Rossijskoj Federacii [Problems of state-building, judicial system and judicial proceedings in the Russian Federation]. Vladikavkaz, V. Gassiev Publishing and Printing Enterprise, 253 p.
3. Kodincev A.YA. 2020. Sovremennaya istoriografiya sovetskogo sudoustrojstva v 1930–1950-e gody [Modern historiography of the Soviet judicial system in the 1930s-1950s]. Rossijskij sud'ya, 1: 59–64.
4. Makeeva YU.K. 2014. Aktual'nye problemy konstitucionnogo regulirovaniya voprosov sudoustrojstva v Rossijskoj Federacii [Actual problems of constitutional regulation of judicial system issues in the Russian Federation]. Ekonomika, sociologiya i pravo, 1: 173–177.
5. Makogon B.V. 2012. Sovremennoe gosudarstvo v usloviyah globalizacii [The modern state in the context of globalization]. Probely v rossijskom zakonodatel'stve, 2: 29–31.
6. Novikova A.E. 2019. Risk kak ob"ekt konstitucionno-pravovoj nauki [Risk as an object of constitutional and legal science]. Monografiya. M., Publishing house YUr-VAK, 98 p.
7. Novikova G.M., Vlasenko V.A. 2019. Sudoustrojstvennye izmeneniya v Rossii na sovremennom etape [Judicial changes in Russia at the present stage]. Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie, 5 (108): 56–59.
8. Terekhin V.A. 2010. Modernizaciya sudoustrojstva i sudebnyh instancij kak prioritnoe napravlenie sudebno-pravovoj politiki [Modernization of the judicial system and judicial instances as a priority direction of judicial and legal policy]. Rossijskaya yusticiya, 5: 37–41.
9. Treskov A.P. 2018. Konstitucionnaya legalizaciya principov sudebnoj vlasti: sovetskij period [Constitutional legalization of the principles of judicial power: the Soviet period]. Probely v rossijskom zakonodatel'stve, 6: 53–55.
10. Makogon B.V., Markhgeim M.V., Minasyan A.A., Nintsieva T.M., Novikova A.E. 2019. Legal form of action: the issues of content and methodology. Revista Inclusiones, 6 (2-5): 402–409.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шерстнев Валерий Николаевич, аспирант кафедры конституционного и международного права юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Valery N. Sherstnev, Postgraduate Student of the Department of Constitutional and International Law of the Law Institute of the Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ И КОММУНИКАЦИИ SCIENTIFIC LIFE AND COMMUNICATIONS

КРУГЛЫЙ СТОЛ «СОЦИАЛЬНАЯ КОНСОЛИДАЦИЯ ГОРОДСКИХ СООБЩЕСТВ: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ДИГИТАЛИЗАЦИИ УРБАНИЗИРОВАННОЙ СРЕДЫ»

28 мая 2021 года кафедрой социальных технологий и государственной службы НИУ «БелГУ» был проведен круглый стол «Социальная консолидация городских сообществ: возможности и ограничения в условиях дигитализации урбанизированной среды». В работе круглого стола приняли участие исследователи из семи регионов России. Они обсудили проблемы, возникающие в связи с попытками разработки и реализации консолидационных проектов на уровне городских муниципальных образований. Ниже приводятся тезисы докладов участников круглого стола (начало см. том 46, № 3).

ROUND TABLE "SOCIAL CONSOLIDATION OF URBAN COMMUNITIES: OPPORTUNITIES AND LIMITATIONS IN A DIGITALIZED URBAN ENVIRONMENT"

On May 28, 2021 the round table "Social consolidation of urban communities: opportunities and constraints in a digitalized urban environment" was held by the Department of Social Technologies and Public Service NRU "BelSU". The round table was attended by researchers from seven regions of Russia. They discussed the problems arising from attempts to develop and implement consolidation projects at the level of urban municipalities. The following are the abstracts of the speeches of the participants of the round table (see the beginning of vol. 46, No. 3).

УДК 130.2; 316.47

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-4-775-781

Городские сообщества и субкультурные протесты в сетях гражданского общества современной России

¹ Анисимов Н.О., ¹ Римская О.Н., ² Олещенко Е.О.

¹ Белгородский государственный институт искусств и культуры,
Россия, 308033, г. Белгород, ул. Королева, 7

² Белгородский юридический институт МВД РФ им. И.Д. Путилина
Россия, 308024, Белгород, ул. Горького, 71

E-mail: nik.anisimov.o@bk.ru; olgarimskaja@rambler.ru; eoveto@mail.ru

Аннотация. Авторы рассматривают процесс становления представлений о динамике формирования городских сообществ и констатируют: несмотря на кажущееся большим количество подходов к понятию «городское сообщество», в данный момент налицо недостаток

рационально-теоретического осмысления городских сообществ, отсутствие общепринятой понятийной репрезентации городского сообщества, оторванность данной концепции от теорий субкультур и субкультурных сообществ.

Ключевые слова: город, городское сообщество, субкультуры, субкультурные сообщества.

Для цитирования: Анисимов Н.О., Римская О.Н., Олещенко Е.О. 2021. Городские сообщества и субкультурные протесты в сетях гражданского общества современной России. NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право, 46(4): 775–781. DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-4-775-781

Urban Communities and Subcultural Protests in Networks Civil Society of Modern Russia

¹ Nikita O. Anisimov, ¹ O.N. Rimskaya, ² Ekaterina O. Oleshchenko

¹ Belgorod State Institute of Arts and Culture,

7 Koroleva St, Belgorod 308033, Russian Federation

² I.D. Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation

71 Gorky St, Belgorod 308024, Russian Federation

E-mail: nik.anisimov.o@bk.ru; olgarimskaja@rambler.ru; eoveto@mail.ru

Abstract. The authors consider the process of the formation of ideas about the dynamics of the formation of urban communities and state, despite the seemingly large number of approaches to the concept of "urban community", at the moment there is a lack of rational and theoretical understanding of urban communities, the absence of a generally accepted conceptual representation of the urban community, the isolation of this concept from theories of subcultures and subcultural communities.

Keywords: city, urban community, subcultures, subcultural communities.

For citation: Anisimov N.O., Rimskaya O.N., Oleshchenko E.O. 2021. Urban Communities and Subcultural Protests in Networks Civil Society of Modern Russia. NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 46(4): 775–781 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-4-775-781

Индустриально-урбанистическая культура позднего модерна в отличие от традиционных цивилизаций дала человеку возможность интегрироваться в немислимое количество сообществ, что не было характерным для членов аграрных общин, военных, сословных и ремесленных корпораций и коллективов прошлого. Современная ситуация характеризуется тем, что в условиях индустриальной массофикации некогда устоявшееся деление на профессионально-сословные корпорации и социальные классы все больше отходит на второй план, уступая место самоидентификации горожанина в качестве участника многочисленных субкультурных сообществ.

Прежде всего, следует отметить актуальность исследования городских сообществ в современной социально-гуманитарной науке. Одним из первых стал М. Вебер [1994], который понимал под городскими сообществами коммуны с автономной экономической сферой, отличая их от сообществ сельских. Первыми по-настоящему городскими сообществами, по М. Веберу, были ремесленные корпорации, цеха и гильдии.

Следующий подход к пониманию городского сообщества представлен идеями Чикагской школы (Р. Парк [2006], Э. Берджесс [Burgess, 1924], Р. Линд и Э. Линд [Lynd, 2000], Н. Андерсон [Anderson, 1999], Л. Вирт [2016]), подход которой актуализировал экологическое понимание жизни людей как совокупности нескольких социально-

экалагічных ніш, прадставленне о прамом суадношэнні міжду сацыяльнымі характэрыстыкамі чалавека і месцам яго пражывання і сацыяльным мікрааказіем, выдзяленне ролі інфармацыйнай сфэры і постіндустрыяльнай эканомікі ў развіцці гарадскіх ценнасцей і паведенчeskіх норм. У рамках сетавога падыхода ісследует гарадскія супольнасці Джэйн Джэкобс [2019], якая ўказвае, што сацыяльны капітал, наапаўнены старымі сплоченымі раёнамі, вопрекі прадставленням чіновнікоў і девелопераў яўляецца не толькі значым сацыяльным капіталом, ўкрэпляючым сацыяльную бeзoпaснoсць, но і дае ўзможнасць канвертаваць гэты капітал у дeнeжнyю эквівалeнт пoсрeдствoм пoвышeннa стoімoсці жыллa. Длa рeпрeзeнтaцыйнoгo пoдхoдa Дж. Хoльстoнa [Holston, 1991] гарадскія супольнасці яўляюць сабoю нaбoр «кoллeктыўнyх рeпрeзeнтaцый», oтpажaючyх сацыяльныя рoлe, інтeрeсы, вкyсы і іміджe лyдeй.

Прoблeмoй пoнятыгoнoгo oпpeдeлeннa гoрoдскoгo сoбoлeствa ў рaмкaх бoлee ширoкoй прoблeмe эвoлюцыйнoгo ўрбaністичeскіх oбщeств в Eврoпe зaнeмaлaсa Ч. Тeллі [Tilly, 1994]. Кyльтyрнo-aнтрoпoлoгичeскі пoдхoд к oпpeдeлeннy сoбoлeств [Уoрнeр, 2000] пoзвoлeт пoнeмaть пoд нeмe «іныe» сацыялнo-кyльтyрныe oбpaзoвaннa, oтличныe oт oбыдeнныx длa aнтрoпoлoгa «сацыялныx мeрoв», сoвoкyпнoсць yнeкaлнчeскыx пpактeк і ўклaдoв жeзнe, сoстaвляючыx гoрoдскyю срeдy, гдe гoспoдствyют нe пoхoжe нa нaшe прeдстaвлeннa oб oкpyжaючeй дeйствeлнoсці. Дж. Aдaмс ісслeдoвaлa кyльтyрy мaргeнaлнчeскыx слoeв нaсeлeннa, a тaкжe сoдeржaннe рaсoвыx oтнoшeннe мeждy нeмe ў рaмкaх этнoгpaфій гoрoдa. Стoрoннeкe гeгo нaпpaвлeннa (Кл. Мeтчeлл, Э. Кoлсoн) ізyчaют тaкe фeнoмeнe, кaк рeіндyстpіaлeзaцыя і дeіндyстpіaлeзaцыя, пaтeрнe пoвeдeннa мeгрaнтoв в гoрoдскoй срeдe, вoзрaстaючaя ўрбaнізaцыя і лoкaлнчeскыя прoявлeннa глoбaлнчeскых сацыялныx і кyльтyрныx пpocцeсoв, вклyчaя стpyктyрнyю і хрoнeчeскyю гoрoдскyю бeднoсць [Mitchell, 1983; [Colson, 1988]. Пpoблeмaтeкy мeжэтнeчeскых, a тaкжe мeжрaсoвыx oтнoшeннe в сoврeмeннoм гoрoдскoм сoбoлeствe ісслeдoвaлe К. Клaрк [Clark, 1989] і Вeлнчeм Вeлнчeсoн [Wilson, 2006].

Нeсмoтpя нa кaжyщeсe бoлшeмe кoлeчeствo пoдхoдoв в мeрoвoй нaкyкe к пoнятыю «гoрoдскoе сoбoлeствo», в дaннyю мoмeнт мoжнo кoнстaтeрoвaть нeдoстaтoк рaцeнaлнчeскoгo oсмыслeннa фeнoмeнa гoрoдскыx сoбoлeств, oтсyтствe oбщeпpнeмaтoй пoнятыгoнoй рeпрeзeнтaцыйнoгo гoрoдскoгo сoбoлeствa, oтoрвaннoсць дaннyх кoнцeпцый oт тeорeйнoгo сyбкyльтyрнoгo сoбoлeств. Oчeвeднo, чтo тeорeйнe гoрoдскыx сoбoлeств нeкaк нe yвязaнe і с тeорeйнe сoцeялныx пpocтeсoв, пoлeтeчeскыx пeрeвoрoтoв і рeвoлюцый. Пoэтoмy впoлнe зaкoнoмeрнoм стaлo нaшe oбpaщeннe к кoнцeптyaлнчeскoй связкe гoрoдскыx сoбoлeств і сyбкyльтyрныx сoбoлeств.

Нa Зaпaдe пoвoрoт yчeныx (пpeждe вceгo aнтрoпoлoгoв, сoцeялoгoв і псeхoлoгoв) к сyбкyльтyрнyм фeнoмeнaм yсeлeнe в связe с пpoлoгoм і сaмoй «мoлoдeжнoй рeвoлюцыйнoй» 60–70-х гoдoв пpocлoгo стoлeтeя. Д. Aсyсeбeл, Р. Бeргeюс, Г. Гpызe, К. Дeвeс, К. Кeнeстoн, В. Лeoнaрд, М. Мeд, Р. Мyс, Ф. Нaйдгaрдт, Ч. Рeйч, Л. Рoзeнмaйeр, Т. Рoззaк, Ф. Тeнбpук, Д. Фрeнч, E. Хyрлoк, Г. Шeльскeй, С. Эйзeнштaдт і др. кaк зaлoжeлe oснoвныe пaрaдeгмe інтeрпpeтaцыйнoгo oцeнкe сyбкyльтyр, тaк і yстaнoвeлe іх связь с пpocтeстнyмe, кoнтpкyльтyрнyмe пpактeкaмe.

В ісслeдoвaннe сyбкyльтyр yчeныe в ССCР і пoстсoвeтскoй Рoссeйe пpoявлeлe слaбyю aктeвнoсць, oгpaнeчeнe в oснoвнoм мoлoдeжнyмe сyбкyльтyрaмe гoрoдa ілe дeвeянтнyмe (кpмeнaлнчeскымe і т.п.) сoбoлeствaмe [Шцeпaнскaя, 2004]. Пpи гeтoм кaк нa Зaпaдe, тaк і в нaшeй стpaнe фeнoмeн сyбкyльтyрныx сoбoлeств дo сeчe пфaктeчeскe oтнeсeн тoлькo к цeвeлeзaцeй мoдeрнa і індyстpіaлнчeскoмy oбщeствy. Мe бeлe пeрвымe, кoгдa в 90-e гoды пpocлoгo вeкa стaлe yтвeрждaть тoчкy зpeнeннa, чтo фeнoмeнe сyбкyльтyрнoсці і сyбкyльтyрныe сoбoлeствa пpeдстaвляюць сoбoю впoлнe сyвeрeнныe цeлoстнye

формообразования, которые присущи не только «городской» цивилизации модерна, но и характеризуют причудливые стратификации исторических, традиционалистских культурно-цивилизационных систем. Поэтому было органичным и введение нами концепта «субкультурные революции» для характеристики социальных протестов и движений применительно (по крайней мере) к XX веку.

Философская, культурологическая, социологическая и историческая интерпретация социальных протестов, политических переворотов и революций, практик насилия, ненасилия и свободы актуализирована в работах таких авторов позднего модерна, как Д. Агамбен, А. Бадью, З. Бауман, П. Боянич, П. Бурдьё, И. Валлерстайн, Ф. Гваттари, Э. Гидденс, Дж. Голдстоун, Ж. Делёз, С. Жижек, М. Малиа, Г. Маркузе, Т. Скочпол, Ш. Фицпатрик, М. Фуко и др.

В связи с исследованием природы социальных протестов и субкультурных революций XX–XXI веков для нас возникла и такая проблема, как роль в провоцировании политических конфликтов прошлого и современности, механизмов их развертывания и реализации противоречия между практиками прямого народовластия и представительской демократии, их роли в совершенствовании современного гражданского общества.

Из современных мыслителей и ученых, если не считать идеи позднего Гегеля, молодого и зрелого Маркса, предреволюционного В.И. Ленина, на этот конфликт и проблеме обратила внимание лишь Х. Арендт [2017]. Она отмечала рождение феномена прямого народовластия на почве модерна, в практиках свободы человека и социальных сообществ этой цивилизации, применяя свои трактовки и к интерпретации Русской революции XX века, культурно-исторического События, продуцирующего в будущее, – пока ещё не состоявшееся, – великие эмансипирующие смыслы. Она отмечала, что в робкой, зачаточной форме идея прямого публичного действия и участия в публичных делах, практики самоорганизации, родившиеся в большевистских Советах, вновь была заявлена как цель новых революций именно в революционных событиях 1968 года в США и Западной Европе (но они имели место и Восточной Европе).

Мы выдвинули идею о том, что субъект современных социальных протестов и революций всегда связан не столько с классами и социальными группами, как это утверждается в марксистской и немарксистской социально-политической методологии, а именно с субкультурными сообществами. Здесь объединение людей проходит не столько на основе социально-экономических, идеологических или политических интересов, сколько основано на вовлечении людей в протестные катаклизмы и революционные процессы по ментальным сопричастиям и культурно-антропологическим сопряжениям.

Понимание социально-политических переворотов и протестных движений рубежа тысячелетий в качестве субкультурных, технологических переворотов и квазиреволюций позволяет нам понять как негативные (политтехнологические манипуляции и мифологизация сознания, авантюризм псевдолидеров и паразитизм старых и новых элит), так и положительные (повышении реального, социально-политического и аксиологического уровня демократии, свободы, равенства, социальной справедливости и солидарности) стороны этих социокультурных трансформаций. Вполне закономерным стало и наше обращение к концептуальной связке городских сообществ и субкультурных сообществ, применение нами концепта «субкультурные революции» для характеристики социальных протестов и движений последних десятилетий.

Социальные протесты происходили и происходят в основном в столичных центрах и крупных индустриальных городах, поэтому тематика роли городских сообществ и субкультурных протестов в сетях гражданского общества современной России приобретает особую проблемную – практическую и теоретическую – актуальность, содержит в своём

решении возможность понимания социальных и человеческих смыслов современных катаклизмов. Человеку, инкорпорированному в многочисленные субсообщества, свойственно представление о себе как об уникальном индивиде и вместе с тем он идентифицирует себя на пересечении сразу нескольких сообществ, ассоциаций и коллективов. На уровне индивида возникают противоречия между личностной, социально-политической, этнокультурной и цивилизационной идентичностью.

Основная научная проблема в этой области: междисциплинарное и мультидисциплинарное исследование противоречий между запросами гражданского общества на социальную справедливость, самоуправление, вертикальную и горизонтальную мобильность и невозможностью реализовать данные потребности в условиях устаревших политических структур представительской демократии, отражающей по-прежнему интересы частного капитала и государственной бюрократии. Решение данной проблемы предполагает теоретическую концептуализацию социокультурной и типологической специфики культурно-антропологических и социально-политических практик и технологий современных социальных протестов городских сообществ в качестве субкультурных, порождающих конфликты на региональном и федеральном уровнях.

Природа и формы социальных протестов, государственно-политических переворотов и революционных конфликтов в мире и России конца XX – начала XXI века требуют новых определений, концептуальных, теоретических и практических подходов. Сам дискурс социальных субкультурных протестов и революций «поздней современности» предполагает разработку методологических, теоретических и практико-профилактических технологий и стратегий описания и интерпретации данных феноменов, требует сопряжения в предметно-тематической области исследования и в практической работе проблематики конкретно-исторического и актуального, глобального и конкретно-индивидуального, регионального и индивидуально-частного, относящегося к миру повседневности человека в городских сообществах и субкультурах, что и было частично реализовано авторами в ранее выполненных исследованиях.

Список литературы

1. Арндт Х. 2017. *Vita Activa, или О деятельной жизни*. М., Ад Маргинем, 416 с.
2. Вебер М. 1994. *Избранное. Образ общества*. М., Юрист, 704 с.
3. Вирт Л. 2016. *Урбанизм как образ жизни*. М., Strelka Press, 108 с.
4. Джекобс Дж. 2019. *Смерть и жизнь больших американских городов*. М., Новое издательство, 512 с.
5. Парк Р.Э. 2006. *Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок*. Пер. с англ. Вл. Николаев. *Социологическое обозрение*, 3 5(1): 11–18 (Park R.E. *The Urban Community as a Spatial Pattern and a Moral Order* // Park R.E. *Human Communities. The City and Human Ecology*. Glencoe, Ill.: The Free Press, 1952. P. 165–177.)
6. Уорнер У. 2000. *Живые и мертвые*. М., Университетская книга, 671 с.
7. Щепанская Т.Б. 2004. *Система: тексты и традиции субкультуры*. М., ОГИ, 419 с.
8. Anderson N. 1999. *Hobos and Homelessness (Heritage of Sociology Series)*. University of Chicago Press, 310 p.
9. Burgess E.W. 1924. *Introduction to the Science of Sociology*. London, Greenwood Press, 1063 p.
10. Clark K.B. 1989. *Dark Ghetto: Dilemmas of Social Power* Wesleyan. Wesleyan University Press, 296 p.
11. Colson E. 1988. *For Prayer and Profit: The Ritual Economic and Social Importance of Beer in Gwembe District*. Stanford University Press, 147 p.

12. Holston J. 1991. The Misrule of Law: Land and Usurpation in Brazil. *Comparative Studies in Society and History*, 33 (4): 695–725.
13. Lynd R.S., Lynd H.M. 2000. Middletown: A study in American culture. Harcourt Brace Javanovich, 549 p.
14. Mitchell J. Clyde 1983. *Cities, Society, and Social Perception*. A Clarendon Press Publication. Clarendon Press, 358 p.
15. Tilly C., Blockmans W. 1994. *Cities and the Rise of States in Europe, A.d. 1000 To 1800*. Wesview Press, 290 p.
16. Wilson W.J. 2006. *Good Kids from Bad Neighborhoods* New York. Cambridge University Press, 242 p.

References

1. Arendt H. 2017. *Vita Activa, ili O deyatel'noi zhizni*. [Vita Activa, or About active life]. M., Publ. Ad Marginem, 416 p.
2. Veber M. 1994. *Izbrannoe. Obraz obshchestva*. [Favourites. The image of society]. M., Publ. Yurist, 704 p.
3. Virt L. 2016. *Urbanizm kak obraz zhizni*. [Urbanism as a way of life]. M., Publ. Strelka Press, 108 h.
4. Dzhekobs Dzh. 2019. *Smert' i zhizn' bol'shikh amerikanskikh gorodov*. [The death and life of big American cities]. M., Publ. Novoe izdatel'stvo, 512 p.
5. Park R.E. 2006. *Gorodskoe soobshchestvo kak prostranstvennaya konfiguratsiya i moral'nyy poryadok*. [Urban community as a spatial configuration and a moral order]. Translated from the English by V. Nikolaev. *Russian Sociological Review*, 3: 11–18. (Park R.E. *The Urban Community as a Spatial Pattern and a Moral Order* // Park R.E. *Human Communities. The City and Human Ecology*. Glencoe, Ill.: The Free Press, 1952. P. 165–177.)
6. Uorner U. 2000. *Zhivye i mertvye*. [The living and the dead]. M., Publ. Universitetskaya kniga, 671 p.
7. Schepanskaya T.B. 2004. *System: texts and traditions of subculture*. M., Publ. OGI, 419 p.
8. Anderson N. 1999. *Hobos and Homelessness (Heritage of Sociology Series)*. Publ. University of Chicago Press, 310 p.
9. Burgess E.W. 1924. *Introduction to the Science of Sociology*. London, Publ. Greenwood Press, 1063 p.
10. Clark K.B. 1989. *Dark Ghetto: Dilemmas of Social Power* Wesleyan. Publ. Wesleyan University Press, 296 p.
11. Colson E. 1988. *For Prayer and Profit: The Ritual Economic and Social Importance of Beer in Gwembe District*. Publ. Stanford University Press, 147 p.
12. Holston J. 1991. The Misrule of Law: Land and Usurpation in Brazil. *Comparative Studies in Society and History*, 33 (4): 695–725.
13. Lynd R.S., Lynd H.M. 2000. *Middletown: A study in American culture*. Publ. Harcourt Brace Javanovich, 549 p.
14. Mitchell J. Clyde 1983. *Cities, Society, and Social Perception*. A Clarendon Press Publication. Clarendon Press, 358 p.
15. Tilly C., Blockmans W. 1994. *Cities and the Rise of States In Europe, A.d. 1000 To 1800*. Publ. Wesview Press, 290 p.
16. Wilson W.J. 2006. *Good Kids from Bad Neighborhoods* New York. Publ. Cambridge University Press, 242 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Анисимов Никита Олегович, специалист НОЦ «Социокультурные и интеллектуальные технологии», аспирант кафедры философии, культурологии, науковедения Белгородского государственного института искусств и культуры, г. Белгород, Россия

Римская Ольга Николаевна, кандидат философских наук, доцент, директор НОЦ «Социокультурные и интеллектуальные технологии» Белгородского государственного института искусств и культуры, г. Белгород, Россия

Олещенко Екатерина Олеговна, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Белгородский юридического института МВД РФ им. И.Д. Путилина, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Nikita O. Anisimov, Expert in Sociocultural and Intellectual Technologies, PhD student at the Department of Philosophy, Cultural Studies and Science, Belgorod State Institute of Arts and Culture, Belgorod, Russia

Olga N. Rimskaya, Candidate of Philosophy Sciences, Associate Professor. Director of the NOC "Sociocultural and Intellectual Technologies" Belgorod state Institute of arts and culture, Belgorod, Russia

Ekaterina O. Oleshchenko, PhD in Philosophy, Senior Lecturer of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines, I.D. Putilin Belgorod Institute of Law of the Ministry of Internal Affairs of the Russia, Belgorod, Russia

УДК 316.77

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-4-782-784

История благотворительности в г. Белгороде как форма социально-правовой конъюнкции

¹ Кистенев В.В., ² Посохова Я.В.

¹ Белгородский государственный институт искусств и культуры,
Россия, 308033, г. Белгород, ул. Королева, 7

² Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Россия, 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1
E-mail: kisvita@mail.ru; natalina_76@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены исторические аспекты социального партнерства таких общественных субъектов, как государство, религиозные и благотворительные организации. Выделен пример «вмещающей» социальной сущности – феномена благотворительности, являющейся ядром социальной конъюнкции. Показано, что в сфере общественных отношений зафиксированные «конъюнктивные эффекты» выступают как результат практик консолидации в ответ на кризисные проявления, возникающие в социуме.

Ключевые слова: город, социальные субъекты, благотворительность, социально-правовая конъюнкция.

Для цитирования: Кистенев В.В., Посохова Я.В. 2021. История благотворительности в г. Белгороде как форма социально-правовой конъюнкции. NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право, 46 (4): 782–784. DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-4-782-784

The History of Charity in Belgorod as a Form of Social and Legal Conjunction

¹Vitaliy V. Kistenev, ²Yana V. Posohova

¹ Belgorod State Institute of Arts and Culture,
7 Koroleva St, Belgorod 308033, Russian Federation

²Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory St, Moscow 119991, Russian Federation
E-mail: kisvita@mail.ru; natalina_76@mail.ru

Abstract. The historical aspects of social partnership of such public entities as the state, religious and charitable organizations are considered. An example of the "enclosing" social essence is highlighted – the phenomenon of charity, which is the core of the social conjunction. It is shown that in the sphere of public relations, the recorded "conjunctive effects" appear as a result of consolidation practices in response to crisis manifestations that arise in society.

Key words: city, social subjects, charity, social and legal situation.

For citation: Kistenev V.V., Posohova Ya.V. 2020. The History of Charity in Belgorod as a Form of Social and Legal Conjunction. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 46 (4): 782–784 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-4-782-784

Сегодня благотворительность как социально-правовое явление приобретает новые формы, смыслы и трансформации. Из-за складывающегося общественного расслоения в России вопросы адресной помощи нуждающимся стоят в повестке дня остро и требуют не только государственного, но и негосударственного (благотворительные организации в частности) участия. Деятельность меценатов, некоммерческих организаций и различных фондов традиционно выступает публичным инструментом смягчения нарастающей напряженности в социуме. В свете вышесказанного актуально определение их места и роли в современной Российской действительности. Не вызывает сомнения необходимость исследования партнерства между социальными субъектами – государственными, религиозными и благотворительными организациями. Анализ накопленного исторического опыта благотворительной деятельности – нетривиальная теоретическая и практическая проблема современного научного знания.

Одним из примеров «вмещающей» социальной сущности, являющейся ядром социальной конъюнкции, на наш взгляд, является «благотворение» на Белгородчине. Следует отметить, что в рассматриваемой сфере общественных отношений зафиксированные «конъюнктивные эффекты» выступают как результат практик консолидации.

Рассматривая исторический аспект, необходимо отметить, что на Белгородской земле проявились многочисленные примеры безвозмездной помощи нуждающимся людям при монастырях и приходах Русской православной церкви. Своими трудами и подвигами прославил ее святитель Иоасаф, причисленный впоследствии к лику святых.

Государство в лице Петра I попыталось в первой четверти XVIII века систематизировать социально-правовую составляющую дела призрения, то есть придать совершенно иной статус, отдав часть функций благотворительности светским органам власти в правительстве и общественных управлениях. Петр Алексеевич сам жертвовал большие суммы на благотворительность: так, памятником пребывания царя в Белгороде стал Успенско-Николаевский собор, на строительство которого Петр I передал сто рублей. Екатерина II осознавала благотворительность как компонент политики «просвещенного абсолютизма». В XIX веке возникает Человеколюбивое общество, целью которого являлась помощь нуждающимся в стране. Государство таким образом привлекало внимание общественности к благотворительной деятельности.

Частные благотворители оказывали помощь, финансируя проекты строительства и содержания больниц, приютов, богаделен, оказания помощи сиротам, военным и членам их семей. Так, в г. Белгороде известны фамилии Чумичевых, Юсуповых, Харитоненко, графини С.В. Паниной и других.

В качестве примера уместно привести исторические данные о благотворительной помощи белгородцев в период войны 1812 года. Так, в фонд обороны Отечества земляками было внесено порядка двенадцати тысяч рублей, а один из богатых местных помещиков Хорват пожертвовал пятьсот рублей.

Необходимо подчеркнуть, что наиболее яркие проявления благотворительной помощи возникали в российском социуме в период острых социальных кризисов: войн, массовых болезней, голода. Общество как сложная, открытая и многоуровневая система, в основе которой лежит коллективная деятельность людей, пытается компенсировать возникающие лакуны, включаются компоненты некой саморегуляции. Возможность и глубина данных явлений, с нашей точки зрения, является прямым следствием развития морально-нравственного и духовного потенциала народа. Генерируются такие конструкты, как «солидарность», «справедливость», «сочувствие», «бескорыстие», «причастность», «ответственность», «объединение».

В XXI веке феномен благотворительности насыщается новыми формами: социальные сети, сбор средств нуждающимся по телефону или посредством Интернета. Образуются точки неопределенности в методах организации общественной жизни, роли субъект-объектных социальных отношений и разработки критериев для реализации человеческих

потребностей в обществе. Возникает необходимость интегрирования третьего сектора экономики в область социальной политики в качестве поддерживающей и стабилизирующей силы, что вызывает потребность в современной организационно-правовой основе. Происходит постоянный рост числа негосударственных некоммерческих организаций, в том числе благотворительных, что требует координации их деятельности и контроля.

Так в г. Белгороде весомая роль принадлежит организациям, которые осуществляют благотворительную деятельность в культурной, просветительской, социально-экономической, научно-образовательной и других сферах жизни общества, опирающихся на сложившийся исторический опыт – как форму социально-правовой конъюнкции.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кистенев Виталий Валентинович, кандидат исторических наук, доцент кафедры общетеоретических и гуманитарных дисциплин Белгородского государственного института искусств и культуры, г. Белгород, Россия

Посохова Яна Витальевна, студент IV курса юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vitaliy V. Kistenev, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of General Theoretical and Humanitarian Disciplines of the Belgorod State Institute of Arts and Culture, Belgorod.

Yana V. Posohova, IV-year student of the Faculty of Law of the Lomonosov Moscow State University, Moscow

УДК 316.7

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-4-785-789

Цифровые топосы: локализация практик консолидации горожан

Кожемякин Е.А.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, д. 85
E-mail: kozhemyakin@bsu.edu.ru

Аннотация. Рассмотрены трансформации в практиках консолидации горожан в контексте развития мобильной цифровой коммуникации. Автор использует концепт «цифровой топос» для обозначения новых мест, в которых локализованы современные практики взаимодействия и консолидации жителей города. Группы в социальных сетях и групповые чаты в мессенджерах фактически становятся новыми топосами, включенными в сетевые механизмы формирования и поддержки городских идентичностей, а также принятия решений в локальных сообществах. Автор приходит к выводу, что локализация сообществ происходит сегодня не столько по функционально-пространственному, сколько по коммуникационному принципу.

Ключевые слова: консолидация горожан, цифровой топос, мессенджеры, мобильная коммуникация, цифровая коммуникация, практики взаимодействия.

Для цитирования: Кожемякин Е.А. 2021. Цифровые топосы: локализация практик консолидации горожан. NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право, 46(4): 785–789. DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-4-785-789

Digital Topoi: Localizing the Consolidation Practices of Citizens

Evgeny A. Kozhemyakin

Belgorod National Research University
85 Pobedy St, Belgorod 308015, Russian Federation
e-mail: kozhemyakin@bsu.edu.ru

Annotation. The paper discusses the transforming practices of citizens' consolidation in terms of mobile digital communication. Participating in informational interaction with means of messengers, even with goals of phatic communication, is the crucial practice of consolidation of citizens in the XXI century. The author implies the conception of "digital topos" to indicate the new "places" where contemporary interaction practices and consolidations are localized. Nowadays, the localization of communities bases on rather communicational than functional and spatial principle. Moreover, the physical presence of individuals at a location and functional participation in activities does not guarantee the position of an active participant of group processes and consolidating involvement. The social media groups and collective chats in messengers are the emerging topoi integrated into the net mechanisms of constructing and supporting the citizens' identities and making decisions. The paper concludes that the localization of communities is based rather on communicational than functional and spatial principle.

Key words: consolidation of citizens, digital topos, messengers, mobile communication, digital communication, interactional practices.

For citation: Kozhemyakin E.A. 2021. Digital Topoi: Localizing the Consolidation Practices of Citizens. NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 46(4): 785–789 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-4-785-789

Концепция общества как коммуникации [Луман, 1995] получает особое подтверждение и развитие в условиях экспансии мобильной цифровой коммуникации и её возрастающей роли в практиках консолидации и идентификации горожан. Общество как коммуникация основано на взаимообращении трех ключевых элементов – информации, сообщении и понимании, правила которых устанавливаются внутри системы. Применительно к коммуникативным исследованиям города, городского пространства и практик взаимодействия горожан плодотворной представляется идея Лумана о коммуникациях (а не индивидах) как элементарных единицах общества.

В этом смысле город представляет собой сложную систему коммуникации, включающую в себя множество кластеров, единство и условная/относительная автономность которых определяется их способностью описывать себя в системе некоторых параметров (профессий, местоположения, функциональных пространственных зон и т.п.) и дифференцировать себя как целое по отношению к гетерогенному внешнему окружению. Жители города по определению вовлечены в различные городские коммуникационные кластеры, которые, как правило, локализованы по пространственному признаку: месту проживания, месту работы, месту учебы, месту регулярных покупок, месту прогулок и т.п. В традиционной (доцифровой/нецифровой) модели городской коммуникации эти локации выступают в качестве своего рода идентификационного триггера микросообществ, топоса городских идентичностей (см., например, [Байжанова, 2020; Николаева, Троицкая, 2020; Сорокина, Петрулевич, 2020; Мирошниченко, Морозова, 2017; Туркина 2019]). Традиционная консолидация горожан происходила всегда преимущественно относительно подобных локаций/зон. Взаимодействие предполагало пространственное нахождение группы людей в определенном пространстве, маркированном функционально. При этом понятие пространства в работах авторов часто используется расширительно, не будучи редуцированным исключительно к физическим/ географическим локациям. Как пишет В.Г. Туркина, «применительно к городу следует ввести многоуровневые смыслы понятия "пространства". Это и физическое, и географическое, и топологическое, и социальное, и культурное пространства. Если говорить о пространстве города, то уместно вспомнить и об аристотелевском понимании пространства как места и вместилища разнообразных объектов, и о пространстве как порядке существования всего данного или являемого в чувственном восприятии (Лейбниц), и о пространстве как насквозь организованной реальности со своей собственной системой координат...» [Туркина, 2009, с. 73]. Очевидно, что городские пространства приобретают ещё менее физически размерный и более нетривиальный характер в условиях цифровизации коммуникативных практик.

Уточним, что речь идет не только, а сегодня и не столько о местах локализации самих технологий (хотя и они существенно влияют на тип и характер коммуникации и консолидации горожан), сколько о появлении нового вида топоса – цифрового, то есть существующего не в физической/географической реальности, а в пространстве дигитально, технически опосредованной коммуникации. Индивиды могут находиться и находятся не только в геолокации города, но и в «ненаблюдаемых» коммуникационных зонах – чатах, беседах и группах социальных сетей. Подчеркнём, что мы не склонны гиперболизировать виртуальный характер подобного рода топосов. Напротив, прагматика включения индивидов в цифровые топосы позволяет судить о скорее гиперреальном, а не виртуальном статусе подобных локаций.

Итак, цифровизация коммуникативных практик, экспансия средств мобильной цифровой коммуникации и использование их не столько как инструментов, расширяющих наши возможности, сколько как обязательных и неизбежных ресурсов коммуникации привели к девальвации физического пространства как точки консолидации. Для решения

текущих проблем индивиды повсеместно используют мессенджеры и другие средства мобильной коммуникации, позволяющие им создавать микрогруппы для взаимодействия.

Чаты и беседы в Viber, WhatsApp, FB Messenger позволяют оперативно и с высокой прагматической эффективностью участвовать в обсуждении проблем различным социальным агентам – сотрудникам структурных подразделений организаций, родителям одноклассников, жителям одного микрорайона, посетителям фитнес-клуба, клиентам агентств и компаний и т.д. Они фактически становятся цифровыми топосами, объединяющими индивидов в группы с присущими им атрибутами деятельности: в видеочатах проходят заседания университетской кафедры, в беседах – обсуждения производственных процессов в компании, в группе социального медиа – принятие жителями района решения о заключении договоров с управляющей компанией и т.п.

Участвовать в беседе и состоять в чате означает быть включенным в сообщество, а индивиды, номинально принадлежащие к той или иной группе, но не включенные в чаты её участников, фактически могут быть исключены из важных коммуникационных процессов – они являются менее осведомленными о положении дел и процессах, протекающих в группе, они могут не участвовать в некоторых коммуникативных практиках принятия решений, в символических процессах определения ситуаций и т.п. Иными словами, физическое нахождение в локации и функциональное участие в деятельности сообщества (профессионального, комьюнити жителей, родителей школьников и т.п.) уже не гарантирует статус активного участника групповых процессов и вовлеченности в процессы консолидации. И напротив, физическое «неприсутствие» не является теперь препятствием для консолидации членов группы, поскольку важным для нее является именно коммуникационная, а не физическая пространственная локализация индивидов. Для горожан цифровой эпохи важнее (в функциональном и институциональном аспектах) состоять в коммуникационном сообществе в формате чата в WhatsApp, нежели присутствовать в месте, ассоциируемом с деятельностью сообщества. Эти признаки цифровых коммуникационных площадок в сочетании с их технологическими параметрами (возможность хранения информации, мультимодальный характер сообщений, сиюминутность и simultанность, доступность и управляемость) делают их социальными локациями нового порядка, в которых решаются традиционные задачи социальной деятельности с помощью новых коммуникационных ресурсов.

Эти ресурсы в известной степени меняют онтологию и прагматику социального взаимодействия.

Во-первых, в цифровых топосах консолидация индивидов происходит при условии не телесного, физического присутствия, а коммуникативного участия. Это означает, что консолидирующие практики предполагают больший (по сравнению с доцифровым/нецифровым форматом взаимодействия) уровень кодификации. В условиях цифровизации социальной жизни «просто присутствовать» или «находиться здесь» не достаточно для взаимодействия и идентичности; необходимо коммуницировать, а значит – быть включённым в практики кодификации/семиозиса в гораздо большей степени, чем в случае с «некодифицированной телесностью».

Во-вторых, цифровые топосы предполагают трансформацию темпоральных параметров коммуникации: взаимодействие в чатах и беседах предполагает быстрый, но дискретный характер коммуникации, а значит требует от участников оперативного реагирования на сообщения, причем нарушение этого ожидания может повлечь исключение коммуниканта из важных для сообщества процессов и решений. Это обстоятельство, по всей видимости, указывает на изменение одного из базовых принципов коммуникационной кооперации – равного участия в принятии решений. Темпоральный порядок «цифровых то-

посов» предполагает, что если в момент обсуждения кто-то из участников не принял участия в дискуссии (не передал сообщение или не отреагировал на сообщения других), то некоторое время спустя он уже не сможет воспользоваться этим правом или его использование окажется абсолютно не эффективным.

В то же время цифровые топосы, консолидирующие индивидов, обладают преимущественно традиционным инструментарием поддержки локальной идентичности: они используют особый лексикод, характерный для сообщества, символы идентичности (включая, например, локальные мемы, шутки и образы), локализованный контент (темы коммуникации и информацию, понятные и близкие участникам сообщества), практики включения в группу и исключения из неё – все эти инструменты характерны и для доцифровых/нецифровых городских сообществ и направлены на повышение вовлеченности индивидов в сообщество и поддержку локальной идентичности.

Итак, активное включение горожан в практики цифровой мобильной коммуникации приводят к появлению новых «мест сборки» сообществ – цифровых топосов, консолидирующих индивидов на основании не столько участия в деятельности и пространственной локализации, сколько участия в коммуникации. Участвовать в информационном взаимодействии с помощью мессенджеров, состоять в коммуникативной группе, участвовать в коммуникации – даже фатической – это является для горожан XXI века существенными практиками консолидации, а локализация сообществ происходит сегодня не столько по функционально-пространственному, сколько по коммуникационному принципу.

Список литературы

1. Байжанова Г. А. 2020. Пространственная самоорганизация населения крупных городов: социокультурный аспект. *Universum: общественные науки*, 3 (63): 4–6. URL: <https://7universum.com/ru/social/archive/item/9184> (дата обращения: 4.01.2021).
2. Луман Н. 1995. Что такое коммуникация? *Социологический журнал*, 3: 114–124.
3. Мирошниченко И.В. Морозова Е.В. 2017. Сетевые механизмы формирования идентичностей. *Государство и граждане в электронной среде*, 1: 216–228. DOI: 10.17586/2541-979X-2017-1-216-228
4. Николаева Ж.В. Троицкая А.А. 2020. Дискурс об идентичности как способ осмысления городского пространства. *Журнал Фронтирных Исследований*, 5 (1(17)): 11–28.
5. Сорокина Т.Е., Петрулевич И.А. 2020. Семиозис концептуальной оппозиции «свой – чужой» в культурном коде города. *Гуманитарные и социально-экономические науки*, 6 (115): 27–31. DOI: 10.18522/1997-2377-2020-115-6-27-31
6. Туркина В.Г. 2009. Город как «топос». *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право*, 2 (57): 73–79.

References

1. Bayzhanova G.A. 2020. Spatial self-organization of the population of large cities: socio-cultural aspect. *Universum: obshchestvennye nauki*, 3(63): 4–6 (in Russian). URL: <https://7universum.com/ru/social/archive/item/9184> (дата обращения: 4.01.2021).
2. Luhmann N. 1995. Chto takoe kommunikatsiya? [What is communication?]. *Sociological Research*, 3: 114–124.
3. Miroshnichenko I. V. Morozova E.V. 2017. Setevye mekhanizmy formirovaniya identichnostei. [Network mechanisms of identity formation]. *Gosudarstvo i grazhdane v ehlektronnoi srede*, 1: 216–228.
4. Nikolaeva Zh.V. Troitskaya A.A. 2020. Discourse on Identity As a Way of Understanding Urban space. *Journal of Frontier Studies*, 5 (1(17)): 11–28 (in Russian).

5. Sorokina T., Petrulevich I. 2020. Semiosis of the Conceptual Opposition "Friend – Foe" in the Cultural Code of the City. *Gumanitarnye i sotsial'no-ehkonomicheskie nauki*, 6 (115): 27–31 (in Russian). DOI: 10.18522/1997-2377-2020-115-6-27-31

6. Turkina V.G. 2009. The city as a “topos”. *Belgorod State University Scientific bulletin. Scientific bulletin Philosophy Sociology Law*, 2(57): 73–79 (in Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кожемякин Евгений Александрович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой коммуникативистики, рекламы и связей с общественностью Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgeny A. Kozhemyakin, doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Communication Studies, Advertising and Public Relations of the Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

УДК 316.422.42

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-4-790-793

Дигитализация образовательного пространства вуза: ДИЗЬЮНКЦИЯ ВМЕСТО ИНТЕГРАЦИИ

Серкина Я.И.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Россия, г. Белгород, ул. Победы, д. 85
E-mail: serkina_ya@bsu.edu.ru

Аннотация. Проанализирована специфика дигитализации образовательного пространства вуза, как процесса внедрения в систему высшего образования современных информационных технологий, ведущего к качественному изменению образовательной среды посредством придания ей техноантропогенного характера и изменения поведенческих паттернов акторов. Сделан вывод о том, что в современных российских условиях дигитализация, которая могла бы усилить уровень интегрированности элементов образовательного пространства, вследствие непоследовательности ее реализации наращивает его дискретность и стимулирует противоречия и латентные конфликты.

Ключевые слова: образование, высшее учебное заведение, образовательное пространство, концепция дигитализации

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00150.

Для цитирования: Серкина Я.И. 2021. Региональное образовательное пространство в контексте дигитализации. NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право, 46 (4): 790–793. DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-4-790-793

Digitalization of the University's Educational Space: Disjunction Instead of Integration

Yana I. Serkina

Belgorod National Research University
85 Pobeda St, Belgorod 308015, Russian Federation
E-mail: serkina_ya@bsu.edu.ru

Annotation. The article analyzes the specifics of digitalization of the educational space of the university as a process of introducing modern information technologies into the higher education system, leading to a qualitative change in the educational environment, by giving it a technoanthropogenic character and changing the behavioral patterns of actors. The conclusion is substantiated that in modern Russian conditions, digitalization, which could increase the level of integration of the elements of the educational space, due to the inconsistency of its implementation, increases its discreteness and stimulates contradictions and latent conflicts.

Keywords: education, higher educational institution, educational space, regional university, the concept of digitalization

Acknowledgements: the research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 21-18-00150.

For citation: Serkina Ya.I. 2021. Digitalization of the University's Educational Space: Disjunction Instead of Integration. NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 46(4): 793–796 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-4-790-793

Характерной и принципиально важной особенностью современной социальной реальности является массовое внедрение информационно-коммуникационных технологий. По мнению М.Г. Деягина, оно «кардинально меняет процесс принятия решений далеко за пределами их непосредственного воздействия, заставляя людей и коллективы действовать в условиях крайне агрессивной информационной среды» [Деягин, 2000]. Изменения нередко оказываются настолько неожиданными, что социально-гуманитарные науки зачастую оказываются не готовыми ответить на формируемые ими вызовы. К числу таких вызовов, по мнению О.Н. Яницкого, относится дигитализация. Изначально она рассматривалась в качестве инструмента для облегчения течения социальных процессов, но постепенно превратилась в способ существования социальности. Внедрение и навязчивое использование ограниченного количества «компетенций» и «протоколов» быстро вытеснило из социальных исследований и социальной практики разнообразие социальных процессов. И, как следствие, сложилось противоречие между множественными конкретными ситуациями, возникающими в обществе, и ограниченным списком мероприятий, рассматриваемых как реакция на эти ситуации. «В этом случае научная рефлексия, практическое осмысление и самоорганизация двустороннего процесса исследования – решение замещается выбором из некоторого набора готовых приёмов принятия решений» [Яницкий, 2018].

Одним из следствий своего рода запаздывания ответа на комплекс проблем, обусловленных цифровизацией и дигитализацией общества, является отсутствие единой устоявшейся концепции данного процесса в различных сферах, в том числе и в образовании, несмотря на то, что он все более определяет развитие образовательных пространств различных уровней, представляющих «совокупность образовательных систем, каждой из которых в его рамках отводится определенное место, организуемое по образу и подобию государственного устройства» [Сериков, 1997].

Процесс формирования образовательного пространства структурирован и реализуется на нескольких иерархических уровнях: федеральном (общегосударственном), региональном (уровень субъектов РФ), образовательного учреждения и его подразделений. Региональное образовательное пространство занимает в этом ряду «срединное положение», более или менее органично соединяя в своем развитии тенденции, характерные для федерального уровня и для отдельных учреждений. Эта интегрирующая (консолидирующая) функция, казалось бы, вполне очевидная, реализуется крайне непоследовательно и противоречиво. И дигитализация во многих аспектах только усиливает эту противоречивость. Представляя собой процесс внедрения в систему высшего образования современных информационных технологий, ведущий к качественному изменению образовательного пространства посредством придания ему техноантропогенного характера и изменения поведенческих паттернов акторов, дигитализация, на первый взгляд, должна наращивать интегративные качества образовательной системы. И это во многих отношениях имеет место, что выражается в унификации требований и критериев оценки, регламентации процессов, оптимизации каналов коммуникаций. Однако практики внедрения цифровых технологий нередко ведут к появлению противоположных, дизъюнктивных по своей сути эффектов.

Во-первых, они сопровождаются не только постоянными корректировками основных нормативных документов, регулирующих процесс дигитализации образования, но изменением целей, задач, планируемых результатов, технологий реализации образовательного процесса, параметров взаимодействия акторов образовательной среды, критериев и инструментов оценки качества. Значительно меняются представления о функциях высшего образования. Нельзя не учитывать, что цифровые инновации в системе образования входят в противоречие со многими традиционными элементами этой системы, что требует непростого для субъекта познания переосмысления, казалось бы, устоявшихся представлений.

Во-вторых, по своему содержанию дигитализация системы образования – это внутренне структурированный многообразный процесс, включающий в себя множество эле-

ментов, форм проявления. В данном случае всегда существует вероятность абсолютизировать какую-то из его сторон, превратив ее в главный критерий оценки деятельности, что, в сущности, и имеет место на практике. Обычно это чисто формальные показатели, якобы прекрасно укладывающиеся в логику «цифрового мировосприятия», но не адекватные сути образовательного процесса как процесса воспроизводства культуры специфическими способами обучения, образования и воспитания. Формализованный подход не может не вызывать негативную реакцию значительной части работников и фактически раскалывает образовательные коллективы, которые лишь в силу особенностей организации институтов образования (высокого уровня социального контроля, ограниченных возможностей рынка труда и свободы выбора) не перерастают в открытые конфликты.

В-третьих, дигитализация, выступая продолжением и развитием процесса внедрения информационных технологий (показательно, что понятие «дигитализация» – digitization, оцифровка – все чаще употребляемое как в научном, так и в общественно-политическом дискурсе, интерпретируется предельно широко и употребляется в одном ряду с близкими по содержанию понятиями «информатизация» и «компьютеризация»), активно создает новую «дополненную» реальность, в которую все более перемещается образовательный процесс. Эта вынужденная «миграция» сопровождается обострением противоречия между жизненным опытом работников и предъявляемыми к ним требованиями, что формирует последовательный ряд ситуаций профессионально-жизненных затруднений и внутриличностных кризисов.

В-четвертых, в ходе дигитализации с неизбежностью обостряется противоречие между ее целями и востребованными для их достижения материально-техническими ресурсами, наблюдается непоследовательность технико-технологической перестройки пространства вуза, поскольку часто цифровые технологии внедряются без необходимой подготовки и идея цифровизации опережает развитие материально-технической базы вуза. Неадекватность ресурсов побуждает акторов образовательного пространства к имитации своей деятельности и продуцированию симулякров, которые переполняют образовательную среду, дезориентируя потребителей ее услуг.

Таким образом, дигитализация образовательного пространства вуза, реализуемая в отсутствии ясной стратегии и административно-бюрократическими методами, порождает множественные противоречия и негативные по своим следствиям риски, зачастую не интегрируя образовательное пространство, но, напротив, внося в него элементы дизъюнкции.

Список литературы

1. Братимов О.В., Горский Ю.М., Делягин М.Г., Коваленко А.А. 2000. Практика глобализации: игры и правила новой эпохи. Москва, ИНФРА-М, 344 с.
2. Яницкий О.Н. 2018. К проблеме модернизации гуманитарного знания. Социологическая наука и социальная практика, 1(21): 7–22. DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2018.6.1.5734>
3. Сериков Г.Н. 1997. Образование: аспекты системы отражения. Курган, Изд-во «Зауралье», 464 с.
4. Лазар М.Г., 2018. Цифровизация общества, ее последствия и контроль над населением. Проблемы деятельности ученого и научных коллективов, 4 (34): 170–181.
5. Горшенина С.Н., Неясова И.А., Серикова Л.А. 2013. Поликультурное образовательное пространство как педагогический феномен. Историческая и социально-образовательная мысль, 6: 64–69.

References

1. Bratimov, O. V., Yu. M. Gorsky, M. G. Delyagin and A. A. Kovalenko, 2000. The practice of globalization: games and rules of the new era. Moscow: INFRA-M, 344 p.
2. Yanitsky O.N. 2018. On Modernization of the Humanities, Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika, 6 (1): 7–22. DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2018.6.1.5734>.

3. Serikov, G.N., 1997. Education: aspects of the reflection system. Kurgan, Publ. Zaural'e, 464 с.
4. Lazar M.G., 2018. Digitalization of Society, its Consequences and Population Control. The Problems of Scientist and Scientific Groups Activity, 4(34): 170–181.
5. Gorshenina S.N., I.A. Neyasova and L. A. Serikova, 2013. Multicultural educational Environment as Teaching Phenomenon. Historicalandsocial-educationalidea, 6 (22): 64–69.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Серкина Яна Игоревна, доцент кафедры менеджмента и маркетинга Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yana I. Serkina, Associate Professor of the Department of Management and Marketing of the Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

УДК 352.07

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-4-794-798

Выбор модели управления городом как фактор консолидации городских сообществ (на примере административных центров регионов Черноземья)

Слатинов В.Б.

Курский государственный университет,
Россия, 305000, г. Курск, ул. Радищева, 33
E-mail: slatinov@yandex.ru

Аннотация. Важными факторами успешной консолидации городских сообществ являются высокий уровень легитимности системы управления, а также вовлеченность граждан в процесс формирования и ротации исполнительной власти города. Несколько волн муниципальных реформ в России с начала 2000-х годов сформировали тенденцию к встраиванию местного самоуправления в вертикаль власти. В управлении региональными столицами областей Центрального Черноземья доминируют модели, в которых исполнительная власть города формируется при деятельном участии исполнительной власти субъекта Федерации и доминирующих групп интересов. Отчужденность горожан от процесса формирования исполнительных структур городской власти препятствует усилиям по социальной консолидации местных сообществ.

Ключевые слова: управление городом, мэр, выборы, губернатор, публичная власть, консолидация.

Для цитирования: Слатинов В.Б. 2021. Выбор модели управления городом как фактор консолидации городских сообществ (на примере административных центров регионов Черноземья). NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право, 46 (4): 794–798. DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-4-794-798

The Choice of a City Management Model as a Factor of Consolidation of Urban Communities (on the Example of the Administrative Centers of the Chernozem Regions)

Vladimir B. Slatinov

Kursk State University,
33 Radishcheva St, Kursk 305000, Russian Federation
E-mail: slatinov@yandex.ru

Annotation. Important factors for the successful consolidation of urban communities are the high level of legitimacy of the management system, as well as the involvement of citizens in the process of formation and rotation of the executive power of the city. Several waves of municipal reforms in Russia since the beginning of the 2000s have formed a tendency to embed local self-government in the "vertical of power". The management of the regional capitals of the regions of the Central Chernozem region is dominated by models in which the executive power of the city is formed with the active participation of the executive power of the subject of the Federation and the dominant interest groups. The alienation of

citizens from the process of forming executive structures of the city government hinders efforts to consolidate local communities socially.

Keywords: city management, mayor, elections, governor, public power, consolidation.

For citation: Slatinov V.B. 2021. The Choice of a City Management Model as a Factor of Consolidation of Urban Communities (on the Example of the Administrative Centers of the Chernozem Regions). NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 46(4): 794–798 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-4-794-798

Анализ и активное публичное обсуждение проблем социальной консолидации городских сообществ сегодня протекают не только в условиях масштабных изменений социальной структуры современных городов, включая углубление ее этнической, имущественной и культурной дифференциации [Бабинцев, 2016, с. 47], но и в ситуации глубоких институциональных изменений в организации местной власти в современной России, ставших следствием нескольких волн муниципальных реформ. Магистральным направлением трансформации института местного самоуправления, начиная с первой половины 2000-х годов, является его встраивание в формирующуюся и укрепляющуюся вертикаль власти [Туровский, 2015, с. 48].

В регионах Центрального Черноземья вертикализация муниципального уровня публичной власти стартовала с начала реализации ФЗ № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ», то есть с 2003 года. На первом этапе из предложенных трех вариантов организации власти в областных центрах макрорегиона распространялась модель с сити-менеджером – на нее в течение 2003–2013 годов перешли Белгород, Курск и Тамбов. После предоставления в 2014 году в рамках малой муниципальной реформы права регионам императивно определять особенности систем управления муниципалитетами, выборность населением глав городов была отменена в Липецкой области. Последним «бастионом» среди чернозёмных региональных столиц, где сохранялись прямые выборы градоначальника населением, оставался Воронеж. Но в декабре 2016 года гордума Воронежа внесла поправки в Устав города, отменив прямые выборы. Таким образом, к началу 2017 года все региональные административные центры областей Центрального Черноземья перешли от модели с выбираемым населением «сильным» (одно лицо занимает позицию главы города и главы администрации) мэром к вариантам, где мэра избирают депутаты [Слатинов, Меркулова, 2017, с. 129].

Как уже отмечалось, организация систем управления региональными столицами с 2003 по 2015 годы насчитывали три варианта, предложенных в 131-ФЗ, среди которых наиболее подходящим для региональной исполнительной власти с точки зрения ее влияния на управление городом и осуществления контроля над исполнительной властью областного центра был вариант с избранием главы города из состава депутатов представительного органа и последующим наймом после конкурсного отбора главы администрации (сити-менеджера). Модель с сити-менеджером позволяла в максимальной мере встроить муниципальную исполнительную власть областного центра в вертикаль через участие представителей областной власти в конкурсной комиссии по отбору кандидатов в главы администрации, а также через депутатское большинство «Единой России» в городском представительном органе. Надо отметить, что в областных центрах регионов Черноземья случаи фрагментации единороссовского большинства, позволяющие отдельным политическим игрокам реализовывать автономные стратегии противодействия креатурам губернаторов, не отмечались. Возможно, это стало фактором широкого распространения в Черноземье феномена «заместителя губернатора по областному центру» – когда на должность

главы администрации региональной столицы направлялся заместитель главы региона – в 2005 году таковым стал Максим Косенков в Тамбове, в 2008 году – Николай Овчаров в Курске, в 2011 и в 2019 году – Сергей Боженков и Юрий Галдун в Белгороде, в 2015 году – Сергей Иванов в Липецке. Ключевая проблема функционирования модели управления городом с сити-менеджером состояла в том, что главой муниципального образования являлся руководитель представительного органа, таким образом глава администрации (он же – креатура губернатора) был отчасти ослаблен с точки зрения полномочий. «Разделенное правление» (между формальным главой города и главой администрации) не проявлялось в случаях с областными центрами Черноземья в конфликтной форме (в других регионах эти проявления наличествовали), однако относительная институциональная слабость главы администрации представляла из себя проблему, которая была решена в 2015 году, когда поправки в 131-ФЗ добавили к трем действующим моделям управления муниципалитетами еще две, в том числе ту, в которой должности главы муниципального образования и главы администрации совмещались, но для должностного лица на подобной статусной позиции более не требовалось избрания населением – оно избиралось депутатами после прохождения конкурсного отбора, как и в случае с сити-менеджером. Так была закреплена модель, где «сильный» мэр избирался не горожанами, а депутатами после прохождения предварительного «фильтра» в лице конкурсной комиссии, половину состава которой назначает высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации.

Указанная модель в максимальной мере удовлетворяет задаче установления политико-административного контроля областной власти за муниципальным уровнем. В системе управления городом появляется фигура с консолидированными властными полномочиями, в отборе которой прямо – через делегированных представителей в отборочную комиссию, и косвенно – через единороссовское большинство в представительном органе – участвует областная исполнительная власть. Неслучайно, именно на эту модель с 2015 года перешли все региональные столицы областей Центрального Черноземья, кроме Белгорода, в котором сохранилась модель с сити-менеджером [Слатинов, Меркулова, 2017, с. 123].

Сложившиеся в административных центрах регионов Черноземья модели городского управления отвечают нескольким базовым требованиям, присущим современной российской политической системе. Во-первых, в них преобладают вертикальный политический контроль и вертикальная подотчетность между городским и региональным уровнями публичной власти. Во-вторых, основными акторами городской политики в такой институциональной конфигурации систем управления городами становятся региональная власть и наиболее влиятельные группы интересов, представленные в депутатском корпусе либо способные повлиять на решения депутатов. Формирование исполнительной власти города полностью находится в руках указанных игроков, к ним же направлена подотчетность мэра и городской администрации.

Констатируя органичную встроенность господствующих в региональных столицах Черноземья моделей управления в общенациональную вертикаль, официальный дискурс утверждает, что переход к выборам глав городов депутатами представительных органов после конкурсного отбора позволяет: (1) обеспечить привлечение на должности мэров профессиональных управленцев, или, по меньшей мере, лиц, соответствующих по своим компетенциям задачам муниципального управления, в то время как выборы глав городов населением создают риски избрания популистов и малокомпетентных политиков; (2) стабилизировать процесс функционирования органов власти городов, уменьшить риски флуктуаций муниципального управления вследствие некомпетентности, популизма либо избыточного влияния заинтересованных групп. Исследования реальных практик функционирования новых моделей управления городами, однако, показывают, что достижение

указанных целей либо не происходит, либо, в лучшем случае, наблюдается эффект «частичных улучшений».

Анализ политико-управленческих результатов внедрения новых моделей управления областными центрами в регионах Черноземья, проведенный нами за 2015–2020 годы, демонстрирует, что носители компетенций в сфере муниципального управления далеко не всегда оказываются на должностях мэров региональных столиц. При этом избрание в 2019 году губернаторами Липецкой и Курской областей представителей так называемой «новой волны» региональных руководителей, сопровождавшееся сменой глав областных центров, укрепило, скорее, противоположную тенденцию – в качестве новых мэров были утверждены: представительница бизнеса, не имевшая опыта публичного управления (Е. Уваркина, Липецк)¹ и профессиональный политик – депутат Государственной Думы (В. Карамышев, Курск)². В городе Тамбов с 2015 года по 2020 год (срок полномочий губернатора Александра Никитина) сменилось три мэра (все они были креатурами главы региона), а на выборах в городскую думу в 2020 году «Единая Россия» потерпела сокрушительное поражение от партии «Родина», региональное отделение которого возглавлял бывший сити-менеджер города Максим Косенков. Губернатор был вынужден пойти на компромисс с региональным отделением «Родины» и его лидером, лично предложив Максиму Косенкову временно возглавить город. При этом претендовать на выборную должность мэра города Косенков не может в связи с имевшейся судимостью, поэтому для его утверждения в статусе градоначальника требуется возвращение для областного центра модели управления с сити-менеджером. Право на изменение порядка формирования органов власти муниципалитетов закреплено за областным парламентом, поэтому между новым временно исполняющим обязанности мэра Тамбова и губернатором региона, очевидно, заключен политический компромисс³. Как видим, наличие «вертикального» порядка формирования и функционирования муниципальной власти в городе Тамбов не исключило политико-управленческих флуктуаций, в которые погрузилась система городского управления.

Отчуждение населения от процесса формирования исполнительной власти города существенным образом затрудняет возможности консолидации городских сообществ, способствует фрагментации городской политико-управленческой среды, в которой обостряются противоречия между влиятельными игроками, имеющими доступ к избранию (назначению) главы исполнительной власти городского округа (областная власть и наиболее влиятельные заинтересованные группы), и остальным населением города. В таких условиях обостряется борьба за формирование и преобразование городского пространства, а также по другим чувствительным проблемам городской политики [Тыканова, 2016. с. 365]. Попытки компенсировать дефицит легитимности исполнительной власти города и отчуждение населения от процессов ее формирования и ротации через развитие механизмов обратной связи посредством использования социальных сетей, а также через вовлечение горожан в выработку и контроль за реализацией городских проектов и программ (включая стратегию городского развития) представляются перспективной, но половинчатой мерой. Предпочтительной траекторией развития местного самоуправления в городах является общая децентрализация полномочий публичной власти, параметров и механиз-

¹ Мэром Липецка избрана Евгения Уваркина. URL: <https://gorod48.ru/news/1842844/> (дата обращения: 15. 06. 2021).

² Новый мэром Курска избран депутат Госдумы Виктор Карамышев. URL: <https://www.rbc.ru/chr/20/06/2019/5d0ba6919a794751117dfcfe> (дата обращения: 15. 06. 2021).

³ Прах А. Александру Никитину придется «Родину» любить. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4492408> (дата обращения: 15. 06. 2021).

мов налогового и бюджетного обеспечения ее уровней, рост автономии местной власти, сохранение вариативности выбора моделей управления в муниципалитетах при доминирующем движении в направлении расширения практик выборов мэров крупных городов. Однако наблюдаемые траектория и характер эволюции системы публичной власти в стране исключают подобный сценарий, по меньшей мере, в краткосрочной перспективе.

Список литературы

1. Бабинцев В.П. 2016. Проблемы консолидации местных сообществ. Вестник института социологии, 2 (17): 46–65. DOI: 10.19181/vis.2016.17.2.396
2. Слатинов В.Б., Меркулова К.Г. 2017. Погружение в «вертикаль»: трансформация статуса и кадрового состава глав административных центров регионов Черноземья в условиях «малой» муниципальной реформы. Среднерусский вестник общественных наук, 5: 122–130. DOI: 10.22394/2071-2367-2017-12-5-122-130
3. Туровский Р.Ф. 2015. Российское местное самоуправление: агент государственной власти в ловушке недофинансирования и гражданской пассивности. Полис. Политические исследования, 2: 35–51. DOI: 10.17976/jpps/2015.02.03
4. Тыканова Е.В. 2016. Консолидация локальных сообществ в ситуации оспаривания городского пространства Санкт-Петербурга. Петербургская социология сегодня, 7: 364–388.

References

1. Babintsev V.P. 2016. The Problems of Consolidation in Local Communities. Bulletin of the Institute of Sociology, 2 (17): 46–65 (in Russian). DOI: 10.19181/vis.2016.17.2.396
2. Slatinov V. B., Merkulova K. G. 2017. Pogruzhenie v «vertikal'»: transformatsiya statusa i kadrovogo sostava glav administrativnykh tsentrov regionov Chernozem'ya v usloviyakh «maloI» munitsipal'noi reformy. [Immersion in the "vertical": transformation of the status and personnel composition of the heads of administrative centers of the Chernozem regions in the conditions of "small" municipal reform]. Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk, 5: 122–130. DOI: 10.22394/2071-2367-2017-12-5-122-130
3. Turovsky R.F. 2015. Russia's Local Self-Government: the Agent of the Government in the Trap of Insufficient Funding and Civil Passivity. POLIS. Political Studies, 2: 35–51 (in Russian). DOI: 10.17976/jpps/2015.02.03
4. Tykanova E.V. 2016. Konsolidatsiya lokal'nykh soobshchestv v situatsii osparivaniya gorodskogo prostranstva Sankt-Peterburga. [Consolidation of local communities in the situation of challenging the urban space of St. Petersburg]. Peterburgskaya sotsiologiya segodnya, 7: 364–388.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Слатинов Владимир Борисович, доктор политических наук, доцент, директор института экономики и управления, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Курского государственного университета, г. Курск, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir B. Slatinov, Doctor of Political Science, Associate Professor, Director of the Institute of Economics and Management, Head of the Department of State and Municipal Administration, Kursk State University, Kursk, Russia

УДК 316.42

DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-4-799-800

Ценностные основания гражданской активности: социологический анализ

Хрипкова Д.В.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85
E-mail: davtyan@bsu.edu.ru

Аннотация. Представлен анализ роли ценностных установок в реализации практик гражданской активности. Отмечено, что в последнее десятилетие уделяется особое внимание изучению влияния социокультурных факторов (ценностей, идей, традиций, религии и т.д.) на общественные процессы и взаимодействия. Под гражданской активностью в рамках исследования понимается деятельность индивидов, социальных групп, институтов гражданского общества по достижению общих для большинства целей, основанная на единстве ценностных установок, взаимном доверии, солидарности и ответственности. Сделан вывод о необходимости поиска источников солидаризации и консолидации в целях преодоления дефицита солидаристских ценностей в современном обществе.

Ключевые слова: ценности, доверие, гражданская активность, солидарность, консолидация, справедливость

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00150.

Для цитирования: Хрипкова Д.В. 2021. Ценностные основания гражданской активности: социологический анализ. NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право, 46 (4): 799–800. DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-4-799-800

The Value Bases of Civic Activity: A Sociological Analysis

Diana V. Khripkova

Belgorod National Research University
85 Pobeda St, Belgorod 308015, Russian Federation
E-mail: davtyan@bsu.edu.ru

Annotation. The article analyzes the role of value attitudes in the implementation of civic engagement practices. It is noted that in modern sociological science, in the last decade, special attention has been paid to the study of the influence of socio-cultural factors (values, ideas, traditions, religion, etc.) on social processes and interactions. Within the framework of the study, civic engagement is understood as the activity of individuals, social groups, and civil society institutions to achieve common goals for most, based on the unity of value attitudes, mutual trust, solidarity and responsibility. As a result of the analysis, it is concluded that it is necessary to search for sources of solidarization and consolidation in order to overcome the deficit of solidaristic values in modern society.

Keywords: values, trust, civic engagement, solidarity, consolidation, justice

Acknowledgements: The research was carried out at the expense of the Russian Science Foundation grant No. 21-18-00150, <https://rscf.ru/project/21-18-00150/>

For citation: Khripkova D.V. 2021. The Value Bases of Civic Activity: A Sociological Analysis. NOMOTNETIKE: Philosophy. Sociology. Law, 46(4): 799–800 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-4-799-800

В последнее десятилетие социологи уделяют особое внимание изучению влияния социокультурных факторов (ценностей, идей, традиций, религии и т.д.) на общественные процессы и взаимодействия. Это обоснованно давней дискуссией о детерминантах поведения человека в обществе и определением того, что первично – материальный (теория рационального выбора) или иррациональный выбор поведения индивида.

Обращение к ценностным основаниям гражданской активности прослеживается у множества современных исследователей. Например, А.Л. Маршак и Л.В. Рожкова отмечают: «В условиях происходящих дезинтеграционных, кризисных процессов меняется структура и иерархия ценностного пространства, происходит утрата единых ценностно-нормативных ориентиров. На первый план выходит проблема консолидации общества. Ценностные ориентации являются важнейшим мотиватором поведения индивидов. Поэтому исследуя динамику ценностей и ценностных ориентаций можно понять глубинные когнитивные процессы и дать прогноз трансформации поведенческих стратегий индивидов» [Маршак, 2020, с. 27].

А.С. Оздиев полагает, что «ценностные ориентации представляют собой социологическую категорию, определяющую устойчивое и социально обусловленное избирательное отношение к объектам как социальным ценностям, которое формируется на основе потребностей и интересов личности. Специфика ценностных ориентаций заключается в том, что, в отличие от всех остальных ценностных категорий, они наиболее тесно связаны с поведением субъекта, обуславливая его поступки и действия. Основной функцией ценностных ориентаций является регулирование как внешней, так и внутренней активности личности» [Оздиев, 2015, с. 141].

Проблема ценностных оснований представляется нам одной из наиболее значимых в исследовании гражданской активности. Обращаясь к термину «гражданская активность», можно подчеркнуть отсутствие у современных исследователей единого понимания относительно его сути и содержания. В исследованиях современных отечественных социологов и политологов гражданская активность понимается в различных аспектах – как процесс, как действие, как личное качество, как гражданская позиция. Множество подходов к интерпретации термина «гражданская активность» приводят к тому, что эмпирические исследования в данной сфере имеют чрезвычайно разнородный характер.

В рамках нашего исследования под гражданской активностью мы будем понимать деятельность индивидов, социальных групп, институтов гражданского общества по достижению общих для большинства целей, основанную на единстве ценностных установок, взаимном доверии, солидарности и ответственности.

Для анализа ценностных оснований гражданской активности обратимся к результатам социологического исследования «Габитус гражданской активности в системе социальных взаимоотношений», проведенного в 2020 году научным коллективом НИУ «БелГУ». В рамках реализации проекта на основе анализа данных массового опроса были обоснованы ключевые тенденции в сфере социальных взаимодействий, взаимоотношений и гражданской активности.

Анализ полученных данных показал, что сегодня детерминирующим фактором отношений в обществе становится социальная разобщенность. Результаты исследования позволили нам констатировать наличие глубокого дефицита консолидирующих ценностей, как результат – граждане не готовы к объединению с другими людьми.

Распределение ответов респондентов относительно доминирующих в обществе ценностей показало, что в обществе преобладают: индивидуализм (83 %), осторожность и осмотрительность (80 %), стремление к богатству (43 %). Разумеется, такие ценности существенно препятствуют включению граждан в социальные взаимосвязи и отношения. Лишь семейно-родственные и дружеские сети признаются подавляющим большинством респондентов в качестве потенциального адресата объединения и обращения за помощью в трудных жизненных ситуациях.

Существенное негативное влияние на процессы ценностной солидаризации общества оказал социально-гигиенический фактор, роль которого возросла под влиянием пандемии коронавирусной инфекции. Согласно данным проведенного нами опроса, самоизоляция и карантинные меры, предпринятые в связи с пандемией, усилили разобщенность (56 %), увеличили недоверие к окружающим (55 %), увеличили тревожность в обществе (93 %).

Результаты исследования позволили отметить, что противоречивость проявляется не только на уровне ценностных ориентаций и установок, но и в мотивации респондентов к участию в решении общественно-значимых проблем и задач, а также готовности к объединению с другими людьми.

Более 70 % опрошенных граждан считают, что жителям необходимо принимать участие в развитии территории проживания. Однако при этом реально участвовать в данном процессе изъявили желание только 47 % опрошенных. А принимали участие лишь 28 %. Почти треть опрошенных нами граждан отметили, что не хотели бы участвовать в решении проблем своего населенного пункта.

В итоге складывается ситуация, при которой осознаваемая гражданами значимость гражданской активности не переносится ими в реальные практики социального действия. Усложняется ситуация тем, что те граждане, у которых все же нашлась мотивация к активности (а именно 28 %), в процессе ее реализации сталкиваются с рядом иных проблем как общественного, так и институционального характера, которые в последствии вынудили их отказаться от какого-либо проявления активизма.

Во-первых, это проблема поиска взаимопонимания и выстраивания диалога между различными участниками процесса гражданской активности, в частности между гражданами, между населением и властью и т.д. Во-вторых, это отсутствие результата от проявления активности. Граждане отметили, что во множестве случаев проблема, для решения которой им приходилось включаться в те или иные формы активности, была не решена либо решена частично.

В целом, анализируя степень заинтересованности населения в решении проблем территории проживания и готовности к объединению для этого с другими людьми, можно выделить несколько моделей поведения граждан:

– рационально-активную (субъектами данной модели являются активные граждане, принимающие участие в различных формах гражданской активности, в рамках данной модели у граждан выражены ценности доверия, взаимной ответственности, территориальной идентичности, развита социетальная мотивация);

– конформистскую (приспособленческую – субъектами данной модели выступают граждане, в чьих ценностных установках доминируют представления о необходимости гражданской активности и участия, однако по разным причинам они не включаются в практики коллективного действия, межличностное и институциональное доверие на низком уровне);

– индивидуалистскую (субъектами данной модели являются граждане, в чьих ценностных установках доминируют индивидуалистические ценности, они не доверяют окружающим, в сложных ситуациях склонны рассчитывать только на себя, в практики гражданской активности готовы включаться только для решения личных проблем).

Подводя итоги исследованию, отметим, что важнейшим свойством современного общества является дефицит солидаристских ценностей, в обществе преобладают индивидуализм, осторожность и осмотрительность по отношению к другим, низкий уровень межличностного и институционального доверия. В то же время преодоление негативных тенденций и вызовов современной внешней среды невозможно без консолидации социума, а значит, необходим поиск источников солидаризации и консолидации, актуальных современным условиям.

Список литературы

1. Маршак А.Л., Рожкова Л.В. 2020. Культурная консолидация как инновационная основа развития социальной структуры российского общества. ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура, 3 (80): 27–39.
2. Оздиев О.С. 2015. Ценности и ценностные ориентации как регулятор социальной активности людей. ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура, 3 (50): 137–145.

References

1. Marshak A.L., Rozhkova L.V. 2020. Kul'turnaya konsolidatsiya kak innovatsionnaya osnova razvitiya sotsial'noi struktury rossiiskogo obshchestva. [Cultural consolidation as an innovative basis for the development of the social structure of Russian society]. POISK: Politika. Obshchestvovedenie. Iskusstvo. Sotsiologiya. Kul'tura, 3 (80): 27–39.
2. Ozdiev O.S. 2015. Tsennosti i tsennostnye orientatsii kak regulyator sotsial'noi aktivnosti lyudei. [Values and value orientations as a regulator of people's social activity]. POISK: Politika. Obshchestvovedenie. Iskusstvo. Sotsiologiya. Kul'tura, 3 (50): 137–145.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Хрипкива Дианна Вазгеновна, старший преподаватель кафедры социальных технологий и государственной службы Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Diana V. Khripkova, senior lecturer of the Department of Social Technologies and Public Service of the Belgorod National Research University, Belgorod, Russia